

LATVIJA

19. Grabstės Zundi (Grābstes Zundi, Liepojos r.)
20. Sise Zyrų (Sise Zīru, Ventspilio r.)
21. Brasliniai Valgalės (Brasliņi Valgales, Talsu r.)
22. Vendzava Zyrų (Vendzava Zīru, Talsu r.)

SUTRUMPINIMAI I

MUZIEJAI

GHM
KrM
LDM Ap
LNM AR
LVM
MLIM
SHM
VDKM
ŽAM | Gotlando istorijos muziejus Visby, Švedija.
Kretingos muziejus.
Lietuvos dailės muziejus, Vilnius.
Lietuvos nacionalinis muziejus, Vilnius.
Latvijos valstybinis istorijos muziejus, Ryga.
Mažosios Lietuvos istorijos muziejus, Klaipėda.
Stokholmo nacionalinis senienų muziejus, Švedija.
Vytauto Didžiojo karo muziejus, Kaunas.
Žemaičių „Alkos“ muziejus, Telšiai. |
|---|--|

ĮSTAIGOS

LII F. 1
MMB | Lietuvos istorijos institutas, Fondas 1.
Lietuvos nacionalinė Martyno Mažvydo biblioteka. |
|-----------------|--|

LEIDINIAI

AE
AEWB
ATL
BA
EE, 1982
ILKI
LA, 1926
LA
LAA
LAB

LIP, 1990
LIŠ, 1955
LKS, 1937
LPA, 1974
LLM, 1958

LLM, 1966

MAD. A

MG
MP
Reallexikon,
1994 | Arheologija un etnogrāfija. Rīga.
Archaeology East and West of the Baltic. Stockholm, 1995.
Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje. Vilnius.
Baltų archeologija. Vilnius.
Eesti Esiajalugu. Tallin, 1982.
Iš lietuvių kultūros istorijos. Vilnius.
Latvijas archeologija. Rīga, 1926.
Lietuvos archeologija. Vilnius.
Lietuvos TSR archeologijos atlasas. Vilnius.
Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961.
Lietuvos istorijos paminklai. Vilnius, 1990.
Lietuvos TSR istorijos šaltiniai. Vilnius, 1955.
Latviešu kultūra senatnē. Rīga.
Latvijas PSR archeologija. Rīga.
Kulikauskienė R., Rimantienė R. Lietuvių liaudies menas. Senovės lietuvių papuošalai. I knyga. Vilnius.
Kulikauskienė R., Rimantienė R. Lietuvių liaudies menas. Senovės lietuvių papuošalai. II knyga. Vilnius.
Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai. A serija. Vilnius.
Mokslas ir gyvenimas. Vilnius.
Muziejai ir paminklai. Vilnius.
Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Berlin – New York. |
|---|--|

SBK
VB
ZAS

ŽP
CA

Senovės baltų kultūra. Vilnius, 1992.
Vakarų baltai: etnogenezė ir etninė istorija. Vilnius, 1997.
Zinātniskās atskaites sesijas referātu tēzes par archeologu,
antropologu un etnogrāfu... Pētījumu rezultātiem. Rīga.
Žemaičių praeitis. Vilnius.
Советская археология.

SUTRUMPINIMAI II

a.	amžius
apyl.	apylinkė
aps.	apskritis
atsitikt. rad.	atsitiktinis radinys
k.	kapas
pab.	pabaiga
pr.	pradžia
r.	rajonas
vls.	valsčius
tir.	tirta
tiksl. sk. než.	tikslus skaičius nežinomas
š.	šaltiniai (rankraščiai)
žvalg.tir.	žvalgomieji tyrinėjimai

RANKRAŠČIAI

Baleniūnas P. Genčių kapinyno, Kretingos r., 1940 m. kasinėjimų dienoraštis. LII. F. 1. Nr. 979.

Baleniūnas P. Gintališkės kapinyno, Kretingos r., 1940 m. kasinėjimų ataskaita. LII. F. 1. Nr. 798.

Baleniūnas P. Godelių, Plungės r., Šateikių ap., kasinėjimų ataskaita (1940 m. rugsėjo 9–12 d.). LII. F. 1. Nr. 954.

Baleniūnas P. Dimitravo kapinyno tyrinėjimų dienoraštis. 1941 m. LII. F. Nr. 767.

Baleniūnas P. Jazdų kapinyno, Kretingos r., 1940 m. kasinėjimų dienoraštis. LII. F. 1. Nr. 978.

Baleniūnas P. Kiauleikių kapinyno, Kretingos r., Rūdaičių apyl., 1941 m. kasinėjimų dienoraštis. LII. F. 1. Nr. 605. Radinių sąrašą sudarė Elena Danilaitė.

Baleniūnas P. Lazdininkų kapinyno, Kretingos r., 1940 m. tyrinėjimų dienoraštis. LII. F. 1. Nr. 245.

Baleniūnas P. Laivių kapinyno, Kretingos r., 1940 m. tyrinėjimų ataskaita. LII. F. 1. Nr. 761.

Bertašius M. Vidurio Lietuva VIII–XII a. Daktaro disertacija: humanitariniai mokslai. Istorija. Vilnius, 1998. Rankraštis. MMB. F. 132 – 661.

Bliujienė A. Užpelkių kapinyno, Kretingos r., 1991 ir 1995–1996 metų tyrinėjimų ataskaitos. LII. F. 1. Nr. 1828, 2523, 2712.

Daugudis V. Laivių k., Kretingos r., senkapio 1978 m. žvalgomųjų kasinėjimų ataskaita. LII. F. 1. Nr. 622.

Gabriūnaitė K. Lazdininkų senkapio, Kretingos r., 1978 m. tyrinėjimų ataskaita. LII. F. 1. Nr. 655.

Gabriūnaitė K. Lazdininkų senkapio, Kretingos r., 1979 m. tyrinėjimų dienoraštis. LII. F. 1. Nr. 751.

Gabriūnaitė K. Lazdininkų senkapio, Kretingos r., 1980 m. tyrinėjimų dienoraštis. LII. F. 1. Nr. 796.

Jablonskis I. Kretingos pilies, Andulių senkapių 1972 metų dujų tranšėjos radiniai. LII. F. 1. Nr. 374.

Jablonskis I. Kašučių, Kretingos r., senkapio 1978 m. kasinėjimų ataskaita. LII. F. 1. Nr. 623.

Jablonskis I. Kretingos m. senkapio Nr. I tyrinėjimai. 1982 m. LII. F. 1. Nr. 1056.

Jablonskis I. Senkų senkapio žvalgomieji tyrinėjimai Kretingos rajone. LII. F. 1. Nr. 1258.

Kanarskas J. Andulių (Kretingos r., Žalgirio apyl.) plokštinio kapinyno 1988 m. tyrinėjimų ataskaita. LII. F. 1. Nr. 1736.

Kanarskas J. Kretingos plokštinis kapinynas Nr. 1. 1988 m. LII. F. 1. Nr. 2152.

- Kulikauskas Pr., Kulikauskienė R.** Nausodis, Plungės vls. ir aps. Vėlyvojo geležies amžiaus kapinyno tyrinėjimų dienoraštis. LII. F. 1. Nr. 5.
- Kulikauskas Pr., Kulikauskienė R.** Laivių kapinyno, Salantų vls., Kretingos aps. 1949–1951 m. tyrinėjimų dienoraščiai. LII. F. 1. Nr. 6–8.
- Kulikauskas Pr., Kulikauskienė R.** 1966 m. Girkalių plokštinio kapinyno kasinėjimų ataskaita. LII. F. 1. Nr. 263.
- Kulikauskienė R.** Pryšmančių kapinyno, Kretingos r., 1984 m. kasinėjimų ataskaita. LII. F. 1. Nr. 1163.
- Kulikauskienė R.** Pryšmančių kapinyno 1986 m. tyrinėjimų ataskaita. LII. F. 1. Nr. 1613.
- Kulikauskienė R., Jankauskas K.** Pryšmančių kapinyno (Kretingos r.) 1990 m. tyrinėjimų ataskaita. LII. F. 1. Nr. 1700.
- Lietuvos TSR MA Istorijos instituto ekspedicijos, vykusios nuo 1948 m. liepos mėn. 20 d. iki rugpjūčio mėn. 26 d., ataskaita.** LII. F. 1. Nr. 1.
- Merkevičius A.** Genčių k. I kapinynas, Kurmaičių apyl., Kretingos r. 1983–1987 m. tyrinėjimų ataskaitos. LII. F. 1. Nr. 1082, 1137, 1192, 1264, 1303.
- Mickevičius A.** Kuršiai IX–XII a. ir skandinavai. Disertacija humanitarinių mokslų daktaro laipsniui įgyti. Vilnius, 1993.
- Nakaitė L.** Laivių kapinyno, Kretingos r., 1956 m. tyrinėjimų ataskaita. LII. F. 1. Nr. 759.
- Patkauskas S.** Lazdininkų senkapio, Kretingos r., archeologinių tyrimų 1976 m. ataskaita, brėžiniai, fotonuotraukos. LII. F. 1. Nr. 453 a–b.
- Radzvilovaitė E.** Kašučių kapinyno, Kretingos r., 1969 m. tyrinėjimų ataskaita. LII. F. 1. Nr. 324.
- Rickevičiūtė K.** Lazdininkų senkapio, Kretingos r., 1981 ir 1982 metų tyrinėjimų dienoraščiai. LII. F. 1. Nr. 1011–1012.
- Stankus J.** Genčių I kapinyno (Kretingos r.) 1993–1995 m. tyrinėjimų ataskaitos. LII. F. 1. Nr. 2168, 2281, 2463.
- Stankus J.** Genčių II kapinyno, Kurmaičių apyl., Kretingos r., 1983 ir 1985 m. tyrinėjimų ataskaitos. LII. F. 1. Nr. 1102, 1188.
- Stankus J.** Bandužių kapinyno (Klaipėdos r.) tyrinėjimų 1985–1989 m. ataskaitos. LII. F. 1. Nr. 1189, 1252, 1294, 1509, 1600.
- Šimėnas V.** Kiauleikių kapinyno, Kretingos r., 1984 ir 1985 m. kasinėjimų ataskaitos. LII. F. 1. Nr. 1162, 1220.
- Šimėnas V.** Pryšmančių I plokštinio kapinyno, Kretingos r., 1985 m. kasinėjimų ataskaita. LII. F. 1. Nr. 1233.
- Tautavičius A.** Palangos senkapio, esančio Komjaunimo ir Dariaus ir Girėno gatvių sankryžose, tyrinėjimų 1961 ir 1962 m. ataskaitos. LII. F. 1. Nr. 111–112, 144, 182.
- Vaitkunskienė L.** Bandužių kapinyno, Klaipėdos r., tyrinėjimų ataskaita. 1974 m. LII. F. 1. Nr. 403.
- Valatka V.** Gintališkės kapinyno, Plungės r., 1968–1969, 1971 m. tyrinėjimų ataskaita. LII. F. 1. Nr. 435.
- Valatkienė L.** Maudžiorų kapinyno (Kelmės r.) 1980 metų tyrinėjimai. LII. F. 1. Nr. 950.

- Valatkienė L.** Godelių kapinyno (Plungės r., Šateikių apyl.) tyrinėjimų 1986 metais ataskaita. LII. F. 1. Nr. 1711.
- Varnas A.** Griežės senkapio (Mažeikių r.) 1981–1983 metų archeologinių tyrinėjimų ataskaitos. LII. F. 1. Nr. 981, 1150–1150 a, 1138.
- Varnas A.** Laistų kapinyno (Klaipėdos r.) 1984 m. žvalgomųjų archeologinių tyrimų ataskaita. LII. F. 1. Nr. 1136.
- Žulkus V.** Slengių senkapis, Klaipėdos r. 1978 m. archeologinių tyrimų ataskaita. LII. F. 1. Nr. 671.
- Žulkus V.** Palangos kapinyno šiaurinės dalies 1993 m. archeologinių tyrinėjimų ataskaita. LII. F. 1. Nr. 2192.

LITERATŪRA

- Almgren O.** 1897. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte. Stockholm.
- Andersson K.** 1995. Romartida guldsmede i Norden III. Övriga smycken, teknisk analys och verkstadsgrupper. Uppsala.
- Andersson K.** 1996. Nordic Gold Jewellery Production in the First Centuries A. D. *Roman Reflections in the Scandinavia*. Roma. P. 185 – 189.
- Alseikaitė-Gimbutienė M.** 1947. Priešistorinių laikų ryšiai su liaudies kultūra. *Aidai*. Nr. 2. P. 8 – 13.
- Alseikaitė-Gimbutienė M.** 1948. Liaudies meno šaknys. *Aidai*. Nr. 14. P. 2 – 7.
- Apala Z., Zariņa A.** 1991. Dižciltīga Latgala apbedījums Ģūģeru kapulaukā. *Latvijas Vēstures Institūta žurnāls*. Rīga. 1 (1). P. 11 – 29.
- Apals J.** 1971. 1971 gada izrakumi Drabešu – Liepiņas. *ZAS 1971 gada*. Rīga. P. 37 – 39.
- Antoniewicz W.** 1930. Czasy przedhistoryczne i wczesnodziejowe ziemi Wileńskiej. *Wilno i ziemia wileńska*. Wilno. T. 1. S. 103 – 132.
- Arbman H.** 1940. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala.
- Atgāzis M.** 1988. Dreņģeru – Čunkānu kapulauka Pētniecība. *ZAS 1986 in 1987 gada*. Rīga. P. 33 – 40.
- Atgāzis M.** 1994. Dreņģeru – Čunkānu 241. kaps un šķēpu līdzdišanas tradīcija 8 – 9. gs. Zemgalu apbedījums. *AE*. Rīga. T. 17. P. 29 – 40.
- Arrhenius B., Freij H.** 1992. „Pressbleck“ fragments from the East Mound in Old Uppsala analyzed with a laser scanner. *Laborativ Arkeologi*. 6. Stockholm. P. 75 – 110.
- Arwidsson G.** 1942 a. Die Gräberfunde von Valsgärde. I Valsgärde 6. Uppsala.
- Arwidsson G.** 1942 b. Vendelstile Email und Glas im 7. – 8. Jahrhundert. Stockholm.
- Baltrušaitis J.** 1931. La Stylistique ornamentale dans la sculpture Romane. Paris.
- Basanavičius J.** 1912. Lietuvių kryžiai archeologijos šviesoje. Vilnius.
- Beresnevičius G.** 1991. Simboliai – sustingę ir judantys. *Krantai*. Nr. 3. P. 3–9

- Beresnevičius G.** 1992. Baltų simbolių dinamika. *SBK*. Vilnius. P. 42 – 55.
- Bitner-Wróblewska A.** 1986 – 1990. Zapinki z gwiazdzistą i łopatkowatą nóżką z południowo – wschodnich wybrzeży Bałtyku. *Wiadomości Archeologiczne*. T. LI. Z. 1. P. 49 – 81.
- Bitner-Wróblewska A.** 1992. The Southeastern Baltic Zone and Scandinavia in the Early Migration Period. *Barbaricum* '92. Warszawa. T. 2. P. 245 – 277.
- Bliujienė A., Petrauskienė J.** 1989. II – XV a. alavuoti papuošalai Lietuvoje. *MG*. Nr. 11. P. 34 – 35.
- Bliujienė A.** 1995. Apskriti kabučiai kuršių kultūroje VIII a. pab. – IX a. *Lituanistica*. Nr. 1 (21). P. 39 – 72.
- Bliujienė A.** 1998. VIII a. Lamatos moterų ovalūs kiauraraščiai kabučiai ir jų germaniškos paralelės. *Lituanistica*. Nr. 2 (34). P. 66 – 87.
- Bliujienė A.** Kuršių vyrų ir moterų papuošalai pasaulio modeliai. *Spaudoje*.
- Boas F.** 1955. Primitive Art. New York.
- Brastinš E.** 1923. Latviešu ornamentika. Rīga.
- Brown K. R.** 1996. If only the Dead Could Talk. An Update on East German and Hunnish Jewelry Collections at Metropolitan Museum of Art. *Ancient Jewelry and Archaeology*. Bloomington and Indianapolis. P. 224 – 234.
- Bruce-Mitford R.** 1947. The Sutton Hoo Ship Burial. London.
- Bruce-Mitford R.** 1978. The Sutton Hoo Ship – burial. Arms, Armour and Regalia. London. T. 2.
- Butkus D., Kanarskas J.** 1992. Lazdininkų (Kalnalaukio) kapinyno tyrinėjimai 1991 m. *ATL 1990 ir 1991 metais*. Vilnius. T. 1. P. 81 – 85.
- Būga K.** 1961. Rinktiniai raštai. Vilnius T. 3.
- Callmer J.** 1971. Some Points of View on the Study of Viking Age Ornamentation. *Meddelanden Från Lunds Universitets Historiska Museum 1969 – 1970*. Lund. P. 266 – 279.
- Carlsson A.** 1988. Vikingatida ringspännen från Gotland. Text och katalog. Stockholm.
- Cima M.** 1996. The domus and its decoration. *Roman Reflections in Scandinavia*. Roma. P. 74 – 76.
- Corsten M.** 1995. Die stempelverzierten Metallgegenstände der Merowingerzeit. München.
- Cunliffe B.** 1997. The Ancient Celts. Oxford, New York.
- Danilaitė E.** 1961. Archeologiniai tyrinėjimai Kiauleikiuose. *ILKI*. Vilnius. T. 3. P. 101 – 124.
- Dantė A.** 1971. Dieviškoji komedija. Rojus. Vertė Aleksys Churginas. Vilnius.
- Daugudis V.** 1968. Stakliškių lobis. Vilnius.
- Dundulienė P.** 1979. Žaltys ir jo simboliai lietuvių liaudies mene ir žodinėje kūryboje. Vilnius.
- Dundulis B.** 1985. Lietuvos kovos dėl Baltijos jūros. Vilnius.
- Duczko W.** 1988 – 1989. Trå vikingatida dekorplattor från Hässelby Uppland. *TOR Tidskrift för nordisk folkunskop*. Uppsala. Vol. 22. P. 189 – 222.

- Engel C.** 1931. Beiträge zur Gliederung des jüngsten heidnischen Zeitalters in Ostpreussen. *Congressus Secundus Archeologorum Balticorum Rigae, 19 – 23. VIII. 1930*. Riga. P. 313 – 336.
- E E** – 1982. Eesti Esiajalugu. Tallin.
- Erä-Esko A.** 1965. Germanic Animal Art of Salin's Style I in Finland. Helsinki.
- Egilio saga.** 1975. Vilnius.
- Fabech C.** 1991. Neue Perspektiven zu den Funden von Sösdala und Fulltofta. *Studien zur Sachsenforschung*. Band 7. P. 121 – 136.
- Fabech C.** 1996. Booty Sacrifices in Southern Scandinavia. A history of Warfare. *Roman Reflections in Scandinavia*. Roma. P. 135 – 142.
- Fajt J., Sršeň L.** 1993. Lapidarium of the National Museum. Praha.
- Forssander J. E.** 1937. Provinzialrömisches und Germanisches. Stilstudien zu den schonischen Funden von Sösdala und Sjörup. *Meddelanden Från Lunds Universitets Historiska Museum*. Lund. P. 183 – 272.
- Gaerte W.** 1929. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg.
- Gaimster M.** 1998. Vendel Period Bracteates on Gotland. On the Significance of Germanic Art. *Acta Archaeologica Lundensia*. Series in 8, No 27. Lund.
- Galaunė P.** 1930. Lietuvių liaudies menas. Jo meninių formų plėtojimo pagrindai. Kaunas.
- Gimbutas M.** 1963. The Balts. London.
- Gimbutienė M.** 1985. Baltai priešistoriniais laikais. Vilnius.
- Gimbutienė M.** 1994. Senovinė simbolika lietuvių liaudies mene. Vilnius.
- Gimbutienė M.** 1995. Senoji Europa. *Liaudies kultūra*. Nr. 6. P. 3 – 21.
- Ģinters V.** 1937. Kāds vidējā dzelzs laikmeta latviešu ornāments. *Senatne un māksla*. Rīga. T. 2. P. 39 – 56.
- Ģinters V.** 1963. Senlatviešu simbolikas problēmas. *Ieskatītais un atzītais*. Stockholm. P. 204 – 210.
- Ģinters V.** 1981. Tracht und Schmuck in Birka und im ostbaltischen Raum. *Antikvariskt arkiv*. 70. Stockholm.
- Ģinters V.** 1984. Der Ursprung der Ringspangen von östlichen Typ. *Birka II: 1*. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm. P. 23 – 30.
- Giove T.** 1996. Jewellery. *Roman Reflections in Scandinavia*. Roma. P. 184 – 184.
- Graham – Campbell J., Kidd D.** 1980. The Vikings. London.
- Graham – Campbell J.** 1981. Vikingarnas värld. Stockholm.
- Gombrich E. H.** 1968. Art and Illusion. A study of the Psychology of Pictorial Representation. London.
- Gombrich E. H.** 1984. The Sense of Order. A Study of the Psychology of Decorative Art. Oxford.
- Greimas A. J.** 1983. Sakmė apie Šovį vėlių vedlį. *Metmenys*. Nr. 45. P. 3–26.
- Greimas A. J.** 1990. Tautos atminties beiėškant. Apie dievus ir žmones. Vilnius – Čikaga.
- Griciuvienė E.** 1991. Baltiškojo ornamento beiėškant. Vilnius.

- Griciuvienė E., Tautavičius A.** 1994. Od epoki brązu do sredniowiecza. *Starożytności Litwy. Katalog wystawy Muzeum Narodowego Litwy z Vilna 4. 03 – 30. 06. 1994.* Warszawa.
- Gudavičius E.** 1978. Runos Stoniavos akmenyje. *MAD, A.* T. 3 (64). P. 73 – 81.
- Hampel J.** 1905. Alterthümer des Frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig. T. 1 – 2.
- Hensel W.** 1980. Polska Starożytna. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk.
- Hills C.** 1977. The Anglo – Saxon Cemetery at Spong Hill. North Elmham. Part I. Catalogue of Cremations, Nos. 20 – 64 and 1000 – 1690. Norfolk.
- Hoffmann J.** 1941. Die spätheidnische Kultur des Memellandes (10. – 12. Jahrh. n. d. Zw.). Königsberg.
- Holmqvist W.** 1939. Kunstprobleme der Merowingerzeit. Stockholm.
- Holmqvist W.** 1955. Germanic Art During the First Millenium A. D. Stockholm.
- Høilund Nielsen K.** 1991. Centrum og periferi I 6. – 8. årh. *Høvdingesamfund og Kongemagt. Jysk Arkaeologisk Selskabs Skrifter XXII: 2.* Bornholm. P. 127 – 154.
- James E. O.** 1966. The Tree of Life in Archaeological Study. Leiden.
- Jankauskas K.** 1990. Sidabrinų lankinių segių gamybos technologija. *ATL 1988 ir 1989 metais.* Vilnius. P. 217 – 221.
- Jankauskas K.** 1992. Smulkusis papuošalų iš spalvotųjų metalų dekoras. *LA.* Vilnius. T. 9. P. 151 – 168.
- Jansson I.** 1985. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö – fynden. Ovals spännbucklor. Uppsala.
- Jansson I.** 1995. Dress Pins of East Baltic Type Made on Gotland. *AEWB.* Stockholm. P. 83 – 90.
- Jenny W. A.** 1940. Die Kunst der Germanen on frühen Mittelalter. Berlin.
- Jung C. G.** 1977. Approaching the Unconsions. *Man and his Symbols.* New York.
- Jørgensen L.** 1944. Jüngere Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit in Skandinavien. *Reallexikon.* Band. 8. Lieferung 5/ 6. Berlin – New York. P. 524 – 536.
- Kargaudienė A.** 1989. Verpstės (Katalogas). Kaunas.
- Kargaudienė A.** 1992. XIX a. lietuvių liaudies siuvinėti daiktai ir jų ryšys su apeigomis bei papročiais. SBK. Vilnius. P. 95 – 113.
- Karlsuonė A.** 1995. Apie latvių raštuotų juostų ornamentus. *Senovės baltų kultūra. Dangaus ir žemės simboliai.* Vilnius. P. 220 – 235.
- Katalog der Ausstellung zum 1896. X.** archaeologischen Kongress in Riga 1896. Riga.
- Kazakevičius V.** 1981. Unikalus V a. pab. geriamasis ragas iš Plinkaigalio (Kėdainių r.) kapinyno. *MAD. A.* T. 3 (76). P. 81 – 91.
- Kazakevičius V.** 1993. Plinkaigalio kapinynas. *LA.* Vilnius. T. 10.
- Kazakevičius V.** 1996. IX – XIII a. baltų kalavijai. Vilnius.
- Kendrick T. D.** 1938. Anglo – Saxon Art to A. D. 900. London.
- Keturka A.** 1987. Spalva lietuvių liaudies baldų puošyboje. Skrynios, kuparai, spintos. Vilnius.

- Kivikoski E.** 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.
- Klindt-Jensen O.** 1957. Bornholm i Folkevandringstiden og Forudsætningerne i Tidlig Jernalder. København.
- Knape A.** (Editor). 1994. The Magic of Gold in Life and Legend. Stockholm.
- Koch R., Koch U.** 1996. Die fränkische Expansion ins Main – und Neckargebiet. *Die Franken Wegbereiter Europas.* Mainz. P. 270 – 284.
- Kulakov V.** 1994. Vakarų lietuvių V – XII a. radiniai prūsų žemėse. *Acta Historica Universitatis Klaipedensis. Klaipėdos miesto ir regiono archeologijos ir istorijos problemas. II.* Klaipėda. P. 107 – 124.
- Kühn H.** 1940. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz. Bonn. T.1 – 2.
- Kulikauskienė R.** 1983. Žirgo motyvas Lietuvos archeologinėje medžiagoje. *MG.* Nr. 12. P. 33.
- Kulikauskienė R., Matulionis E.** 1987. Senovės meistrų paslaptys. *MG.* Nr. 10. P. 29 – 30.
- Kuncienė O.** 1972. Prekybiniai ryšiai IX–XIII amžiais. *Lietuvos gyventojų prekybiniai ryšiai I– XIII a.* Vilnius. P. 149 – 254.
- Kuncienė O.** 1978 a. Smeigtukai galvos apdangalui susegti. *LAA.* Vilnius. T. IV. P. 9 – 10, žem. 4.
- Kuncienė O.** 1978 b. Smeigtukai trikampėmis galvutėmis. *LAA.* Vilnius. T. IV. P. 79 – 81, žem. 46: 3 – 5.
- Kuncienė O.** 1978 c. VIII–XIII a. kryžiniai smeigtukai. *LAA.* Vilnius. T. IV. P. 83 – 87, žem. 49 : 2.
- Kuncienė O.** 1978 d. Kryžiniai smeigtukai su pusrutulio formos buoželėmis. *LAA.* Vilnius. T. IV. P. 82 – 83, žem. 48: 2.
- Kuncienė O.** 1978 e. Antkaklės tordiruotu lankeliu su kilpele ir kabliuku. *LAA.* Vilnius. T. IV. P. 21 – 22, žem. 13: 1.
- Kuncienė O.** 1978 f. Antkaklės lygiu lankeliu su kilpele ir kabliuku. *LAA.* Vilnius. T. IV. P. 22 – 23, žem. 13: 2.
- Kuncienė O.** 1978 g. Antkaklės apvaliais pastorintais galais. *LAA.* Vilnius. T. IV. P. 23 – 24, žem. 14: 1.
- Kuncienė O.** 1978 h. Vytinės antkaklės su kilpele ir kabliuku. *LAA.* Vilnius. T. IV. P. 27 – 28, žem. 17.
- Kuncienė O.** 1978 j. Vytinės antkaklės kilpiniais galais. *LAA.* Vilnius. T. IV. P. 29 – 30, žem. 18:1.
- Kuncienė O.** 1978 k. Antkaklės iš vielos ir karolių. *LAA.* Vilnius. T. IV. P. 32. žem. 21.
- Kuncienė O.** 1981. Prekyba. *Lietuvių materialinė kultūra IX–XIII amžiuje.* Vilnius. P. 49 – 82.
- Kunczyńska-Itacka.** 1993. Matka Boska Leśniańska, jej dewocyjne wizerunki i ludowy kult. *Sarmatia Semper Viva. Zbiór Studiów Ofiarowany przez przyjaciół prof. drovi. hab. Tadeuszowi Chrzanowskiemu.* Warszawa. P. 139 – 154.
- Kuodienė M.** 1999. Rumbonių altorėlio paveikslų „Nuodėmė ir atgaila“ ir „Atpirkimo medis“ ikonografija. *Lietuvos dailės muziejaus metraštis.* Vilnius. T. 3. P. 91–105.

- LA.** 1926. Latvijas Arhaiologija. F. Baloža redakcija. Rīga.
- LAB.** 1961. Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius.
- Lasko P.** 1971. The Kingdom of the Franks. North – West Europe before Charlemagne. London.
- Lászlo G.** 1970. Steppenvölker und Germanische Kunst der Völkerwanderungszeit. Wien, München.
- Latvis H.** 1981. Senosios Livonijos kronika, pagrįsta trijų pirmųjų vyskupų darbais. Vilnius.
- Lindqvist S.** 1941. Gotlands Bildsteine. Stockholm, Uppsala.
- LIP.** 1990. Lietuvos istorijos paminklai. Vilnius.
- LIŠ.** 1955. Lietuvos TSR istorijos šaltiniai. Vilnius. T. 1.
- LPA.** 1974. Latvijas PSR Arheologija. Rīga.
- LKS.** 1937. Latviešu kultūra senatnē. Redakcija F. Baloša un R. Šnore. Rīga.
- LLM.** 1958. Kulikauskienė R., Rimantienė R. Lietuvių liaudies menas. Senovės lietuvių papuošalai. I knyga. Vilnius.
- LLM.** 1966. Kulikauskienė R., Rimantienė R. Lietuvių liaudies menas. Senovės lietuvių papuošalai. II knyga. Vilnius.
- Laurinkienė N.** 1982. Archajinio pasaulėvaizdžio relikvai kalendorinėse dainose. *Literatūra*. 1981. Nr. XXIII/1. Vilnius. P. 4–8.
- Mackenzie D. A.** 1996. The Migration of Symbols and their Relation to Beliefs and Customs. *The history of Civilization*. London.
- O' Meadhra U.** 1997. Motif pieces from Ireland. Early Christian, Viking and Romanesque Art. *Theses and Papers in North – European Archaeology 7*. Stockholm. T. 1 – 2.
- Mandel M.** 1995. Eisenzeitliche Grabformen und Bestattungsbräuche auf dem westestnischen Festlande. *AEWB*. Stockholm. P. 111 – 121.
- Mägi – Lõugas M.** 1995. Eesti Viikingiaegsed Käevõrud ja Nende Ornament. *Eesti Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut. Muinasaja Teadus 3*. Tallinn. P. 271 – 325.
- Megaw R., Megaw V.** 1994. Early Celtic Art in Britain and Ireland. London.
- Menghin W.** 1995. Merowingerzeit. Geschichte und Archäologie. *Merowingerzeit. Die Altertümer im Museum für Vor – und Frühgeschichte*. Mainz am Rhein. P. 17 – 221.
- Merkevičius A.** 1984. Sauginių plokštinių kapinynas. *LA*. Vilnius. T. 3. P. 41 – 63.
- Merkevičius A.** 1988. Genčių I kapinyno tyrinėjimai. *ATL 1986 ir 1987 metais*. Vilnius. P. 78 – 82.
- Michelbertas M.** 1972 a. V m. e. a. Daujėnų apgalvis. *Istorija. Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai*. T. XIII (1 sąsiuvinis). Vilnius. P. 121 – 131.
- Michelbertas M.** 1972 b. Prekybiniai ryšiai su Romos imperija. *Lietuvos gyventojų prekybiniai ryšiai I – XII a.* Vilnius. P. 5 – 148.
- Michelbertas M.** 1986. Senasis geležies amžius Lietuvoje. Vilnius.
- Mickevičius A.** 1994. Baltai Švedijos runų įrašuose. *ŽP*. Vilnius. T. 3. P. 110 – 125.

- Migotti B.** 1997. Evidence for Christianity in Roman Southern Pannonia (Northern Croatia). A catalogue of finds and sites. *BAR International Series 684*.
- Moberg C. A.** 1957. Über die Dreieckswirbel und andere Ornamentikdetails. *Meddelanden Från Lunds Universitets Historiska Museum*. Lund. P. 123 – 144.
- Moora H.** 1932. Die Vorzeit Estlands. Tartu.
- Moora H.** 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. II Teil. Analyse. Tartu.
- Mugurēvičs Ē.** 1987. Pūres Zviedru Kapulauks. *AE. T. XV* Rīga. P. 56 – 67.
- Mugurēvičs Ē.** 1968. Kapu veidi Kurzemē agrā feodālisma periodā. *ZAS 1967*. Rīga. P. 18 – 21.
- Muhl A.** 1994. Ornamentik und Bildprogramm merowingerzeitlicher Tauschierungen. *Tauschierarbeiten der Merowingerzeit. Bestandskataloge*. Berlin, Band 2. P. 35 – 71.
- Müller S.** 1888 – 1895. Ordnung af Danmarks Oldsager. II. Jernalderen. Paris, Kjøbenhavn, London, Leipzig.
- Nagevičius V.** 1935. Mūsų pajūrio medžiaginė kultūra VIII–XIII amž. (Pryšmančių ir kitų vietų kasinėjimai). *Senovė*. Kaunas. T. 1.
- Nakaitė L.** 1964. Sidabro naudojimas II – XIII amžiais Lietuvoje dirbiniams puošti. *MAD. A. T. 1 (16)*. P. 63 – 82.
- Nakaitė L.** 1991. Žalvariniai senolių laiškai. Vilnius.
- Nerman B.** 1929. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm.
- Nerman B.** 1935. Die Völkerwanderungszeit Gotlands. Stockholm.
- Nerman B.** 1958. Grobin – Seeburg. Ausgrabungen und Funde. Stockholm, Uppsala.
- Nerman B.** 1969. Die Vendelzeit Gotlands. Stockholm. T. I – II Tafeln.
- Nowakowski W.** 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg, Warszawa.
- Patkauskas S.** 1980. Lazdininkų senkapio apskritieji kabučiai. *MP*. T. 2. P. 64 – 70.
- Petersen J.** 1928. Vikingetidens smykker. Stavanger.
- Petrenko V., Urtāns J.** 1995. The Archaeological Monuments of Grobiņa. Riga – Stockholm.
- Piwocki K.** 1977. Dzieje sztuki w zarysie. Od wieków średnich do końca XVIII w. Warszawa. T. 2.
- Puzinas J.** 1938. Naujausių proistorinių tyrimų duomenys (1918 – 1938 metų Lietuvos proistorinių tyrinėjimų apžvalga). Kaunas.
- Ramonienė D.** 1997. Krikščioniškosios ikonografijos žodynas. Vilnius.
- Reallexikon.** 1994. Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Band. 8. Lieferung 5/6, Berlin – New York.
- Renner D.** 1970. Die Durchbrochenen Zierscheiben der Merowingerzeit. Mainz.

- Rice, D. T (editor).** 1965. The Dark Ages. The Making of European Civilization. London.
- Rickevičiūtė K.** 1984. Segės iš Lazdininkų. *MP*. Vilnius. T. 6. P. 45 – 48.
- Rimantienė R.** 1979. Šventoji. Narvos kultūros gyvenvietės. Vilnius.
- Rimantienė R.** 1980. Šventoji. Pamarių kultūros gyvenvietės. Vilnius.
- Rimantienė R.** 1989. Nida. Senųjų baltų gyvenvietė. Vilnius.
- Rimantienė R.** 1995. Lietuva iki Kristaus. Vilnius.
- Rygh O.** 1885. Antiquités Norvégiennes. Paris, Leipzig, Boston, London. T. 1 – 2.
- Romilly A. J.** 1997. Celtic Art in the Pagan and Christian Times. London. Pirmasis leidimas 1904.
- Salatkienė B.** 1998. Kalnelių archeologiniai paminklai. *LA*. Vilnius. T. 15. P. 137 – 161.
- Salin B.** 1904. Die Altgermanische Thierornamentik. Stockholm.
- Salmo H.** 1956. Finnische Hufeisenfibeln. Helsinki.
- Schetelig H.** 1906. The Cruciform Brooches of Norway. Bergen.
- Shetelig H.** 1949. Classical Impulses in Scandinavian Art from the Migration Period to the Viking Age. Oslo.
- Seit Jespersen J.** 1984 – 1985. En kvindegrav fra aeldre germansk jernalder ved Levka Bugt, Bornholm. *Fra Bornholm Museum* P. 101 – 110.
- Senasis Testamentas.** 1990. Pradžios knyga. Vilnius.
- Simniškytė A.** 1998. Geriamieji ragai Lietuvoje. *LA*. Vilnius. T. 15. P. 185 – 245.
- Smirnova M.** 1995. Lankinės segės su stačiakampiais skydeliais senųjų prūsų teritorijoje. *Vakarų baltų istorija ir kultūra*. Klaipėda. T. 2. P. 21 – 33.
- Sprainaitis R.** 1991. XVII a. Rusnės moterų papuošalai. *MP*. T. 9. P. 62 – 68.
- Stankus J.** 1995. Bandužių kapinynas. *LA*. Vilnius. T. 12.
- Stankus J.** 1996. Genčių I kapinyno tyrinėjimai. *ATL 1994 ir 1995 metais*. Vilnius. P. 118 – 122.
- Stankus J.** 1988. Kurmaičių – Pajuodupio (Kretingos r.) VI – VII m. e. kapinynas. *MAD, A*. T. 2 (103). P. 33 – 44.
- Stepiš P.** 1964. Liepājas novadpētniecības muzeja arheolģiskie izrakumi 1963. Gadā. *ZAS 1963*. Rīga. P. 16 – 18.
- Stepiš P.** 1965. Liepājas vēstures un mākslas muzeja izrakumi 1964 Gadā. *ZAS 1964*. Rīga. P. 14 – 16.
- Stenberger M.** 1947. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. II. Fundbeschreibung und Tafeln. Lund.
- Stenberger M.** 1958. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. I. Text. Stockholm.
- Szukiewicz W.** 1903. Krzyże zdobne w gubernji Wileńskiej. *Wista*. 1903. T. XVII. Warszawa.
- Šimėnas V.** 1986. Kiauleikių plokštiniis kapinynas. *ATL 1984 ir 1985 metais*. Vilnius. P. 67 – 69.
- Šimėnas V.** 1987. Skalvių auksas ir sidabras. *Kultūros barai*. Nr. 10. P. 64 – 67.
- Šimėnas V.** 1992. Nauji V a. pab. – VI a. pr. laidojimo papročiai Nemuno žemupyje. *Ikikrikščioniškosios Lietuvos kultūra*. Vilnius. P. 23 – 35.

- Šimėnas V.** 1994. Sidabro amžius Lietuvoje. *Krantai*. Lapkritis – gruodis. P. 6 – 13.
- Šlapelis I.** 1992. Meno istorijos metmenys. Vilnius.
- Šnore R.** 1930. Dzelzs laikmeta latviešu rotas adatas. *Latvijas aizvēstures materiāli*. Rīga. I. P. 39 – 108.
- Tallgren A. M.** 1925. Zur Archäologie Eesti. Dorpat. T. 2.
- Tautavičius A.** 1970. Vakarinės Žemaitijos dalies IX – XII a. moterų kepuraitės. *MP*. Vilnius. P. 112 – 114.
- Tautavičius A.** 1977. I – XIII a. laidojimo paminklai. *LAA*. Vilnius. T. III. P. 5 – 18.
- Tautavičius A.** 1978. Lankinės žieduotosios segės. *LAA*. Vilnius. T. IV. P. 39 – 42.
- Tautavičius A.** 1981. Taurapilio „kunigaikščio“ kapas. *LA*. Vilnius. T. 2. P. 18 – 43.
- Tautavičius A.** 1984. Požerės plokštiniis kapinynas. *LA*. Vilnius. T. 3. P. 93 – 118.
- Tautavičius A.** 1996. Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V – IX a.). Vilnius.
- Tempelmann-Maczyńska M.** 1985. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein.
- Thunmark-Nylén L.** 1983. Vikingatida dosspänner – teknisk stratigrafi och verkstadsgruppering. Uppsala.
- Thunmark-Nylén L.** 1995. Die Wikingerzeit Gotlands. I. Abbildungen der Grabfunde. Stockholm.
- Thålin Bergman L.** 1994. Women's Treasures. *The Magic of the Gold in Life and Legend*. Stockholm.
- Tumėnas V.** 1989. Lietuvių tautinės juostos. Vilnius.
- Tumėnas V.** 1990. Žemaičių rinktinių juostų ornamento bruožai. *ŽP*. Vilnius. T. 1. P. 165 – 175.
- Tumėnas V.** 1992. Eglutės ir svastikos ornamentų simbolika Lietuvoje. *SBK*. Vilnius. P. 56 – 66.
- Tumėnas V.** 1994. Lietuvių liaudies rinktinių juostų ornamento simbolika. *Menotyra*. Nr. 1. P. 39 – 50.
- Urbanavičius V., Urbanavičienė S.** 1988. Obelių kapinynas. *LA*. Vilnius. T. 6.
- Urtāns J., Bernāte I.** 1994. Die Brüveri – Quelle von Krote. *Rakstu Vainags. Arheologa Jāna Sviatkovska piemiņai*. Rīga. P. 61 – 64.
- Urtāns V.** 1961. Pūces sakta. *AE*. Rīga. T. 3. P. 39 – 59.
- Urtāns V.** 1971. Etniskās atšķirības apbedīšanas tradīcijās un kapu inventārā Latvijā 5. – 9. gs. *AE*. 1970. T. IX. Rīga. P. 61 – 85.
- Usačiovaitė E.** 1992 a. Vieno liaudies ornamento morfologija. *Ikikrikščioniškosios Lietuvos kultūra*. Vilnius. P. 123 – 145.
- Usačiovaitė E.** 1992 b. Pasaulio medis Lietuvos tautiškų skrynių puošyboje. *SBK*. P. 67 – 92.
- Vaitkunskienė L., Merkevičius A.** 1978. Spalvotųjų metalų dirbiniai ir jų gamyba. *Lietuvių materialinė kultūra IX – XIII a.* Vilnius. T. 1. P. 89 – 116.

- Vaitkunskienė L.** 1978 a. VIII – XI a. trikampio pjūvio apyrankės platėjančiais galais. *LAA*. Vilnius. T. IV. P. 93, žem. 55: 1.
- Vaitkunskienė L.** 1978 b. VIII – XII a. įvijinės apyrankės. *LAA*. Vilnius. T. IV. P. 93 – 95, žem. 56.
- Vaitkunskienė L.** 1978 c. VIII – XII a. masyvios apyrankės. *LAA*. Vilnius. T. IV. P. 95 – 97, žem. 57.
- Vaitkunskienė L.** 1978 d. Laiptelinės segės. *LAA*. Vilnius. T. IV. P. 45 – 47, žem. 32.
- Vaitkunskienė L.** 1978 e. Lankinės gyvulinės segės. *LAA*. Vilnius. T. IV. P. 44, žem. 30.
- Vaitkunskienė L.** 1978 f. Lankinės aguoninės segės. *LAA*. Vilnius. T. IV. P. 44 – 45, žem. 31.
- Vaitkunskienė L.** 1978 g. Plokštinės segės. *LAA*. Vilnius. T. IV. P. 66 – 69, žem. 39: 1 – 8.
- Vaitkunskienė L.** 1978 h. Pasaginės segės. *LAA*. Vilnius. T. IV. P. 47 – 66, žem. 33 – 38.
- Vaitkunskienė L.** 1978 i. Apyrankės gyvuliniais galais. *LAA*. Vilnius. T. IV. P. 97 – 107, žem. 58.
- Vaitkunskienė L.** 1978 j. Apyrankės smailėjančiais galais. *LAA*. Vilnius. T. IV. P. 104 – 105, žem. 60: 2 – 3.
- Vaitkunskienė L.** 1978 k. VIII – XIII a. juostinės apyrankės. *LAA*. Vilnius. T. IV. P. 101 – 104, žem. 59.
- Vaitkunskienė L.** 1979. Gintališkės kapinynas. *LA*. Vilnius. T. 1. P. 44 – 75.
- Vaitkunskienė L.** 1981. Sidabras senovės Lietuvoje. *Vilnius*.
- Vaitkunskienė L.** 1983. Skandinavieški elementai žemaičių kultūroje X – XI a. *Lietuvos istorijos metraštis*. 1982. Vilnius. P. 5 – 17.
- Vaitkunskienė L.** 1984. Kaštaunalių plokštinis kapinynas. *LA*. Vilnius. T. 3. P. 79 – 93.
- Vaitkunskienė L.** 1985. Archeologiniai duomenys apie gyvulių kultą žemaičių religijoje (m. e. I tūkstantmečio viduryje). *MAD. A. T. 3 (92)*. P. 69 – 83.
- Vaitkunskienė L.** 1986. Mitologiniai ir ritualiniai simboliai m. e. I tūkstantmečio vidurio Lietuvos metalo plastikoje (1. Žirgo vaizdinys). *MAD. A. T. 3 (96)*. P. 37 – 50.
- Vaitkunskienė L.** 1987. Mitologiniai ir ritualiniai simboliai m. e. I tūkstantmečio vidurio Lietuvos metalo plastikoje (2. Kosmogoniniai vaizdiniai). *MAD. A. T. 4 (101)*. P. 44 – 56.
- Vaitkunskienė L.** 1988. Mitologiniai ir ritualiniai simboliai m. e. I tūkstantmečio Vidurio Lietuvos metalo plastikoje (3. Pasaulio medžio vaizdinys). *MAD. A. T. 1 (102)*. P. 49 – 59.
- Vaitkunskienė L.** 1995. Pagrybio kapinynas. *LA*. Vilnius. T. 13. P. 168 – 173.
- Varnas A.** 1982. Griezės kapinynas. *ATL 1980 ir 1981 metais*. Vilnius. P. 75 – 78.
- Varnas A.** 1984. Griezės plokštinis kapinynas. *ATL 1982 ir 1983 metais*. Vilnius. P. 108 – 111.
- Vaska B.** 1992. Dangaus ženklas šiaurinės Vidžemės skydo pavidalo apyrankėse (XIII – XIV a.). *SBK*. Vilnius. P. 122 – 130.

- Vaska B.** 1994 a. Ornamentas uz kuršu aprocēm ar zvėrgalvu galiem. *AE*. Rīga, 17 laid. P. 113 – 119.
- Vaska B.** 1994 b. Daži ornamenta kārtojuma veidi. Dobeles rinkasaktās. *Ornaments Latvijā. Materiāli mākslas vēsturei*. Rīga. P. 23 – 32.
- Vaškevičiūtė I.** 1978. Gyvuliniai motyvai VI – VII a. žiemgalių papuošalų ornamentuose. *Jaunujų istorikų darbai*. Vilnius. Kn. 2. P. 24 – 30.
- Vaškevičiūtė I.** 1987. Jauneikių (Joniškio raj.) V – XI a. kapinynas (4. Krūtinės papuošalai). *MAD. A. T. 2 (99)*. P. 25 – 38.
- Vaškevičiūtė I.** 1989. Kuršių kapai žiemgalių kapinyne. *MAD. A. T. 4 (109)*. P. 55–67.
- Vaškevičiūtė I.** 1995. Mažeikių (Šiaulių raj.) XVI – XVII a. kapinynas. *LA*. Vilnius. T. 11. P. 290 – 316.
- Vėlius N.** 1983. Senovės baltų pasaulėžiūra. Vilnius.
- Volkaitė-Kulikauskienė R.** 1964. Nauji duomenys apie Vakarų Lietuvos moterų galvos dangą ankstyvojo feodalizmo laikotarpiu. *MAD. A. Nr. 2 (17)*. P. 41 – 52.
- Volkaitė-Kulikauskienė R.** 1959. Senovės lietuvių moterų galvos danga ir jos papuošalai. *ILKI*. Vilnius. T. II. P. 30 – 53.
- Volkaitė-Kulikauskienė R.** 1970. Lietuviai IX – XII amžiais. Vilnius.
- Volkaitė-Kulikauskienė R.** 1987. Lietuvių tautybės susidarymas. *Lietuvių etnogenezė*. Vilnius. P. 183 – 199.
- Volkaitė-Kulikauskienė R.** 1988. Dėl kai kurių Pryšmančių I (Kretingos raj.) kapinyno papuošalų gamybos. *MAD. A. T. 3 (104)*. P. 37 – 51.
- Volkaitė-Kulikauskienė R., Jankauskas K.** 1992. Iš senosios lietuvių amatininkystės istorijos. *LA*. Vilnius. T. 8. P. 135 – 170.
- Zemītis G., Rozenberga V.** 1991. Senču raksti. Izstādes katalogs. Rīga.
- Zemītis G.** 1994. Solārās un lunārās simbolikas izpausmes Latvijas archeologiskajā materiālā. *Ornaments Latvijā. Materiāli mākslas vēsturei*. Rīga. P. 16 – 22.
- Zemītis G.** 1995. Ornamentals Latvijas dzelzs laikmeta senlietās un tā simbolika. *Latvijas zinātņu akadēmijas vēstis. Letonika: Etnogrāfija*. Nr. 5 / 6 (574–575). P. 21 – 28.
- Žulkus V.** 1988. Palangos VIII – XIII a. kapinyno ribų patikslinimas. *ATL 1986 ir 1987 metais*. Vilnius. P. 123 – 128.
- Žulkus V.** 1980. Slengų senkapio (Klaipėdos r.) radiniai. *ATL 1978 ir 1979 metais*. Vilnius. P. 101 – 103.
- Žulkus V., Klimka L.** 1989. Lietuvos pajūrio žemės viduramžiais. *Lietuvos istorija*. Vilnius.
- Žulkus V.** 1991. Die Prusen und ihre Nachbarn im 1. Jahrtausend nach Christi Geburt. *Prusen, Kuren und Masuren. Drei Beiträge zur Landeskunde Ostpreusens*. Hamburg. P. 4 – 14.
- Žulkus V.** 1992. Kuršiai. *Mokslas ir Lietuva*. T. 3. 4 (9) knyga. P. 2 – 11.
- Žulkus V.** 1993. Mirusiųjų pasaulis baltų pasaulėžiūroje (archeologijos duomenimis). *ŽP*. Vilnius. T. 2. P. 23 – 35.
- Žulkus V.** 1995 a. Kuršių žemės ir žmonės. *Lietuvininkų kraštas*. Kaunas. P. 65 – 74.

- Žulkus V.** 1995 b. Vakarų baltai gotų – gepidų migracijos (I–IV a.). *Lietuvinių kraštas*. Kaunas. P. 75 – 107.
- Žulkus V.** 1995 c. Senieji kuršiai. *BA*. Nr. 4 (7). P. 2 – 6.
- Žulkus V., Urbanavičius V.** 1995. Baltai ir skandinavai. *BA*. Nr. 4 (7). P. 9 – 13.
- Žulkus V.** 1997. Baltische Funde an den westlichen Ostseeküsten. *Archaeologica Baltica*. Vilnius. T. 2. P. 165 – 189.
- Wilson D. M. (redaktion).** 1980. Vikingarna och folkeninorr. Historia och kulturell utveckling 400– 1100. Stockholm.
- Wilson E.** 1994. 8000 Years of Ornament. An Illustrated Handbook of Motifs. London.
- Åberg N.** 1919. Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala.
- Åberg N.** 1923. Kalmar Läns Förhistoria. Uppsala.
- Åberg N.** 1923. Die Goten und Langobarden in Italien. Uppsala.
- Åberg N.** 1925. Förhistorisk Nordisk Ornamentik. Stockholm.
- Åberg N.** 1926. The Anglo-saxons in England. Uppsala, Leipzig, Haag.
- Åberg N.** 1931. Nordische Ornamentik in Vorgeshichtlicherzeit. Leipzig.
- Åberg N.** 1943. The Occident and the Orient in the Art of the Seventh Century. The British Isles. Part. I. Stockholm.
- Åberg N.** 1945. The Occident and the Orient in the Art of the Seventh Century. Lombard Italy. Part. II. Stockholm.
- Åberg N.** 1947. The Occident and the Orient in the Art of the Seventh Century. The Merovingian Empire. Part. III. Stockholm.
- Åberg N.** 1953. Den Historiska Relationen Mellan Folkvandringstid och Vendeltid. Stockholm.
- Åberg N.** 1956. Den Historiska Relationen Mellan Senromersk tid och Nordisk Folkvandringstid. Stockholm.
- Ørsnes M.** 1969. Südsandinavische Ornamentik in der jüngeren germanischen Eisenzeit. *Acta Archaeologica*. København. Vol. XL. P. 1 – 121.
- Амброз А. К.** 1965. Раннеземледельческий культовый символ (“ромб с крючками”). *СА*. No. 3. С. 14 – 27.
- Амброз А. К.** 1966. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа. *СА*. No. 1. С. 7 – 27.
- Асарис Я.** 1997. О северных территориях расселения куршей в XI–XIII вв. (по материалам могильников). *Vakarų baltai: etnogenezė ir etninė istorija*. Vilnius. P. 199–208.
- Вайткунскене Л.** 1985. Контакты между балтскими племенами на территории Литвы в X – XII вв.. *Проблемы этногенеза и этнической истории балтов*. Вильнюс. С. 67 – 77.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.** 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко – типологический анализ проязыка и протокультуры. Тбилиси. Т. 2.
- Даркевич В. П.** 1965. Символика небесных светил в орнаментике Древней Руси. *СА*. No. 4. С. 56 – 67.
- Засецкая И. П.** 1982. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным. *Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков*. Ленинград. С. 14–30.

- Кулаков В. И.** 1988. Птица хищник и птица жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. *СА*. No. 3. С. 114 – 117.
- Кулаков В. И.** 1990. Звериноголовые фибулы балтов (V – VII вв.). *СА*. No. 2. С. 206 – 215.
- Кулаков В. И.** 1992. Конское снаряжение пруссов X – XI вв. (Проблема относительной хронологии деталей оголовья). *ЛА*. Т. 9. Vilnius. P. 137 – 143.
- Кулаков В. И.** 1994. Пруссы (V–X вв.). Москва.
- Мугуревич С. Э.** 1964. Работа Курземской экспедиции в 1963 году. *ZAS* 1963. Rīga. P. 52 – 53.
- Мугуревич С. Э.** 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига.
- Мугуревич С. Э.** 1970. Некоторые вопросы энической истории Курземе в XI–XIV веках. *Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов*. Рига. С. 21 – 36.
- Озере И. А.** 1986. Привески амулеты из могильников в Курземе IX – X вв. *Краткие сообщения института археологии*. Вып. 183. С. 41 – 49.
- Озере И. А.** 1987. Этническая история куршей V – IX веков. *Автореф. дис. канд. ист. наук*. Москва.
- Рыбаков Б. А.** 1981. Язычество древних славян. Москва.
- Седов В. В.** 1982. Восточные славяне в VI – XIII вв. Москва.
- Седов В. В.** 1987. Ливы. *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Москва.
- Топоров В. Н.** 1991. Древо мировое. *Мифы народов мира*. Москва. Т. 1. С. 398 – 406.
- Топоров В. Н.** 1992. Числа. *Мифы народов мира*. Москва. Т. 2. С. 629 – 631.
- Шноре Э. Д., Зейда Т. Я.** 1957. Нукшинский могильник. *Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР*. I. Рига.

STYLE AND MOTIF IN CURONIAN ORNAMENTS DURING THE VIKING PERIOD

Audronė BLIUJENĖ

SUMMARY

This paper surveys and describes patterns of ornamentation in Curonian jewelry during the Viking Age. The plaited or weave-pattern evident in Curonian ornaments is discussed on the basis of geometric motifs and cultural influence from Western Europe. I also attempt to show sources of origin and stages of formation of general Baltic animal or zoomorphic and floral motifs.

I. CURONIANS IN THE 8TH–12TH CENTURIES

In the 8th–9th c. the Curonians inhabited the northwestern region of Lithuania, as well as the southwestern shore of the Curonian Lagoon (Map 1). Their northern boundary of the area of the residence achieved the Tebra river and they did not violate the boundaries of its basin also in the 10th century. In Latvia, Curonian sites dated to the 8th/9th–10th c. are concentrated in the environs of Pape lake and Gruobina. The movement of the Curonians to the north started by the end of the first millennium and continued in the 10th–12th c. During the 11th c. Curonians settled to the north of the Abava river and the northeast of the Venta river. In the east, graves of Curonians are known up to Venta and Varduva rivers. Further to the south, their monuments are found around Plateliai Lake. In the south, Curonians lived at the upper middle Minija river up to Smeltalė and Žardė rivulets. Monuments of Curonians dated 8th/9th–12th c. are found within the ethnic lands of Pilsotas, Mėguva, Keklis, Duvzarė, Piemarė, Banduva, Vindava, Vredeturonia as well as the land between Skrunda and Žiemgalė and the Curonian Spit. It is thought that in the 6th–8th c. the Klaipėda environs was the centre of formation of the Curonian culture. By the 10th–11th c. the centre had shifted to northwestern Lithuania. Taking into account the diversity and ornamentation of ornaments, it may be concluded that lands of Pilsotas and Mėguva were the centre of the Curonian culture. Other lands represented the culture periphery. In the course of their rapid movement to the north, however, Curonian culture became more uniform. This is clearly evident in the ornaments of the 10th–11th c.

The Curonians are one of the most famous Baltic tribes and were described by written sources relatively early. These sources, however, described Curonians in the context of armed conflicts, piracy within the Baltic Sea and attempts of Teutonic Order to christianize the inhabitants of the eastern shore of the Baltic Sea.

In the 11th century Curonian culture was the most abundant it was so called "golden age" of the Curonian Culture. By the mid – 11th century, Curonians had formed, or were on the eve of forming, an early confederation-type state. However, their steps towards an independence were stopped by the general recession of economy which started in the 12th century. One of the signs of this recession in the 12th c. was the decline of coastal trading at settlements which had features of "proto-towns" (e.g. Palanga, Žardė). The recession of artistic handicrafts and ornamentation

is clearly evident in the ornaments of that period. All of these phenomena coincided with the end of the epoch of the vikings. German towns appeared, which pushed out the vikings as well as Curonians from the region of the Baltic Sea.

II. HISTORIOGRAPHY

The investigation of styles of ornament in Lithuanian ethnography began in the early 20th century. When Vandalinas Šukevičius (Szukiewicz W. 1903), Jonas Basanavičius (Basanavičius J. 1912), Paulius Galaunė (Galaunė P. 1930), Ignas Šlapelis (Šlapelis I. 1930) stated that geometrical motifs found in Lithuania have much in common with the ones existing in the materials of other European nations. They found that most ornamental motifs of ancient bronze ornaments had crossed over in to the ornamentation of chapels, roadside poles capped by a statuette of a saint, metal crosses and other ethnographical materials. They concluded that Baltic ornaments are abstract, i.e. geometrical. Primary geometric motifs were identified: "a fir", "saw-teeth", "an arc", "a spiral" or "a string", "windows", "a cross", "swastika", "a semicircle", "a segmental star". They also concluded that animal motifs are more rarely found in Lithuania. However, they did not pay attention to the fact that the identified motifs were related to various periods and that ornamental structures differed in complexity. Between the two World Wars, the style of Curonian ornaments was analysed scrupulously by Vladas Nagevičius (Nagevičius V. 1935). Based on the ornaments found at Pryšmančiai, he characterized Curonian ornament patterns as being geometric and highly abstract. Nagevičius was the first archaeologist of Lithuania to compare ornaments of the Gotland with ornaments of the Curonians.

The work of Jonas Puzinas (Puzinas J. 1938) who compared ornament patterns between the Roman, Migration, Vendel and Viking Period, also deserves mention. It represents an important description of ornamentation and comparison of ornaments of various periods.

Much more attention was paid to ornamentation in Latvia during the period between the two World Wars. This research was additionally stimulated by the movement of "dievturi", i.e. the worshippers of Latvian pagan religion in the third and fourth decades of the 20th century. The main ideologist of the movement was Ernests Brastins (Brastins E. 1923), the artist and ethnographer. The "dievturi" were looking for graphic equivalents of their idolized gods in the folklore. However, their research was not entirely based on ethnographical or archaeological materials, especially when mythologized names were assigned to certain signs and symbols.

In addition, works of German archaeologists, on monuments of Western Lithuania and Prussia from the middle of the 19th century until the second World War need to be mentioned. Wilhelm Gaerte (Gaerte W. 1929) was one of the first archaeologists to characterize the style of ornaments of Klaipėda district. He stressed that in the 8th–9th c. Western Balts decorated themselves with massive bronze ornaments ornamented with inlays of blue glass, covered by silver plate. Joachim Hoffmann (Hoffmann J. 1941) in his description of monuments of Klaipėda district mentions the style of ornaments and other artefacts, as well as their origin. In his opinion, the sign of the swastika is of Scandinavian origin.

There are a few special works on ornamentation of the Iron Age published between 1940 and 1996 in Lithuania. Ornamentation is analysed with separate description of geometrical, animal, floral motifs, while stressing that in Baltic ornamentation floral motifs are rare and antropomorphic ones are even less characteristic. The analysts who described Baltic ornamentation in their analysis of "world outlook" looked for support in the earlier materials of the Stone Age and the later

ethnographical materials. Specialists of ethnology used a similar methodology. Because there were no attempts to consider ornamentation as a phenomenon of different periods the research in this field often was sufficiently limited within space and time.

For this reason, the studies of Marija Alseikaitė Gimbutienė well known to those who have an interest in the ancient history of Lithuania and Europe, are notable within the above – mentioned period. Her works exceed the frame of traditional archaeology. It represents not only the history of material culture and customs of tribes, but also the history of Gods and Goddesses – the history of the world outlook.

In regard to the style of ornaments of the 8th–11th c., she stresses that the intensive trade with Slavs and Germans did not affect the geometrical ornament pattern created by local Baltic jewellers. Instead, the ornament pattern became more complicated, and the composition of the same motifs varied widely (Gimbutienė M. 1985). In the Baltic arts of the Late Iron or Viking Age, mythological elements appeared such as “moons”, “suns”, stylized “heads” and “eyes” of snakes and “snakes” themselves as well as “heads of horses”, “owls”, “ducks”, various “birds” as well as motifs of deer. In the 8th century, Curonians, influenced by Scandinavians, started to produce and wear ornaments with animal motifs. However, the animal motifs were modified so that original style, used only by the Balts, evolved (Gimbutas M. 1963).

Among Lithuanian authors who wrote on ornamentation, the works of Laima Vaitkunskienė may be distinguished. She paid attention to the most characteristic ornament patterns of the analysed ornaments, such as “hollows”, “eyes”, “triangles”, “zigzags”, “firs”, “sieves” and so on (Vaitkunskienė L. 1978 a–k), and discussed not only geometrical but also floral and animal motifs of ornaments (Nakaitė L. 1964; Vaitkunskienė L. 1981). Vaitkunskienė analyses the style of ornaments only as larger ornamental structures, with no attempt to search the primary, fundamental motifs which characterize ornamentation or to identify the direction of its development. On the basis of archaeological data, ethnographical material, mythological and historical sources of Lithuania and other lands, Vaitkunskienė looks at ornamentation in the light of the world outlook and describes it as a mean of cognition of the main images of the worldview which is transferred to future generations. The author analysed the cult of the horse, the images of an elk, waterfowl, a snake, mentions the composition of the Model of the World, the Tree of Life based on three – part and four – part structures (Vaitkunskienė L. 1985; 1986; 1987; 1988; 1995; Nakaitė L. 1991).

The more recent view points on the jewelry of the Balts, including Curonians, appeared in 1987–1992. In 1987, after the examination of several ornaments found at Pryšmančiai I burial site, it became clear that not all white metal plates or coatings of bronze ornaments were of silver, as had been earlier supposed (Kulikauskienė R., Matulionis E. 1987). It was found that tin may be used both as a substitute for silver and means of soldering (Bliujienė A., Petrauskienė J. 1992). A comprehensive examination of technology of production of ornaments, as well as small decor and style, was began on the basis of spectral analysis (Jankauskas K. 1990, 1992).

Much discussion exists in the Lithuanian archaeological literature on the style of silver ornaments and bindings of horns for drinking (dated 5th–6th c.), especially their animal style and technology of production (Vaškevičiūtė I. 1978; Kazakevičius V. 1981; Vaitkunskienė L. 1985; Šimėnas V. 1987, 1994; Tautavičius A. 1981, 1996).

In regard to the origin of animal style within the lands of the Balts, the analysis expresses several opinions. Animal motifs of ornaments dated the middle of the first

millennium represent phenomenon common to the whole of Europe. This style came to the lands of the Balts, to islands of the Baltic Sea and to Scandinavia together with the historical events in the Central Europe in the middle of the first millennium. The animal style of ornaments characteristic only of the Balts was formed by the merging of the “imported” and local traditions (Šimėnas V. 1994). Another view point attributes the appearance of the animal style among the Baltic tribes to internal factors (Nakaitė L. 1991). However, she does not reject the possibility that the animal style is a common phenomenon in Europe in the middle of the first millennium (Nakaitė L. 1991).

Researchers identify only two types of “style diffusion” within the lands of the Balts, namely, the imported artefacts themselves (Kuncienė O. 1972; 1981) and the copying of imported samples by local craftsmen (Vaitkunskienė L. 1983; Мырцевич C.Э. 1965). There have been few attempts to go deep into the cultural context of the Eastern Baltic lands or to describe the transformation of Baltic artistic styles during the Viking period.

Recent important publications that analyze the culture of Curonians in the I–II millennium A.D. and compare it with the cultures of Samogitians, Sambians, Natangians, Mazurians, inhabitants of Gotland and Eland Islands include those by Vladas Žulkus (Žulkus V. 1989, 1991, 1992, 1993, 1995, 1996, 1997; Žulkus V., Urbanavičius V. 1995). V. Žulkus described various aspects of the Curonian culture and also paid attention to their technology of production, centres of handicrafts, the level of jewelry skills and ornamentation. It is his opinion, that bracelets with animal terminals, crossbow fibulas with zoomorphic terminals and penannular fibulas with star-shaped heads are of Curonian origin (Žulkus V. 1991, 1992).

With respect to Baltic ornamentation, the works of Guntis Zemītis (Zemītis G., Rozenberga V. 1991; Zemītis G. 1994, 1995), Ingrida Ozere (Озере И. 1986, 1987), Baiba Vaska (Vaska B. 1992, 1994 a–b) are important. Baiba Vaska researched the ornamentation of bracelets of the Latvian Curonians of the 10th–13th c. (Vaska B. 1994 a). She linked the animal motifs with direct cultural influence from Gotland Island and Scandinavia, and interpreted the motif of the geometric ornament – the double or triple triangle – as the sign of Heaven, the model of the World (Vaska B. 1994 a). She believed the cross inside this motif may represent not only the symbol of the order of the space, but also indicate the influence of Christianity (Vaska B. 1994 b.).

An extraordinary contribution to the studies of European ornamentation was made in 1904 by Bernard Salin. He investigated fibulas of the German region during the 4th–9th c. His classification of Vendel period Scandinavian and European materials into styles named I–III styles was very useful (Salin B. 1904). Later researchers who examined the ornamentation of German tribes, when additional materials appeared and the chronology was made more precise, made only minor modification to the styles defined by B. Salin (Arwidsson G. 1942 b; 1942 a.; Ørsnes M. 1969).

Among other researchers of ornamentation of European nations on the same level as B. Salin is Allan Romilly (Romilly A. J. 1997, the first edition 1904). He described the main Bronze Age geometrical motifs of the Celts (e.g. two incisions of different directions, a zigzag, concentric circles, a spiral, a simple plait). A. Romilly analysed a zigzag up to a straight line of the primary motif. He also introduced a notion of direction on the formation of W, X or rhombus-shaped ornamental motifs from the primary motif of a straight line, as well as a notion of repetition on connection of W, X into rhombus-shaped motif and of the latter – into ornamental compositions, such as zigzag line, rhombus plait (Romilly A.J.

1997). However, the most important merit of A. Romilly was his definition of the inter-connection of plaited patterns of Celts – from the simple double plaits to complicated ones plaited from 8 bands. It is also important that he understood the sense of the intervals (the unplaited parts of the patterns) (Romilly A.J. 1997). This enabled A. Romilly to substantiate the origin of knots and loops in plaited patterns (Romilly A.J. 1997). On the description of geometric and plaited ornaments, he used Celtian materials as his base but his conclusions are universal and can be used in analysis of ornamentation representing various cultures of different periods.

Many eminent Scandinavian archaeologists, such as Bernard Salin (Salin B. 1904), Greta Arwidsson (Arwidsson G. 1942), Nils Åberg (Åberg N. 1919, 1923, 1926, 1931, 1943, 1945, 1947, 1956), Birger Nerman (Nerman B. 1929, 1935, 1958, 1969), Mortens Stenberger (Stenberger M. 1947, 1958), Wilhelm Holmqvist (Holmqvist W. 1939, 1955), Jan Petersen (Petersen J. 1928), Hacon Schetelig (Schetelig H. 1906, Shetelig H. 1949), Mogens Ørsnes M. 1969) became famous for their works in ornamentation.

Going deep into the ornamentation of Curonian and Baltic ornaments, a natural transfer to the symbolics and semantics of the ornaments takes place, i.e. one tries to perceive the linkage among separate ornamental compositions as symbols interrelated with world outlook. In this field, the works of Tomaz Gamkrelidze and Vyacheslav Ivanov (Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. 1984), Vladimir Toporov (Топоров В.В. 1991, 1992) as well as studies of Lithuanian mythologists, such as Norbertas Vėlius, Algirdas Julius Greimas, Marija Gimbutienė (Vėlius N. 1985; Greimas A.J. 1983, 1990; Gimbutienė M. 1994, 1995) are important. These authors describe the language, life – style, and world outlook of the proto Indo – Europeans.

III. CHARACTERIZATION OF CURONIAN ORNAMENTATION

The basis of the style of 8th–12th c. ornaments of Balts and Curonians are geometrical motifs, including plaited ones. Starting from the second half of the 7th c. the Curonian ornamentation was diversified with abstract and geometrized animal motifs. They are most characteristic of Curonian ornaments for men. Floral pattern ornament began to be used by the end of the first millennium – beginning of the second millennium. These motifs are rarely found in ornamentation of Curonian and other Balts. Antropomorphic motifs are not characteristic of Curonian ornaments.

In examining ornamentation, it is important to pick out the smallest indivisible elements of the ornament patterns, i.e. the primary motifs (archetypes), as this will help to find the basis of the systematization of the ornamentation. Primary motifs include those which cannot be divided into smaller elements (a point, a straight line) or which cannot be distributed into smaller elements without losing the overall structure (a triangle, a circle, a rhombus, X, +, a swastika). Primary motifs also include archetypes which contain the experience of the humanity and the peculiar energy of eternity is accumulated in them. Some primary motifs (such as +, a swastika) may be also characterized as signs. On examination of signs and symbols it may be supposed that signs are always “smaller” than the idea they signify and a symbol always expresses more than its evident and direct meaning. So, + and swastika are not only primary motifs (signs) but also universal symbols common for all of mankind. Primary motifs are united into ornamental motifs – an ornamental structure which is wider (bigger) than the primary motif. An apportionment of ornamental motifs is necessary because almost always they are

united into even larger ornamental structures – ornamental or pattern compositions. The same primary motifs of two different directions, size or otherwise transformed, are often included. From time to time, several identical ornamental motifs are connected into ornamental compositions. But, most frequently, 2–3 different ornamental motifs formed ornamental compositions.

Curonian geometrical ornament of bronze decorations of the 8–9th centuries included only seven primary motifs: a point, a straight line, a circle, a triangle, X, + and swastika. Only in the 10th century in decor of Curonian bronze ornaments the eighth element – a rhombus – appeared.

During the 8th–9th c., Curonian jewellers used only four primary motifs (a transversal notch, a salient point, a straight line, X) for adornment of “white metal” plates (covering most ornaments) as well as two composite motifs and one borrowed motif (Table 3:1–4, 7–8). The four primary motifs of “white metal” plates remained as the main motifs during the 10th–12th c. In the 8th–9th c. the motifs of a triangle and two plaited ellipses were not used in the decorating of white metal plates. These motifs appeared only in the beginning of the 10th century, but they were rare (Table 3:5–6). The number of primary motifs used by a different tribes within a given period determined the number of ornamental motifs and ornamental compositions, which, on the base of mathematical possibility, may be very large. However, within the specified period each tribe preferred only certain primary motifs which were the base for creating more elaborate ornamental structures. The number of primary motifs, at least in Curonian culture, increased. Also, it may be stated that in the 8th–9th/10th c. Curonians liked ornamental compositions formed of a triangle, while in the 10th – early 11th c. plaited patterns appeared which considerably changed Curonian ornament patterns. So, it is impossible to analyse a geometrical ornament pattern without a prior examination of the primary motifs because in a case of research ornamentation a risk of description of only more or less popular ornamental motifs and ornamental compositions arises.

As mentioned above, the primary motifs of Curonian ornamental structure, except the + and swastika, which are also symbols, the large majority of ornamental motifs have no semantic information and are only decorative elements. In the 8th/9th–12th c. even the swastika and equilateral cross in ornamental systems transferred their symbolic meanings to ornamental motifs and ornamental compositions. Only in a few ornaments did the swastika and + retain their symbolic meanings. The ornamental compositions began to speak the language of symbols only in conjunction with the form and construction of the ornaments, with other ornaments – only then the link with the world outlook may be disclosed. Only ornaments of men and women dressed in clothes that reflect the specific features of their tribes may be considered to express the world outlook of the epoch (Table 9). However, not every ornament had a special symbolic sense. Ornamental compositions of the most simple ornaments, used for pinning together clothes, or fastening a kerchief with a pin, in the course of time changed into simple decorative elements.

In regard to Curonian ornaments with geometric motifs the simplicity of the ornament or composition of patterns, and simultaneous diversity and subtlety, is surprising. It is difficult to believe that such variety in ornamental compositions was created in the 8th–9th from only seven and in the 10th–11th c. from eight different primary motifs. Jewellers took into consideration many factors, such as the size of the ornament pattern, the distance between motifs, sections of the ornament's surface as well as the form, construction, technology of metal processing and performance of the ornament pattern.

IV. 1. THE GEOMETRIC MOTIFS

A point (Table 2:1). A repoussed or relief point was rarely used as an independent motif. But a point is an ideal component for creation of ornamental motifs and ornamental compositions. For ornamentation of bronze ornaments a repoussed point was usually used. Both repoussed and relief motifs were chased with punches (Table 5:1a-c) or small chisels. The appearance of a point was considerably changed when the size of the motif or direction of location of the ornamental motif was changed (Table 2: 1 d-f).

The most popular junction of a point and a circle is called "an eye". A combination of a point and 2-3 concentric circles (Table 2: 1c) was widespread. Many ornamental compositions included cuts of various directions and small spots or "eyes" (Table 2: 1c). Sometimes other primary motifs, such as X or + were formed of small spots or cuts (Table 2:6-c).

A straight line (cut, notch) (Table 2:2). This primary motif in various forms is met in all ornamental compositions. A straight line as a primary motif is decorative. This motif, used in ornamental compositions, creates with other motifs a semantic space. A straight line is used as a miniature notch or as a complete motif framing an ornamental composition. The main feature of this motif is its ability to change considerably the image of composition when the size and direction of the motif is changed (Table 2:2 e-f). An image of a cut is considerably changed by a section of the ornament (Table 2:2-d). A cut may be slanted to one side or another. Upon connecting cuts which are slanted to the right and to the left, the motif of a horizontal or vertical fir-tree is formed. On connection of two horizontal "fir-trees" a rhombus-shaped plane is formed and on connection of two rows of horizontal "fir-trees" of different directions an impression of quite another composition is formed (Table 2:2-b).

A circle (a round, a relief semicircle) (Table 2:3; 5-2 a-c). The main feature of the motif is the option to make it larger or smaller, to pull it out into an oval or divide it in two semicircles. The features of a semicircle are better seen when elements of a motif are separated by the edges of the ornament. Curonian ornaments were rarely ornamented with the motif of only a circle. The most popular ornamental motif was a combination of a circle and a point named "an eye".

The Curonian "S" - shaped curve was formed by dividing a circle into two semicircles, as well as using of a section of the ornament (Fig. 27). In Baltic jewelry, the motif of a semicircle (or semicircles of different diameters) appeared only in the 5th-6th c., when the thickened terminals of bracelets and other ornaments were decorated with the motif of a semicircle. On location of it on the both sides of an edge a motif similar to "S" letter was formed.

In the 9th century, Curonians began to wear flat fibulas of various forms. The most popular were round flat fibulas. In their ornamentation the motif of two interweaving ellipses, sometimes similar to a fourperianth flower appeared (Fig. 44). In the Curonian culture, the motif of two interweaving ellipses could be formed through a transformed circle and double X. The development of the Curonian interweaving ellipses, probably took place on geometrization of the motif, i.e. the rectification of the ends of ellipses (Fig. 44:2-4; Table 2:3-b). The number "8" was included, apparently because it was liked by Curonians and understandable to them. However, the motif of interweaving ellipses itself was borrowed by way of Western Europe and Scandinavia. The motif of interweaving ellipses is international.

A triangle (Table 2:4, 5:3 a-d). The most popular primary motif of Curonian ornaments in the 8th-9th c. was a chased or cut triangle. The triangle remained

popular in the 8th-9th c. when interplaited patterns were formed with it. This motif is easily transformable: it may be made larger or smaller, used in various rhythms and directions. Not only ornaments but also household goods were decorated with this motif. Two facing rows of triangles, with the tops of the first row directed towards the tops of triangles of the second row formed the so called basket plait. This composition is considerably changed if the gaps between the rows of motifs are increased or reduced (Table 2:4 e-f). A change in direction of the composition, as well as locating of it on both sides of an edge, causes considerable change of its image (Table 2:4-d). Curonians used a combination of a triangle and 1 or 3 circles (points), i.e. the triangle was filled with 1-3 points.

A rhombus (Table 2:5; 5:4 a, c). A rhombus was not a self-dependent (primary) motif of Curonian ornaments in the 8th-9th c. It was a derivative motif formed by joining of triangles or X and double X into a diamond - shaped plait or plait of rhombuses. Visually a diamond - shaped plane may be formed by chasing a triangle along the edge of an ornament (Table 2:4-d). A rhombus may be formed by connecting two triangles with their bases (Table 2:4-b). In the 8th-9th c. a rhombus was a rare element of the form Curonian ornaments shape. During this period only pins with a rhombus-shaped head are known. Such pins were used for fitting a woman's head dresses (Fig. 7).

In Curonian ornamentation, the independent motif of a rhombus appeared in the 10th century when sides and terminals of massive sash-like and zoomorphic bracelets as well as neck-rings and pennannular fibulas began to be decorated with it. In massive sash-like bracelets of the 10th-12th c. the link of X and a rhombus is evident (Table 4:4-8). Samogitians used a rhombus as an independent motif earlier, maybe even in the 5th-6th c.

A X motif (Table 2:6; 5:5 a-c). X was a very popular primary motif in Curonian ornamentation. A triangle and X were the most popular motifs. X, as a primary motif, is an ideal base to form ornamental motifs and compositions. This motif is very flexible. It may be easily increased or reduced, or united into a plait of rhombuses. The X motif is considerably changed upon change of its direction, size or location on an edge of the ornament (Table 2:6 d-f). The main feature of X is the possibility of adding it easily into a plait of rhombuses or to double it. X may be formed of other primary motifs, such as cuts (notches), points (spots) (Table 2:6-c). Sometimes X is combined with small circles (Table 2:6-c). Plaited pattern X motifs may be combined with rows of triangles. The image of X plait may be changed by a horizontal line through the intersection of the cross-pieces.

One of the features of X is the possibility to increase it two (or even four, Fig. 92:1) times, as well as to include it into a complicated plaited pattern (Table 4:10-15). Curonians started to use this motif by the end of the 8th century. Such transformation of the Baltic X motif was also affected by cultural interrelations of Curonians and Scandinavians, and, probably, nations of Western Europe.

On a rounding of ends of doubled X the motif of two interweaving ellipses could be formed (Table 2:6 b-c; 4:16). As mentioned above, this motif may be formed by the crossing of two ellipses. The motif of interweaving ellipses, as an element of the style of Vikings and later of the Romanesque Style, is found in the art of Western and Central Europe. Often early Christianity churches as well as later Romanesque Style monuments were ornamented with this motif.

A equilateral cross (Table 2:7 a-c). An equilateral cross as a primary motif was not characteristic of Curonian ornaments in the 8th-9th c. It was also not often used in the early second millennium. Some researchers consider the equilateral cross to be

one of the distinguishing features of Baltic ornament pattern, but this motif is not common in Curonian ornamentation. Rather, a popular ornamental composition is equilateral cross formed of "eyes". Such a cross – piece was inserted into a rhombus of a pin with a head of extended rhombus shape (Fig. 7:2). In Curonian culture an equilateral cross more frequently manifested itself through a form. An equilateral cross was a distinctive part of the form of crossbow and round flat fibulas, and cruciform pins. A circle and equilateral cross were the most popular junion of a shape and ornamentation (Table 2:7–c). Also, a rhombus and and equilateral cross were connected in round pins, and pins with a rhombus – shaped head as well as later Curonian rhombus – shaped pendants (Fig. 8:5).

The motif of an equilateral cross became more popular in the 10th–12th c., when quadrangular heads of penannular fibulas, massive sash-like bracelets as well as bracelets with zoomorphic terminals were ornamented with it. Most frequently, terminals of bracelets were decorated with equilateral cross. In the ornament of bracelets, an equilateral cross often was inserted into a triangle, a roof – shaped sign or a rhombus (Table 2:7–c).

A swastika (Table 2:8 a–c). A swastika is one of the most interesting primary motifs (signs) – symbols in the history of humanity. The terminals of a swastika may be turned clockwise or in the opposite direction (Table 2:8 a). A swastika is a movable, dynamic sign. Its dynamism is proved by its use for the marking of things related to movement.

In the late Roman Period and up to the 6th century, a swastika was not common in the ornamentation of European tribes. In archaeological materials of Northern, Central and Western Europe, a swastika began to spread together with the styles I–II (according to Salin B. 1904) when many round ornaments, such as round fibulas and various pendants of Franks, Anglo–Saxons and tribes of Gotland Island as well as Scandinavian Bracteats, appeared, i.e. a swastika got its main junction – a circle.

In the of ornaments of Lithuanian tribes and, most probably, other Baltic tribes swastikas appeared not earlier than in the 5th–6th c. In the earlier materials the motif of a swastika is rare. It is found on artefacts of the 5th–6th c. although their ornamentation and place of production are not entirely clear. Swastikas on Baltic ornaments range from graphically simple swastikas to complicated examples combined with rhombuses.

It is thought that in Latvian archaeological materials the motif of a swastika was known from the 3th century and was very popular. However, in the Roman Period both in Latvia and Lithuania the motif of a swastika was most frequently known from openwork ornaments. These openwork ornaments of the 2nd–4th c., most frequently fibulas and pendants, were the result of copying artefacts from Roman provinces by Baltic jewellers.

The motif of the swastika was not characteristic of Curonian bronze ornaments in the 8th–9th c. The swastika in Curonian Culture spread more widely in the 9th century, together with flat fibulas. In the early second millennium, when penannular fibulas appeared, the ends of some of these fibulas were decorated with the swastika sign. In Curonian ornamentation, however, swastikas are stylistically simple. Other Baltic tribes, such as Samogitians, Lettigallians, Semigallians more frequently used the motif of the swastika.

The combination of a swastika and animal elements on flat round fibulas of Curonians is meaningful. Here, the terminals of the swastika are finished with four stylized heads of reptilia. The theme of these fibulas is complicated and, probably, indicates reptiles which are crawling towards the four directions of the horizon.

IV. 2. ORNAMENTATION OF WHITE METAL PLATES

Most Curonian ornaments are covered with "white metal" plating (this represents metal whose quantitative and qualitative composition is unknown). It is a characteristic feature of Baltic jewelry. White metal plates were decorated only with geometric and plaited patterns.

A notch (Table 3:1). A relief transversal or longitudinal notch was a main motif used in all ornamental compositions. This motif is very easily transformable. When increased or reduced, thickened or widened it is easily transformed into a circle (Table 3:1 a, 2–a). If the direction of the motif is changed, it may be transformed into "a fir–tree" or "a ropelet". The motif of a notch restricts inlays of glass (1–3 rows), edges of plates. It also may be used to restrict ornamental motifs and compositions. Vertical symmetry was stressed through a band of 1–3 notches. X – and V – shaped motifs were formed of notches (Table 3:1–b, Fig. 24). Also semicircles may be formed of notches.

A semicircle or a point (Table 3:2, 5:1 a–b). A relief semicircle or point varies in appearance, which depends on their size and density. A narrowed semicircle may be transformed into a notch. This motif may be easily divided in two (Table 3:2–b). Such a motif is rare in Curonian ornamentation. A point is easily divisible into concentric circles (Table 3:2–c). A triangle – shaped motif formed of points (Table 3:2–c) or a triangle filled with straight lines of two directions ("a sieve") are rare ornamental compositions (Fig. 76:1, 77; Table 5:3–e).

A straight line (Table 3:3). The motif is rare. The most frequent combination of a straight line and notches is included in ornamental composition. Sometimes this motif is combined with a relief point (Table 3:2–c). Theoretically a straight line may be reduced to a notch or a notch may be extended to straight line. The most interesting feature of a straight line is a change of image of a junction of rows of this motif on a change of the direction of the straight line (Table 3:3–e).

A X and double X motifs (Table 3:4). This motif is easily transformable. When increased or reduced, or upon changing of its direction, the motif is visually changed. X is included into the main ornamental motif – X or rhombuses plaits. The X motif may be easily doubled (Table 3:4–b). This motif may be transformed into a more complicated plaited pattern or a plaite of doubled rhombuses.

A motifs of a triangle and two interweaving ellipses (Table 3:5–6). These primary geometric motifs are especially rare in the decoration of Curonian white metal surfaces. Only several flat clover-shaped fibulas of the X–XI c. ornamented with these motifs are known.

Combined motifs (Table 3:7 a–b; 5:6). These motifs are formed of several primary motifs. A special punch was required for their production. The most popular combined motif is a "sieve".

Crossbow ringed fibulas decorated with ringlets featured a motif formed of stroked triangles in two directions. It is similar to the plaited pattern of type II.

A borrowed motif (Table 3:8). Curonian white metal plates were rarely ornamented with a fourfold plait. This motif is similar to Borre style plaiting.

IV. 3. PLAITED PATTERNS

Curonian plaited patterns. Two influences on the plaited patterns of Curonians and other Baltic tribes may be singled out. The first is the geometric ornament pattern used by the Balts. Straight striped plaited patterns (type I) were formed by connection of triangles. X and doubled X were the basis of Baltic crosswise plaited

patterns (type II). The source which stimulated the further improvement of patterns of types I and II, and the appearance of Baltic plaited patterns of types III–V, were German styles II–III of the Vendel Period (550–800) based on various plaited patterns and knotworks which dominated in the total world surrounding the Balts. Many plaited elements as well as elements of other styles of earlier epochs were included into Curonian styles during the Viking Age. Because of close cultural and commercial co-operation of tribes of the Baltic Sea region, by the late 8th–9th c. some plaited patterns were adapted and applied to Curonian ornaments. Plaited patterns of types I and II based on geometric Baltic ornament were improved. Several variants (subtypes) appeared. But interlaced-work in Curonian ornaments started to dominate only in the early second millennium, and by the end of the 12th century considerable stylistic decadence had taken place.

The first type (I). This is a straight band plaited pattern based on triangles connected in two directions (Table 4:1–2). The development of this plaited pattern could be the following: the top of one triangle was directed upward, the other – downwards. On connection of two rows of triangles and use of the edge of the ornament a plaited pattern of type I was formed (Table 2:4 c–d; 4:2–2). The triangles was filled with cuts in various directions.

Type I a – plaited pattern based on triangles connected with their tops and the space between then filled with cuts in various directions (Table 4:3–7). Also, use of the edge of the ornament is very important in interlaced-work of type I a (Table 4:4).

Type I b horizontal row of triangles which are connected with their bases along the row and in the other row – with their tops (Table 4:8–9). So, one more Curonian plaited pattern is based on a triangle. It is formed when a rhythm (the intervals of connection) of triangles is insignificantly changed and the obtained planes are stroked with cuts in various directions (Table 2:4–c; 4:8–9).

The second Type (II). This cross plaited pattern is based on X and doubled X which are connected into a rhombuses plait (Table 4:10–12). It's means twisting together two bands.

Type II a is a plaited pattern formed of 3 intersecting plaited bands or one and a half rows of horizontally connected X or doubled X motifs (Table 4:13–15).

The third type (III) is a motif of two interweaving ellipses or knotworks (Table 4:16–17). The Curonian plaited pattern of type III may have come from the doubled X on rounding of the ends or of a crossing of two ovals. Also a loop cross, as an element of Borre style, came to Curonian ornamentation of this time (**Type III a** Fig. 55:2).

The fourth type (IV) – the plaits borrowed by Balts from the culture of Scandinavian Vikings (Table 4:18–19). They are based on the motif of diagonal ovals or intersecting plaited ones. The basis of connection of such plaits is the motif of diagonal ovals (Fig. 50).

Type IV a It is a motif of diagonal ovals connected with a rhombus – shaped band (Table 4:20). This Curonian plaited pattern is known only from flat quadrangular fibulas (Fig. 51).

The fifth type (V). It includes plaits of vikings, most frequently of Borre style (the middle of the 9th – the second half of the 10th c.). In Curonian ornamentation only several examples of such plaits are known (Fig, 15; Table 4:21).

IV. 4. THE GEOMETRIC STYLE OF CURONIAN ORNAMENTATION

In comparison with neighbouring tribes, the Balts particularly liked geometric patterns i.e. ornamentation based on geometric motifs. Tribes whose ornamentation

was based on geometrical motifs usually used a number of primary motifs within a certain period. Curonians in their ornamental structures most frequently used a triangle and X and ornamental compositions were based on these motifs.

An ornament pattern and its tribal dependence are characterized not only with the primary motifs but also with the ways of connection of them into ornamental motifs and ornamental compositions. Within the Roman Period, as well as the Migration and the Vendel Periods, geometric ornament was widely used by German, Finno-Ugric and Slavonic tribes. However, already by the end of the 4th–5th c. in Europe (between the shore of the Black Sea in the Southeast, the Pyrenees Peninsula in the West, Norway and the southern part of Finland in the North, Southern France and Northern Italy in the South), the formation of rapidly spreading German styles I–III started which essentially separated the ornamentation of Western Europe from the Baltic cultures. A rapidly spreading Christian culture also increased this difference. European culture from the Migration Period, and especially during the Viking Age, was upon a strong influence of the arts of Eastern Roman Empire or Byzantium which absorbed a rich heritage of the rich floral arts of the Near East. But in European ornamentation during the Merovingian and Viking Period some geometric motifs remained. Also it is necessary to stress that the stylistics of ornaments of European tribes had identical or similar features and within certain epochs was uniform. So, the mutual features of ornamentation and the parallel stylistic phenomena of the Bronze, Pre-Roman Iron Age, the Roman Period as well as of the of Migration, Merovings Epochs and Vikings Age may be identified.

Within the Viking Age, the geometric style was widely used in Gotland Island, partially in Eland Island and along the Sweden coast. The inhabitants of Gotland Island particularly liked ornaments ornamented with geometrical motifs. Here artefacts ornamented with geometrical motifs and according to the styles of the times of Scandinavian vikings evidently stand out. Some geometric motifs, for example, a triangle, were widely used both by Balts and Scandinavians. Balts usually formed a zigzag – shaped plane of triangle. Scandinavians more frequently filled a triangle with points or stroked it. Scandinavians and Balts used different numerical ways of dislocation of ornament pattern.

Some motifs of geometric ornament pattern of the Roman Period for example, two interweaving ellipses are shared by Germans, including Scandinavians as well as of Finno – Ugric and Slavs. In the epoch of vikings, the motif spread within the territory of Eastern Slavonic tribes. In the Late Iron Age, the motif of the plaited or interweaving ellipses spread because of expansion of vikings to neighbouring lands. This motif became one of the characteristic elements of the early Christian arts and then passed into the Romanesque style

IV. 5. ANIMAL OR ZOOMORPHIC MOTIFS

Some Curonian ornaments of the 8th–12th c. include geometrized animal or zoomorphic motifs. In the ornaments animal motifs are combined with geometrical ones. On analysing of Baltic ornament one of the most interesting and debatable issues is the origin of the Baltic animal style of the 5th–6th c. In discussions on the origin of this style and ways of its expression within various periods Lithuanian archaeologists present two opinions. One is that the Baltic animal style was inspired by local cultural traditions. According to the second opinion, the origin of this style during the Migration Period was influenced by tribes of Scandinavia and Central Europe (the basin of the Danube). Both on denying of Scandinavian origin of animal style and on taking into consideration migrations of the tribes in the Western and

Central Europe and the shore of the Black Sea, the attention is paid to the fact that animal style appeared in the Eastern Baltic lands through a help of Scandinavia.

It is important to identify the cultural stimuli of the formation of the animal style in Baltic lands, as well as the influence of local traditions of ornamentation in the creation of the original variant of animal style within Baltic lands. Looking at Baltic ornaments of the 5th–6th c., the 7th–8th/9th c., the 9th–12th c. ornamented with animal motifs it may be seen that they significantly differ from German examples of this style. It is necessary to stress that they represent ornaments from three different periods, so the stimulus and influences of their creation and local production (or importation) were different.

The first contact by Balts with zoomorphic motifs took place not earlier than in the second half of the 5th–the 6th c. They included animal motifs as well as geometric motifs not characteristic to Balts, such as “S” – shaped motif, “C” – shaped spiral, a broken line (similar to a meander), the motif similar to a three – part swastika (a triquest). Also metal processing techniques not earlier used by Balts, such as niello schip-carving technique and gilding were introduced. In Lithuania the number of artefacts ornamented with animal motifs was low and they were vastly outnumbered by artefacts ornamented in geometrical style. The sources of these motifs are outside of Lithuania, namely, in Scandinavia, the coast of the Black Sea, the region of the middle Danube, i.e. within the territories of continental Germans and northern Germans, in their artefacts of the 4th–5th c. and little later the styles I–II. In regard to the origin of the German animal style in Europe, archaeologists draw attention to the complexity and diversity of the problem. There can be no doubt that the realistic art of the Roman Empire and its provinces affected the formation of German animal style. On the spreading of German tribes over Europe they firstly came into contact with Roman culture or were within the zone of its influence. But Germans adapted the realistic art of ancient Greece and Roma to their own way of thinking and abstractized them to a level that was acceptable to their world outlook (Salin B. 1904). Within the Migration Period, German tribes in Central and Western Europe, especially in England, were influenced by Celtic art, which was rather symbolic and included many animal elements derived from Halstat I (750–450/440 B.C.) and La Tène (450/440–370/350 B.C.). The Great Migrations were started by Goths and Gepids in the 2nd century, by 235 they had reached the shore of the Black Sea where encountered the realistic arts of Scythian – Sarmats which was strongly affected by the antique culture of Greeks. In 375 nomadic Huns and later Avars joined the Migration as well as the formation of animal style. Their culture added a considerable contribution into the formation of European animal style. Because of all these influences and undoubted efforts of Germans themselves in creation and improvement of animal motifs in the second half of the 5th century, the formation of the animal style I in Europe was completed. The style III coincided with the end of the Merovingian or Vendel period. The animal motifs created by Germans were included into arts of early Christianity and already from the 6th–7th c. Christianity affected German animal styles in Western Europe.

The animal style had its origins in Northern Europe, i.e. within the territories of tribes not conquered by Romans, or within territories where a considerable portion of population changed when Roman legions left the land (e.g. England). But within the Roman Period, these territories had a considerable cultural influence upon the Roman Empire itself. By the end of the 4th–5th c. the German animal style found itself far from its original sources and acquired its characteristic German stylistic manner.

In analysing Curonian animal styles of three periods – the 5th–6th c., the second half of the 7th–8th c. and the 8th–9th/11th c. it is useful to compare ornaments from Scandinavia, Southeastern England, Schleswig–Holstein during the Migration period

(375–550). As it is known, in the middle of the 5th century England was conquered by Angles, Saxons and Juts, i.e. German tribes which earlier resided within the territory of Jutland Peninsula and the lower reaches of Elba as well as environs of Schleswig–Holstein, Hannover. These German tribes lived around the Baltic Sea and the southeastern shore of the North Sea.

The formation of German animal style was considerably affected by the Sösdala and Sjörop styles, which were popular in a small part of Southern Scandinavia (Skåne province, Sweden). In the second part of the 4th – middle 5th c. both styles included forged geometric ornament and zoomorphic elements.

Germans, as other European tribes wore cruciform fibulas. By the end of the 4th – early 5th c. Germans started to ornament fibulas with zoomorphic motifs (Fig. 1:1). Northern German tribes rapidly improved cruciform fibulas. In order to “hide” the spiral and the axle of the spring, a rectangular plate was added which was continuously enlarged. At the ends of the plate, one to three knobs were added. Only some impressive crossbow fibulas with cast catchplate and with zoomorphic foot by the end of the 4th c. – early 5th c. which were found all over Scandinavia. In the process of improvement of cruciform fibulas German jewellers started to decorate the lower part of “feet” of cruciform fibulas with a head of animals. “Eyes”, “eye brows”, “nostrils” were formed (Fig. 1:1; 3:1, 3; 4:1; 5:2–3). A head of an animal was also decorated with 2 or 4 “sprouts” (Fig. 1:1, 2:1). In the second half of the 5th – early 6th c. small planes with bent sides were added to the fibulas. At the same time, the “feet” of fibulas were decorated with horizontal or fir–tree shaped relief ornament (Fig. 1:2; 2:1–2).

A later contact with animal styles which had deeper impact in Baltic ornaments took place in the second half of the 7th–8th c. (Fig. 2:3; 3:2). In this case the zoomorphic motifs came from Scandinavia. But Balts, including Curonians, adopted only the idea of animal style, and some elements of ornamentation (such as sprouts), schip carving technique, and improved by Scandinavians casting technology. Curonian crossbow zoomorphic fibulas of the second half of the 7th–8th c. were various, but still had many mutual features with their Normanic prototypes (Fig. 3). However, from the 7th century, the development of German and Baltic animal styles diverged: Balts started to geometrize animals, while Germans created the styles II–III. The main motif of animal style elected by Baltic jewellers was a reptile (a snake or a grass – snake), probably because these animals were bound to their world outlook. In the Baltic worldview, reptiles are bound to the Tree of Life or the World at the roots of which they lived. In Lithuanian archaeological materials the image of a grass – snake or a snake perceived as an abstract geometrical symbol was known in the Roman Age.

A crawling animal, as the image of an animal style, in Roman Age was popular in Scandinavia and over the whole of Northern Europe from the period onwards. In Italy, spiral bracelets of the Roman Period were decorated with realistic heads of reptiles. Such bracelets were also found in Roman provinces. Realistic zoomorphic motifs are bound with the realistic tradition of Hellenistic art as well as the arts of the Roman Empire. More abstracted reptilia are popular in the ornamentation of German spiral bracelets from the Roman and Vendel Periods. The image of a reptile with expressive “almond – shaped” eyes is known from ornamentation of Sweden silver spiral bracelets of the 11th century. Thus, a reptile wound itself into a spiral, as well as a swastika and equilateral cross, and all must be considered mutual symbols of mankind. Their manner of representation – realistic, abstract, geometric – depended on the thinking of each tribe. One thing is clear: these symbols were an integral part of image system of the World outlook

of each tribe. Within the Viking period, when links between Curonians and Scandinavia, especially with Gotland Island, became stronger, the evolution of Baltic zoomorphic styles was stimulated by early styles of that period. In the 8th–9th c. Curonian jewellers, building on the base of mutual European traditions of animal art, created an original animal style grounded on geometric elements. The formation of this style started at the end of the 7th century. The most beautiful artefacts of animal style are the ones dated to the 8th–9th c. In ornaments of the 10th–12th c. a further abstracting of zoomorphical motifs, as well as evident degradation of the style may be seen. The expression of this style differed for men and for women. Zoomorphic motifs used by women were much more abstract than the ones for men.

IV. 6. BALTIC FLORAL MOTIFS

In Curonian ornamentation one of the most interesting things is the appearance of the poppyseed motif in crossbow fibulas. Realistic poppyseed-shaped heads appear in the 7th century, together with zoomorphic motifs and relief surfaces (Fig. 2).

Baltic jewellers drew the poppyseed-shaped heads as well as the total surface of crossbow fibulas with straight horizontal strokes. In this way they geometrized the floral motif to a level acceptable to them (Fig. 38–41). Among a large number of penannular fibulas of the 10th–12th c. found in Curonian burial grounds, those with poppyseed-shaped heads form a large group. Penannular fibulas with poppyseed-shaped terminals are typical archaeological material of Curonian. There are only several things decorated with real floral motifs on the plane in Lithuanian archaeological materials of the 11th–12th c. Most frequently they decorate horse trappings such as sheathings of bridle or stirrups.

IV. 7. ANTROPOMORPHIC MOTIFS

Are not characteristic of Curonian ornamentation. In Lithuania only several items ornamented with antropomorphic motifs are known. They are either imported or made here following cultural traditions which were alien to Balts.

V. OTHER FACTORS RELATING TO THE ORNAMENTATION

Shape. The ornamentation and the shape of an ornament are inseparable. The internal construction and style of Curonian ornaments repeat the shape of an equilateral or Latin cross. They are crossbow fibulas, pins with cruciform head. Many Curonian ornaments are round or their form is close to a circle, such as flat and penannular fibulas. A few ornaments are oval – shaped or rectangular, such as flat fibulas, pendants. Some ornaments are triangle – shaped (pins with a triangular head). Curonian pendants connected to pins are of more interesting shapes. They have the form of a half – moon with 3 sprouts or a semicircle with a straight base, as well as a vertical or horizontal rectangle; sometimes pendants of maple – seed form are found. In Curonian ornaments a spiral is found in various beads, rings, bracelets, pins, “S” – shaped flat fibulas.

Construction of the ornament. It is a whole complex of the shape and ornamentation as well as additional junctions (such as hooks, chains, rings, holes) of a ornament.

Method of ornamentation. The surfaces of Curonian ornaments are not completely covered by ornament. Most frequently the centre and the edges of a ornament are

decorated with bands, groups of motifs or compositions. Often structural parts of the ornament were highlighted by a decorative element.

Processing technologies. Curonian ornaments were casted, forged, chased made by using repoussé technique and engraved. Some ornaments were plaited with of several wires. Torquing and its imitation were widely used. Bronze ornaments were silver-plated or covered with a tin coating. Soldering with tin was also used.

Repoussage and embossed foil technique. (Table 5). Baltic ornaments were often chased with small punch and various kinds of hammer. Both techniques used stamps (punches): patrices and matrices. Patrices are positive stamps while matrices are cut in a negative pattern. Matrices are often called “stamps”.

Ornamental details or embellishment of the ornaments is a part of goldsmithing techniques, used by Balts. Baltic and especially Curonian jewellers liked to cover ornaments with “white metal” (foil) plates and adorn them with blue glass inlays, cones, various rivets.

Ship carving technique. In Curonian jewelry the effect ship-carving technique was used. The same motifs were chased with stamps and cast in relief. In jewelry various sprouts also were used. Ornaments acquired features of sculptures. The effect of hollow and flat plane was obtained by an additional profiled plate.

Symmetry. The shape and style of Baltic ornaments, including Curonian ornaments, are symmetrical. Frequently, a vertical symmetry was stressed. This feature is caused by the shape of ornaments.

Rhythm. Decorative elements are laid out rhythmically. Primary motifs are united into ornamental motifs and the latter – into ornamental compositions according to a certain rhythm. Curonian jewellers considered also the numbers of elements in their layouts of an ornament. Using two groups of numbers (3, 6, 9 and 4, 8, 16) they laid out an ornament and modelled its shape and construction.

Surface edges (Table 2:1–6 d). A cross – section of a ornament often changes 2–3 times (stem of pins, turns of the spiral bracelets and rings), so Curonian included also a cross – section of the ornament or its edge into an ornamented area. The layout of the motif on the edge of the ornament changes the angle of looking as well as the motif itself.

Direction of the ornament pattern (Table 2:1–7 e; 3:1–6 e). The direction of a motif had considerable influence in ornamentation. A change of vertical layout of the same motif by horizontal layout visually changed the motif.

Distance between motifs and size of the motif (Table 1:1–6 f; 3:1–4 d). Varying distances between ornamental compositions and ornamental motifs create a new perception of the original composition.

Method of a spiral. It is a compatibility of an ornamental motif in different planes. For example, two turns of a ornament may form one ornamental motif (Fig. 91:1; 101:11). On the ornamenting in such a way also a rhythm of the layout of motifs are important.

Massive character of a ornaments. Curonian ornaments are rather massive. This feature has been stressed by many researchers.

Colour. Baltic ornaments have golden (brass or bronze) or silvery (silver) colour. The brass varies from yellow to reddish. It is difficult to determine the real colour of bronze because even a slight content of lead or zinc considerably changes the colour of the copper alloy. Some ornaments were adorned with blue glass inlays.

Movement. At first glance, Baltic ornaments, including Curonian ones, seem to be rather static. This is the result of its strong distinctive features, in comparison to visually “swift” German ornaments. But the layout of geometrical ornament, i.e. its rhythm, numbers, colours, and spirals give Curonian ornaments a sense of movement.

Sound. The sound, probably, was also important because it scared away evil spirits.
World outlook. The shape, ornamentation, construction and even the manner of wearing of Curonian ornaments were bound with their world outlook.

VI. ORNAMENTS

VI. 1. ORNAMENTS FOR FIXATION OF A HEAD-DRESS

1. 1. Pins with a triangular openwork head (Fig. 6). These pins are ornaments of Curonian women. They are found in graves dated to 9th – early 11th c. Heads of pins are ornamented with holes or rivets. Often, pin heads with rivets were covered by layer of the tin. In order to minimize use of silver, the rivets were formed of a layer of tin; also like an ornament on the edge of a pin head was formed of a tin layer.

1. 2. Pins with a head of extended rhombus shape (Fig. 7). These pins were worn in the second half of the 8th–9th c., but may also continue into the 10th c. In the pin head the junction of a rhombus and a cross is stressed. In ornamenting the motifs of X “eyes”, circles, and small cuts were used. They were concentrated in the centre of a rhombus – shaped head forming a cross. In these pins, the effect of a plane and hollowed relief was used.

1. 3. Pins with wheel-shaped heads (Fig. 8). They are found in graves of women of the 9th – 10th c. Heads of these pins are round, formed of a ring and a rhombus or cross. Areas of pin heads most frequently have 4 small sprouts. Heads are ornamented with 5 blue glass inlays. Pin heads are covered with white metal plates. They cover the plane of the rhombus – shaped pin head or an equilateral cross. A crossbow of the head was covered with a separate plate. For ornament of the plate only the motif of a notch was used.

1. 4. Pins with a flat openwork head (Fig. 9:1, 4). Within burial grounds of western Lithuania of the 10th – 11th c. pins with flat openwork heads are found. Pin heads are covered with white metal plates ornamented with small blue glass inlays. In the ornament of the plates only one primary motif was used – a notch (Table 3:1). Frequently, 2–3 concentric circles of notches were located around 5 blue glass inlays. Another two rows of notches ornamented the edges of the plate. In addition, 1–2 rows were used for ornament of halfmoon – shaped sprouts. The whole surface of the plate was ornamented, so the pin was overloaded with decoration (Fig. 9:4).

1. 5. Pins with a cut out nail – shaped head (Fig. 9:2–3). In the graves of the 10th – 11th c., where pins with a flat openwork head are found, there are also smaller pins with a nail – shaped head (Fig. 9:2–3).

The heads of these pins are “cut out” or similar to snowflakes. The production of these pins with a cut-out nail – shaped head was complicated. The cut out pin head was made of bronze, while the stem of a pin was produced of iron. White metal plates were ornamented with rows of relief notches.

1. 6. Non – typical pins for head – dresses (Fig. 10).

1. 7. Crossbow fibulas with ringlets (Fig. 11–15). Crossbow fibulas with ringlets are also included in the category of Curonian female ornaments used for head – dresses. These fibulas in Curonian graves of the 8th – 9th c. are most frequently found near the head. The form and construction of the crossbow fibulas are copies of the equilateral crosses, but according to the proportions of the fibulas it resembles the Latin cross. This cross was ornamented with 8 ringlets (4 – on the bow of the fibula and 4 – on its “feet”). The terminals of the spring have flat or decorated end knobs of the axle (two end knobs for each terminal). Fibula “feet” and white metal plates

which covered the bow were also ornamented. The chord of the fibula was rarely ornamented. For its adornment the motif of small point as well as small cuts were used. In the adornment of plates of all Baltic tribes which used such fibulas the motif of a “sieve” dominated.

1. 8. Headbands (Fig. 16). Headbands are found in same Curonian burial grounds, in graves of the 9th – 11th c. Headbands consist of metal T – shaped bronze distributed details, glass and enamel beads of various colours, strung on a bronze wire or leather band. Frequently, disintegrated headbands are found in cremated graves. In this case, the manner of wearing these headbands is not clear. Plates of headbands are most frequently ornamented with the motif of triangles or with “eyes”.

1. 9. Caps. In a few Curonian cemeteries bronze details from caps were found. Their shape is reconstructed only by remaining bronze details. Most frequently the edge of a cap is ornamented with a bronze spiral.

VI. 2. NECK ORNAMENTS

2. 1. Bronze beads and spacer plates of strings of beads (Fig. 17). There are few bronze beads of the 8th – 12th centuries. Curonian women mostly liked to wear strings of beads of blue notched glass, bronze spirals, chains. Sometimes in the strings the T – shaped distributing details or spacer plates are found. They are ornamented with groups of horizontal cuts and doubled X motifs, vertical rows of triangles in order to form rhombus – shaped plaits. Sometimes spacer plates have profiled edges and are ornamented with vertical lines, “eyes”.

2. 2. Neck-rings with a torqued arc equipped with a loop-and-hook clasp (Fig. 18:2). Such neck-rings appeared in the 7th – 8th c. and continued to be worn into the 9th – 10th c. Sometimes both the external and internal surfaces of the arc of the neck-ring were ornamented. Most frequently an impression of a doubled X plait was formed by use of cuts of various directions. Sometimes very small triangles were situated on the edge of the ornament with their tops directed downwards. Occasionally neck-rings were decorated with a horizontal groove. The edges of a neck-ring were ornamented very rarely.

2. 3. Neck-rings with a flat arc equipped with a loop-and-hook clasp (Fig. 18: 3). Such neck-rings are found in graves of the 9–11th c. but mostly in graves of the 10–11th c. Frequently the back part of the arc was decorated. In the decoration a cross-section of the arc of the neck-ring was used, so edges were ornamented. Using cuts of various directions, motifs of doubled X and rhombus were formed. The motif of a triangle was popular. The triangles were located with their tops directed downwards. A plaited motif was used whose basis was X plait (type II).

2. 4. Neck-rings with round thickened terminals (Fig. 19). Such neck-rings are characteristic ornaments of Curonian women. They are found in graves of the late 8th century, but, probably, were worn up to the 11th – 12th c.c. Most frequently the beginning and the end of the thickened part of their arcs were ornamented. Groups of vertical hollow lines were popular. The hollow lines were ornamented with a “fir” formed of very small cuts on both sides of the line.

2. 5. Plaited neck-rings with a loop and hook as well as clasp loop terminals (Fig. 20–21). Such ornaments are found in graves of the 9th – 12th centuries. Most frequently their arc is plaited with 2 or 3 wires. For the most part, these ornaments are not decorated. The loops of the ornaments are adorned with rows of very small hollows whose layout resembles rays. Loops of some ornaments were also ornamented with “eyes”, very small cuts, and rows of small triangles.

Sound. The sound, probably, was also important because it scared away evil spirits.
World outlook. The shape, ornamentation, construction and even the manner of wearing of Curonian ornaments were bound with their world outlook.

VI. ORNAMENTS

VI. 1. ORNAMENTS FOR FIXATION OF A HEAD-DRESS

1. 1. Pins with a triangular openwork head (Fig. 6). These pins are ornaments of Curonian women. They are found in graves dated to 9th – early 11th c. Heads of pins are ornamented with holes or rivets. Often, pin heads with rivets were covered by layer of the tin. In order to minimize use of silver, the rivets were formed of a layer of tin; also like an ornament on the edge of a pin head was formed of a tin layer.

1. 2. Pins with a head of extended rhombus shape (Fig. 7). These pins were worn in the second half of the 8th–9th c., but may also continue into the 10th c. In the pin head the junction of a rhombus and a cross is stressed. In ornamenting the motifs of X “eyes”, circles, and small cuts were used. They were concentrated in the centre of a rhombus – shaped head forming a cross. In these pins, the effect of a plane and hollowed relief was used.

1. 3. Pins with wheel-shaped heads (Fig. 8). They are found in graves of women of the 9th – 10th c. Heads of these pins are round, formed of a ring and a rhombus or cross. Areas of pin heads most frequently have 4 small sprouts. Heads are ornamented with 5 blue glass inlays. Pin heads are covered with white metal plates. They cover the plane of the rhombus – shaped pin head or an equilateral cross. A crossbow of the head was covered with a separate plate. For ornament of the plate only the motif of a notch was used.

1. 4. Pins with a flat openwork head (Fig. 9:1, 4). Within burial grounds of western Lithuania of the 10th – 11th c. pins with flat openwork heads are found. Pin heads are covered with white metal plates ornamented with small blue glass inlays. In the ornament of the plates only one primary motif was used – a notch (Table 3:1). Frequently, 2–3 concentric circles of notches were located around 5 blue glass inlays. Another two rows of notches ornamented the edges of the plate. In addition, 1–2 rows were used for ornament of halfmoon – shaped sprouts. The whole surface of the plate was ornamented, so the pin was overloaded with decoration (Fig. 9:4).

1. 5. Pins with a cut out nail – shaped head (Fig. 9:2–3). In the graves of the 10th – 11th c., where pins with a flat openwork head are found, there are also smaller pins with a nail – shaped head (Fig. 9:2–3).

The heads of these pins are “cut out” or similar to snowflakes. The production of these pins with a cut-out nail – shaped head was complicated. The cut out pin head was made of bronze, while the stem of a pin was produced of iron. White metal plates were ornamented with rows of relief notches.

1. 6. Non – typical pins for head – dresses (Fig. 10).

1. 7. Crossbow fibulas with ringlets (Fig. 11–15). Crossbow fibulas with ringlets are also included in the category of Curonian female ornaments used for head – dresses. These fibulas in Curonian graves of the 8th – 9th c. are most frequently found near the head. The form and construction of the crossbow fibulas are copies of the equilateral crosses, but according to the proportions of the fibulas it resembles the Latin cross. This cross was ornamented with 8 ringlets (4 – on the bow of the fibula and 4 – on its “feet”). The terminals of the spring have flat or decorated end knobs of the axle (two end knobs for each terminal). Fibula “feet” and white metal plates

which covered the bow were also ornamented. The chord of the fibula was rarely ornamented. For its adornment the motif of small point as well as small cuts were used. In the adornment of plates of all Baltic tribes which used such fibulas the motif of a “sieve” dominated.

1. 8. Headbands (Fig. 16). Headbands are found in same Curonian burial grounds, in graves of the 9th – 11th c. Headbands consist of metal T – shaped bronze distributed details, glass and enamel beads of various colours, strung on a bronze wire or leather band. Frequently, disintegrated headbands are found in cremated graves. In this case, the manner of wearing these headbands is not clear. Plates of headbands are most frequently ornamented with the motif of triangles or with “eyes”.

1. 9. Caps. In a few Curonian cemeteries bronze details from caps were found. Their shape is reconstructed only by remaining bronze details. Most frequently the edge of a cap is ornamented with a bronze spiral.

VI. 2. NECK ORNAMENTS

2. 1. Bronze beads and spacer plates of strings of beads (Fig. 17). There are few bronze beads of the 8th – 12th centuries. Curonian women mostly liked to wear strings of beads of blue notched glass, bronze spirals, chains. Sometimes in the strings the T – shaped distributing details or spacer plates are found. They are ornamented with groups of horizontal cuts and doubled X motifs, vertical rows of triangles in order to form rhombus – shaped plaits. Sometimes spacer plates have profiled edges and are ornamented with vertical lines, “eyes”.

2. 2. Neck-rings with a torqued arc equipped with a loop-and-hook clasp (Fig. 18:2). Such neck-rings appeared in the 7th – 8th c. and continued to be worn into the 9th – 10th c. Sometimes both the external and internal surfaces of the arc of the neck-ring were ornamented. Most frequently an impression of a doubled X plait was formed by use of cuts of various directions. Sometimes very small triangles were situated on the edge of the ornament with their tops directed downwards. Occasionally neck-rings were decorated with a horizontal groove. The edges of a neck-ring were ornamented very rarely.

2. 3. Neck-rings with a flat arc equipped with a loop-and-hook clasp (Fig. 18: 3). Such neck-rings are found in graves of the 9–11th c. but mostly in graves of the 10–11th c. Frequently the back part of the arc was decorated. In the decoration a cross-section of the arc of the neck-ring was used, so edges were ornamented. Using cuts of various directions, motifs of doubled X and rhombus were formed. The motif of a triangle was popular. The triangles were located with their tops directed downwards. A plaited motif was used whose basis was X plait (type II).

2. 4. Neck-rings with round thickened terminals (Fig. 19). Such neck-rings are characteristic ornaments of Curonian women. They are found in graves of the late 8th century, but, probably, were worn up to the 11th – 12th c.c. Most frequently the beginning and the end of the thickened part of their arcs were ornamented. Groups of vertical hollow lines were popular. The hollow lines were ornamented with a “fir” formed of very small cuts on both sides of the line.

2. 5. Plaited neck-rings with a loop and hook as well as clasp loop terminals (Fig. 20–21). Such ornaments are found in graves of the 9th – 12th centuries. Most frequently their arc is plaited with 2 or 3 wires. For the most part, these ornaments are not decorated. The loops of the ornaments are adorned with rows of very small hollows whose layout resembles rays. Loops of some ornaments were also ornamented with “eyes”, very small cuts, and rows of small triangles.

2. 6. Neck-rings of other types. Graves of the 10th – 12th c. neck-rings contain iron wire and bronze beads. In Curonian graves several neck-rings with crutch and thickened angular terminals were found.

VI. 3. BREAST ORNAMENT

3. 1. Crossbow ladder fibulas (Fig. 22–26, 28). These fibulas developed from crossbow fibulas with a cross foot and are dated to the 7th century. Crossbow ladder fibulas are divided into five types. Crossbow ladder fibulas dated to the 8th – 11th centuries are of the II–IV types. In the course of their development the chord and the foot of the fibula were changed – they were widened and lengthened. The chord was simplified to an ornamenting element and the foot was transformed into a ladder. Fibulas of the type II have no chord. Fibulas of this type only conditionally may be named “ladder” fibulas, as they more closely resemble cruciform fibulas.

Fibulas of this type are casted, forged, riveted, and soldered. They were ornamented with various rivets, and covered with plates of white metal, such as silver or tin, sometimes both – side tinned plates of bronze. The adornment of fibulas of **type I** is the simplest (Fig. 22:1). Most frequently only the edges of the fibulas were ornamented with a cut in line. Sometimes the last of the fibulas ladder was ornamented with a rivets – fringes. A rectangular plate on the spring was ornamented with an inlay of blue glass and with additional small white metal plate ornamented with a notches.

Some fibulas of **type II** are not ornamented (Fig. 23–24). On the edges of these fibulas straight hollow lines are cut into. Sometimes at the terminals of the ladder small hollows and their groups or holes were beaten. Some of the type II fibulas were covered with white metal plates, and decorated with a relief notch. The plate of the fibula's bow was adorned with an inlay of blue glass.

The ladder of fibulas of **type III** (Fig. 25, 26:1.) were covered with white metal plates, decorated with a relief notch and a circle.

Crossbow fibulas of **type IV** most frequently were not decorated with white metal plates. Their ornament was casted together with the whole body of the fibula. The ornament imitated relief fringes, circles, more similar to small squares. Rectangular plates on the spring were decorated with triangles, circles, “eyes”. Plates were also decorated with a casted “eye” i.e. an imitation of an inlay of blue glass on the spring. Chord of fibulas were decorated with vertical hollow lines. Very often, ladders of fibulas were covered with white metal – tin.

Among crossbow ladder fibulas of **type V** (Fig. 28) there are examples free of ornamentation or covered only with a white metal coating.

3. 2. Crossbow zoomorphic fibulas (Fig. 29–37; Table 6:1–2). Crossbow zoomorphic fibulas of the 8th – 9th c. are known among the Curonians in Lithuania and Latvia as well as the land of Lamata.

Type I (Fig. 29–30). This type includes fibulas dated to the late 7th – 9th centuries, whose chord terminals, ends of spring and feet are ended with realistic sharp-nosed heads of grass – snakes or a snake. These fibulas were ornamented with images of 4 reptilia. Their are like to small sculptures with expressive eyes, and a mouth. The heads of the animals are decorated with two small “sprouts” or “horns”. Despite rather realistic representation of the heads, they also have many features of a geometric ornament, such as schematism which leads to the generalization of images of presented animals.

Type II (Fig. 31). It includes fibulas dated to the 8th – 9th centuries where geometrized heads of a reptile were presented only on the foot and the bow on the spring. On

fibulas two reptilia were presented. The terminals of the chord of fibulas of the type II are not ended with heads of reptilia. This type of fibulas is not abundant.

Type III (Fig. 32–35:2, 36). The characteristic feature of this type of zoomorphic fibula is a trapezoidal plate on the middle part of the spring instead of a head of a reptile. The reptile head remains only on the foot. Sometimes the trapezoidal plate is ornamented but usually it is covered with a white metal plate and adorned with an inlay of blue glass. The terminals of the chords were very rarely decorated with heads of animals. One such fibula (the **type III a**) was found at Anduliai burial ground.

Type IV (Fig. 35:1). This type includes fibulas with a triangular, slightly widened foot which is not ended with a more or less realistic head of an animal but has only two “sprouts” on the leg. The lower part of the foot is straight. The bow over the spring is ended with rectangular or profiled plate.

Type IV a (Fig. 37). It is a transitional type between a crossbow zoomorphic fibula and a crossbow fibula with a poppyseed-shaped head.

3. 3 Crossbow fibulas with a poppyseed-shaped terminals (Fig. 38–41; Table 6:3–4). Fibulas of this type are found in male graves dated to the 8th – 11th c., although they originated in the second half of the 7th century. It is clear that crossbow zoomorphic fibulas affected the appearance and development of crossbow fibulas with a poppyseed-shaped head.

Type I (Fig. 38–39). The ornament of crossbow fibulas with a poppyseed-shaped terminals of this type is rather uniform. The straight, slightly widened foot is decorated with 2 “sprouts”. The foot is decorated with a rather realistic reptile (**type Ia**). The surface of the fibula is notched. An interesting fact is that only Curonian fibulas are decorated with expressive zoomorphic motifs. But the terminals of chord of most fibulas were not decorated with zoomorphic motifs because jewellers changed connection of the chord, spring and end knobs of the axle (Table 6:3–4).

Type II (Fig. 40–41). This type includes massive, large fibulas. Curonians liked them very much. Fibulas of this type are found in graves dated to the 10th – 11th centuries.

In the ornament of crossbow fibulas with a poppyseed-shaped head only several geometric motifs were used. They were: a cut, a point, a triangle, X. Ornamental motifs and compositions were formed of these primary motifs. The appearance of a relief cut considerably differs from the appearance of the same motif on the plane. The surface of crossbow fibulas with a poppyseed-shaped head was notched with wide longitudinal grooves or decorated with semicircular pits. Sometimes they were decorated with longitudinal, relief, zigzag – shaped lines (Mockaičiai, Klaipėda district). The vertical and horizontal non – ornamented planes in ornament of fibulas stressed symmetry and an equilateral cross. The centre of the fibulas and their movement (the creeping of reptilia) were stressed by a strongly arched bow which was similar to a “hump”.

3. 4. Owl-shaped fibulas (Fig. 42–43). These fibulas which are similar to an owl's head with open eyes are found in graves of Curonians, Lamatians, Lettigallians, Semigallians, Samogitians dated to the 7th – 9th centuries.

Type I (Fig. 42). Fibulas of this type are found in southern lands of Curonians, Lettigallians and Lamatians. Fibulas of the type I are dated to the 7th – 8th centuries. The bow of the fibula terminals with a semicircle – shaped plane with cuttings. The foot is short, flat, widened. The foot is also tightened, its corners often are decorated with round planes. Sometimes on the cross of the foot and the bow a transversal ladder or round planes are added. The early fibulas had no spring and chord.

Type II (Fig. 43). This type includes fibulas dated to the 8th – 9th centuries. In the lower part of the spring, Curonian jewellers added a rather wide chord. In this way the shape of “an owl's head” was given to the fibulas. Springs of fibulas often were ended with cones and rings. In order to counterbalance the increased “owl's head”,

jewellers had to widen the foot and to insert additional planes. In some cases the fibulas were plated with white metal and decorated with small inlays of blue glasses. The plates were chased with the motifs of a notch, a point and a "sieve".

3. 5. Flat fibulas. Fibulas of this type are found in graves dated to the 8th – 12th c. In the middle and Late Iron Ages or Viking Period stylistic evolution of all crossbow fibulas took place. At the same time in the Late Iron Age their forms were simplified. The fibulas lost their elegant forms, proportions, and some their parts became functionally unnecessary. Flat fibulas appeared suddenly, and they have no prototypes in Baltic materials. Probably, the appearance of flat fibulas is derived from Scandinavian culture. Their shape and ornamentation are similar to Curonian fibulas dated to 550/600–700 which were known in the Germanic world of the Western and Central Europe as well as Southern Scandinavia and Eland and Gotland Islands. "S" – shaped flat fibulas are found among the Langobardians of the 6th century. In the archaeological materials of Franks, Alamans dated to the 6th – 7th centuries round fibulas and pendants – amulets similar to Curonian ones are found. The ornamentation (a swastika with zoomorphic terminals, interweaving ellipses, various plaits) and the forms of these artefacts are similar to the ornamentation and forms of Baltic artefacts. In the 6th – 8th c. Germanic tribes adopted various plaits which were earlier known from the art of Christian Copts of Egypt. In the 8th – 9th c. plaits as well as the shape of the fibulas were adopted by Curonians and other Balts. Curonians adopted the shapes of flat fibulas to the geometrical ornament which existed in their culture and to the stereotypes of their world outlook. Only the patterns having geometrical equivalents of which a form and an ornamentation could be further developed were adopted.

There is an opinion that some of the flat round fibulas liked by Baltic tribes in the 3th – 5th centuries were prototypes of the fibulas of the 8th – 9th centuries. However, the ornamentation of flat fibulas and pins of the 3rd – 5th c. essentially differs from the those of the 8th – 10th centuries. The latter fibulas have greater diversity of shape and ornamentation. Round flat fibulas and pins of the Roman Period were decorated with a so called "tutulus" and often were openwork. The ornamentation of round flat fibulas of the 3rd–5th c. were influenced by the Romans culture. The flat fibulas of the 8th–12th c. were produced according to traditions of culture of Germanic tribes.

3. 6. Round flat fibulas. Round fibulas are classified according to their ornament:

a) round fibulas with two interweaving ellipses in the centre (Fig. 44:1). The point of the crossing was often decorated with "sprouts". Curonians liked to decorate the points of crossing with "eyes" and the ellipses themselves with straight hollow lines. Edges of fibulas were decorated with zigzag – shaped lines of small spots, "eyes", cuts. After a slight modification of an ellipse it becomes similar to a "flower" (Fig. 44:2). On a rectification of ends of ellipses the motif becomes similar to two bands which intersect vertically and horizontally (Fig. 44:3–4). The points of intersection of the bands were decorated with cones, points, "eyes". The arc of the fibula was not ornamented or was decorated with straight or inclined cuts;

b) round fibulas with a swastika in the centre. They may be divided into two sub – types: fibulas with zoomorphic motifs on the terminals of the swastika (heads of reptilia; Fig. 45:1–3) and fibulas with plain terminals (Fig. 45:4).

Almost all the fibulas of the sub – type I have a small cone – shaped "sprout" in the centre. Fibulas were decorated with "eyes" as well as triangles. Heads of reptilia often are realistic, although highly schematized ones also exist. Sometimes the eyes of reptilia are marked with "eyes". Round fibulas with plain terminals of the swastika were decorated with pits, "eyes" and other motifs.

c) round openwork fibulas with spokes (Fig. 46). The number of such fibulas is not large. The spokes of fibulas are profiled or straight; often they are not ornamented but only covered with tin coating.

d) non-open work round fibulas (Fig. 47). Several round non – openwork fibulas were found. Most frequently they are ornamented with "eyes". Some fibulas are covered with white metal plates. The plates are decorated with relief notch and points. In changing the direction of the motif it is transformed into a ropelet. These fibulas were rarely decorated with an inlays of blue glass.

3. 7. Oval – shaped flat fibulas. The fibulas are of two types:

a) "8" – shaped flat fibulas (Fig. 49: 2). There are few of such fibulas. At the turn of the "8" the fibulas are decorated with triangular "sprouts" which, most probably, are heads of fully abstracted reptilia. The fibulas are modestly decorated with a row of small spots, with the motif of "eyes";

b) "S" – shaped flat fibulas (Fig. 49:1, 3). Not many such fibulas were found. Two plaited reptilia are represented on these fibulas. The heads of the reptilia are small and realistic. The forehead and eyes are well modelled and the "creeping" is well expressed by spiral ornament and hollow line through the spiral. The fibulas were decorated with triangles, triangles with 3 points, spots, hollow lines, cuts.

3. 8. Ring – shaped fibulas. In graves dated to the 9th – 12th c. several ring-shaped fibulas were found. These fibulas are the result of development of penannular fibulas with star-shaped terminals. Arcs of ring – shaped fibulas were decorated with relief notches and covered with white metal and white metal plates.

3. 9. Quadrangular openwork fibulas. These fibulas according to their shapes and ornamentation are divided into 3 sub – types:

a) Fibulas ornamented with cross – plaited pattern (Fig. 50). The shape of the fibulas is an evident repetition of the plait known in Western Europe of the 7th century, namely, in the Germanic world. Curonian jewellers transferred the motif of diagonal row of ovals into the shape of the fibula, and thus the type IV of plaited Baltic pattern was created (Table 4:18–19). The shape of the fibulas precisely repeats the mentioned motif. In the intersections of the ovals jewellers left an openwork space. Curonians probably adopted this plait, having no beginning and no end, because it conformed with their world outlook. They "cut" a part of the plait which was understandable to them. In all the quadrangular openwork flat fibulas the number "8" is fixed. This number of holes was in a selected plait. It corresponds to the conception of the four-part world imagined by Curonians.

b) quadrangular fibulas with holes of various sizes (Fig. 51; Table 4:20). These fibulas are formed of diagonal oval of two directions which are connected with rhombus – shaped band. This complicated plait – knot is known from the German world of Western Europe and Scandinavia of the 7th century. Curonian jewellers transformed the plait into the pattern of type IV a. The shape of the fibulas repeats the main elements of the plait.

c) oblong openwork fibulas (Fig. 52:2). Not many such fibulas were found. Oblong openwork fibulas are similar to "8" – shaped flat fibulas. They differ from the latter in their more quadrangular shape, a larger size and a horizontal line dividing the fibula into two parts. The edges of the fibulas are decorated with rows of small cuts and triangles, "eyes". In addition, the fibulas were decorated with "sprouts", pits.

3. 10. Cruciform flat fibulas. Such fibulas are found in graves of the 9th – 12th c. They are divided into 2 sub – types:

a) cruciform fibulas. Cruciform fibulas are very similar to the heads of cruciform pins, especially of the type IV. They are covered with repoussage technique made white metal plates. In their ornament, the same motifs were used as those for

cruciform pins. The main motif was a relief notch. Sometimes the fibulas were decorated with inlays of blue glasses, cones or covered with white metal whose relief ornament imitating rows of notches was casted together with the fibula;

b) fibulas with four "sprouts" similar to clover leaves (Fig. 53). There are 8 "sprouts". Fibulas were covered with repoussage technique made white metal plates, ornamented by the motifs of a relief notch, a circle and even triangles and plaited plaits.

3. 11. Solitary examples of flat fibulas of various shapes (Fig. 48, 52:1, 3, 54–55).

3. 12. Penannular fibulas (Fig. 56–67). Penannular fibulas were among the most popular ornaments of the Balts. They started to wear such fibulas in the 7th century or in the late 8th – 9th c. Various penannular fibulas were particularly popular in the 10th–13th c., but they continue to be found in graves dated to the 14th – 17th centuries. The fibulas are distributed over the whole eastern part of the Baltic region, they are found in Finland, Gotland Island, continental Scandinavia, middle Russia.

3. 12 A. Penannular fibulas with cylindrical terminals (Fig. 56–57). Penannular fibulas with cylindrical terminals are the most earliest. They appeared in the late 8th – 9th c. By cross – section of the arc, penannular fibulas with cylindrical terminals are classified into 10 sub – types. The most popular fibulas of this type are the ones with a round arc. Many penannular fibulas with cylindrical terminals are not ornamented. The most popular ornament of these fibulas was the motif of triangles laid out in bands in order to form a zigzag line. Sometimes the tops of triangles were directed to each other. Depending on their connection, different compositions were formed. The fibulas were decorated with cuts of various directions, circles "eyes", X motif.

3. 12 B. Penannular fibulas with quadrangular terminals (Fig. 58–59:1, 60–61:1). Curonians abundantly used penannular fibulas with quadrangular terminals. By the shape of the the terminals, the fibulas are classified into 5 sub – groups. Among these sub – types the most well known are penannular fibulas with star-shaped terminals (Fig. 61:1).

Cross – sections of the arcs of penannular fibulas with quadrangular terminals take various shapes, including rhombus – shaped or hexagonal. Jewellers decorated the edges of the fibulas (Fig. 58–59). Penannular fibulas with variously finished quadrangular terminals were ornamented with motifs and ornamental compositions formed of all 8 primary motifs. Similar fibulas were found on Gotland Island (Fig. 59–2).

3. 12 C. Penannular fibulas with poppyseed-shaped terminals (Fig. 61:2–3; 62: 1–2). Penannular fibulas with poppyseed-shaped terminals were favorite ornaments of Curonians. Sometimes even 11–19 fibulas of this type are found in a grave. By cross – section of the arc, the fibulas are classified into 7 sub – types. For ornament primary geometric motifs were used except the swastika and +. However, most of the surface of fibulas of this type is not ornamented. The fibulas are also decorated with plaited patterns. One of the most beautiful fibulas decorated with a rhombus – shaped motif was found at Gintališkės burial ground (Fig. 62:1–2).

Penannular fibulas with poppyseed-shaped terminals are also found at Gotland Island, but are not abundant. Visually, these Curonian and Gotland Island penannular fibulas are similar (Fig. 62:2).

3. 12 D. Penannular fibulas with zoomorphical terminals (Fig. 63–66). Fibulas of this type appeared in the 11th century, but were worn also in the 13th – 14th c. By cross – section of the arc, the fibulas are divided into 7 sub – types. The heads of these fibulas are of several forms. Some are elegant and resemble heads of animals, others are completely stylized, transformed into flowers such as tulips and lilies, or completely schematized (Fig. 63–64, 66). Animals represented on the fibulas are

massive, sometimes resembling a merry dragon from fairy – tales (Fig. 63:2, 64:1). They are less schematized but nevertheless are far away from real animals. Heads of animals are decorated with groups of cuts, "eyes". Arcs of fibulas often are torqued, although sometimes the torquing is only imitated. Arcs were decorated with groups of cuts, triangles and other motifs.

3. 12 E. Penannular fibulas with flaring thickened terminals (Fig. 67). Most of fibulas of this type were found in regions where Curonians and Samogitians lived. By the cross – section of their arc, they are divided into 8 sub – types. "Tongues" of the fibulas are arched, often flaring in the part surrounding the arc. They are decorated with cuts, and their ornament is rather uniform. The terminals of the fibulas are decorated with notches of various directions, "eyes" (Fig. 67:1–3), and sometimes with groups of hollow and relief cuts, so the terminals become profiled (Fig. 67:4). Very rarely are the fibulas ornamented with "S" and "C" motifs.

VI. 4. PINS

4. Pins with a triangular head. In the 8th – early 9th c. pins with a triangular head (types III and V) were typical ornaments of Curonian women.

4.1. Pins with a triangular head of type III (Fig. 68). The shape of the head is similar to a triangle. It seems that a head was put on a stem of a pin. The knobs of the head are flattened. Heads are covered with chased white metal plates, decorated with a vertical row of X or doubled X, bordered with relief notches. Edges of a plate are most frequently bordered with two rows of relief notches. Plates are adorned with 4 inlays of blue glasses.

a) Pins with a triangular head of the type III sub – type a. This is an unique pin in Lithuanian archaeological material and it was found at Anduliai burial ground. The shape of the head of the pin is similar to that of type III, but it is not covered with a white metal plate. The head is decorated with a relief ornament and 3 "sprouts" in the centre. The external middle surface of the head is decorated with 1 big "sprout". The relief decoration of the pin resembles Curonian pins of the type V.

4. 2. Pins with a triangular head of the type IV (Fig. 69–70). This type includes pins with hemispherical or flattened hemispherical knobs. Knobs are often decorated with notches ornamented with transversal cuts. Triangular heads of the pins are decorated with groups of cuts in their corners. Often these pins have a shallow triangular hollow in the centre of the head and a small "sprout". Heads of the pin are not covered with a white metal plate although they often have a white metal coating.

a) pins with a triangular head of the type IV sub – type a (Fig. 71). These pins differ from the pins of the main type in having of semicircular planes between the head and the stems of a pin and the presence of hollow circles, ovals and even holes in the head of the pin. It seems that these pins are the transitional link between the relief pins of type V and the pins of type IV.

4. 3. Pins with a triangular head of type V (Fig. 72–75). This type includes pins with a head decorated with a deep relief pattern. Knobs of the heads are lengthened and are similar to the head of a reptile. Such pins were found only within Curonian land of Mėguva they where they occur in graves of the 9th or 10th century. The heads of the pins are made by schip-carving technique. There is a "sprout" in the centre of the head. The central "sprout" often is surrounded with a rosette which is ornamented with geometric elements and divided into 4, 6, 7, 9, 11 or 12 parts. In addition to a relief pattern, flat planes of the pin heads are decorated with groups of triangles and rhombuses which are formed by joining the X with a plait of rhombuses. Knobs

of heads are similar to stylized heads of reptiles. Sometimes such knobs are decorated with "sprouts". They are also occasionally decorated with geometrical motifs such as X, small circles, hollow spots, inclined cuts, small triangles, "a sieve". Flat planes of pin heads are decorated with the elements of small points, cuts, circles. X is most frequently used for formation of a rhombus plait. The sides of the heads and the upper part of the pin stem often were decorated.

4. 4. Cruciform pins with hemisphere – shaped knobs (Fig. 76–77). These pins are found in graves dated to the 8th – 9th century. The heads of the pins are notched at the stem of a pin, so it seems that they are put on it. The heads end with knobs shaped like hemispheres which are decorated with small triangles, hollow lines. The pin heads are covered with chased white metal plates with an inlays of blue glasses in their centre. For decoration of the plates only the motif of a relief notch was used. Edges of the plates were decorated with 1–2 rows of notches. One or two rows of the motif are surrounded blue glass inlays. Pins are equipped with loops connected to pendants. Both the pendants and the heads of the pins are covered with white metal plates. The ornament of the pendants is more complicated than that of the pin heads and sometimes may represent another style (Fig. 77).

4. 5. Cruciform pins (Fig. 78–86). The shape of the heads of these pins is an equilateral cross. Because of the proportions of the entire pin, it is similar to the Latin cross. The cruciform pins were one of the favourite pins of Curonians during the 8th – 12th c. Curonian women adorned themselves with cruciform pins of all 7 types, but especially types II – IV. Curonian pins are massive, as the heads are covered with chased white metal plates. The ends and the centre of the cross were decorated with inlays of blue glasses and with cones. In the ornament of the plates the motif of a relief notch dominated. Two or four rows of notches are situated at the edges of the cross and around the inlays of blue glass. In addition to the notches, an additional cross – side or the motif of a "flower" formed of a relief point and a notch were sometimes used. The cross – section of the stem of the pin in the upper part is rhombus – shaped or hexagonal, in the lower part it is round. The rhombus – shaped or hexagonal plane of the stem is often ornamented with cuts, triangles, circles. For the ornamenting the edge of the ornament was used: when one motif was situated on the edge, a stylistic variety of the ornament appeared. Curonian pins have loops. The loops often are variously profiled, decorated with small cuts, zigzags.

Pendants, spacer plates, chains. Pendants of various shapes were connected to pins which sometimes were jointed into groups (2, 4, 5, 6, 7). Most popular were crescent-shaped pendants with 3 "sprouts" and semicircular pendants. Pendants, as heads of cruciform pins, are covered with white metal plates and ornamented with inlays of blue glass. Plates of pendants were decorated with more various and complicated motifs in comparison with heads of pins. However, there an attempt to main faint unity of style in the decorating of the total ornament. Pendants consisting of 7 parts are distinguished. Such complicated combination of pendants often is connected to cruciform pins of the types II and IV types. The combination of pendants consists of one semicircular pendant, 5 pendants of vertical rectangle shape and 1 pendant of horizontal rectangle shape. The combination of pendants ends with hollow chains and mapleseed – shaped pendants. Sometimes 5 vertical pendants are replaced with a single one.

Snail – shaped or "A" – shaped axes were used as spacer plates for pendants and chains. Their surface often is decorated with cuts (forming a "fir" or transversal). The terminals of snail – shaped axes are turned into a cylinder or end with a square and ornamented with concentric circles and a pit in the centre. Spacer plates of

the chains are similar to coiled up reptilia. The chains connected pendants into a totality and finished their combinations. Curonians liked chains of several types, namely, light, most frequently hollow ones. However, also small chains with a semicircular cross – section as well as massive chains with a semicircular cross – section are found; each separate link of these chains is similar to a spiral ring. Terminals of light chains usually are ended with mapleseed – shaped pendants. Edges of the pendants most frequently are ornamented with 1 – 2 repoussed lines. Massive chains were often ornamented with vertical cuts, ended with snail – shaped axis.

4. 6. Round pins (Fig. 87–88). At Kiauliekiai and Lazdininkai burial grounds round pins were found, a couple in each grave. Such pins are dated to the 8th – 9th century. The round heads of the pins are flat or have a "tutulus". The heads of the pins are covered with decorated in repoussé white metal plates. They are decorated with a relief notch

4. 7. Crook – like pins and pins with snail – shaped axes. In Curonian culture of the 8th – 9th c. pins of this type are not frequent. These pins are usually plain or ornamented with inclined cuts.

VI. 5. ORNAMENTS FOR HANDS

5. 1. Hollow bracelets with flaring terminals (Fig. 98–90). They represent typical ornaments of Curonian women in the 8th – 9th c. The front part of the bracelets was ornamented with geometric motifs, laid out in 2 – 3 horizontal rows. The terminals of bracelets are decorated with vertical rows. The most popular decorative element was triangle. Bracelets were decorated with zigzag composition formed of connected rows of triangles. Often a triangle was formed of cuts and ended with a circle or an "eye". Rarely, there were 3 points inside the triangle. The back part of the bracelet at the narrowing, ended with the motif of a horizontal "fir" connected with a rhombus – shaped plane.

5. 2. Spiral bracelets (Fig. 91–93). Spiral bracelets were characteristic ornaments of Curonians in the 8th – 9th c. and can be divided into 2 types. Type I includes spiral bracelets produced of bronze bands of various profiles. Most spiral bracelets are of this type. Type II is represented massive spiral bracelets with a triangular cross – section. They are more characteristic of northern Lithuania.

In type I bracelets, 2 – 3 end turnings are usually ornamented. However, sometimes bracelets with all ornamented turns are found. Terminals of most of the bracelets are narrowed. Bracelets also have a triangle or rhombus – shaped form on the ends of their terminals. A bracelet with such a terminal is similar to a very stylized reptile. Some of the heads of reptilia are more realistic: they have two eyes, their muzzles are decorated with "eyes". The heads of reptilia were also decorated with the motif of X or doubled X as well as with "eyes", points, cuts, triangles with 3 points inside them. In decorating the spirals most frequently cuts inclined to the right or to the left were used. The characteristic feature of the ornament of spiral bracelets and rings was the use of the spiral ornamentation method.

5. 3. Massive bracelets (Fig. 94–96). Within the 8th – 13th c. massive sash – like bracelets were worn. These bracelets have arcs of various profiles – from a semicircle to irregular rectangle. The terminals of the bracelets are decorated with rows of notches, deep cuts. The notches are always transversal (horizontal). The back part of all these bracelets is not ornamented. On both sides, the ornamental composition is ended with triangles or triangles with continued tops. Massive bracelets were often decorated with plaited patterns (Types I a–b, II). Only in ornament of massive bracelets do we find the motif of a circle with 4 rays. Many of

the bracelets are decorated with repoussed S – shaped curve. The “S” letter on the bracelets is more or less stretched in horizontal direction, so it is similar to a wave. A less frequent decorative element are triangles laid out in horizontal rows. Massive bracelets were decorated with cuts, triangles, X.

5. 4. Bracelets with zoomorphic terminals (Fig. 97–99; Table 7)

Distribution and chronology of bracelets. Bracelets with zoomorphic terminals are among the most interesting ornaments from the standpoint of decorative style. During the 10th – 13th c. Curonians particularly liked bracelets of this type. Early zoomorphic bracelets dated to the 6th – 8th c. are found in Gruobinia. Their ornament was affected by Vendel period styles of Gotland and, probably, middle Scandinavia. Curonian zoomorphic bracelets belong to two chronological periods: the 10th – 11th c. and the 12th – 13th c.

Zoomorphic bracelets with triangular flattened terminals (Fig. 97; 99:2, 5–8; Table 7:1). Most bracelets found within the territories of the Curonians are of this type. The terminals of these bracelets end with triangular stylized heads of animals. The heads of animals resemble only by smaller or bigger “sprouts” – the “ears”.

Zoomorphic bracelets with pressed tapering terminals (Fig. 98, 99:1, 3–4; Table 7:2). The cross – section of the arc of zoomorphic bracelets of this type most frequently is semicircular, round or similar to a triangle. At the terminals, small “sprouts” mark “ears”. The “eyes” mark the eyes of an animal. Both of these types are decorated with geometric motifs and plaited patterns. Zoomorphic bracelets with pressed tapered terminals very similar to the Curonian ones are found on Gotland Island.

5. 5. **Sash – like bracelets** (Table 8). Bracelets of this type are found in graves of the 8th – 13th c. It is a characteristic ornament of the Curonians. According to cross – section of the arc, the bracelets are divided into several sub – types. Their ornament is rather uniform. The bracelets were decorated with X or rhombus motifs, groups of cuts, plaited patterns of Types I–II. On Gotland Island similar bracelets have been found.

5. 6. **Bracelets with narrowing terminals and knobs and on the terminals** (Fig. 100). Bracelets of this group are found in graves dated to the 8th – 11th century. The bracelets are of two types: with flat narrowing terminals (type I; Fig. 100:3) and with knob – shaped terminals (type II; Fig. 100: 1–2). Sometimes the terminals and the back part of the bracelet was decorated with groups of inclined cuts, points, triangles.

VI. 6. RINGS

Rings of the 8th – 12th c. represent the most abundant group of ornaments. They were worn by Curonian men, women, children. Most of the rings of the 8th – 9th c. are of spiral form. For this reason, they are not easily distinguished from other spirals used by Curonians for various purposes.

6. 1. **Spiral rings** (Fig. 101:10–12). Many spiral rings are not ornamented. Sometimes only one or two turns or the last several turnings were ornamented. In the ornamentation of spiral rings the same principle of spiral ornamentation was used. On ornamentation also the cross – section of ring which often changed for two times was used.

6. 2. **Spiral rings with a flaring frontal part** (Fig. 101:1–5, 7–9, 12). The end turnings of these rings often were decorated with vertical cuts. The internal part of the ring is ornamented with a zigzag line, which through the edge of the section is transformed into an X. The middle part of the ring often was decorated with an X motif joined to rhombus plait, as well as with motifs of “eyes”, rows of triangles. Sometimes the

middle part of the ring was decorated with cuts of various directions, forming the motif of a “sieve”.

6. 3. **Rings with a flaring front** (Fig. 101:6, 102–103). Such rings appeared in the beginning of the 2nd millennium. The rings are ornamented with common geometrical motifs, such as concentric circles, “eyes”, triangles, triangles with relief spots inside them, and plaited patterns of type I.

6. 4. **Rings with a thickened frontal part.** The terminals of rings of this type are crossed. The frontal part is considerably thickened. The intervals between the torqued planes are decorated with small filigree wire. The frontal part is decorated with a “ropelet” formed of small cuts as well as with cuts of various directions, groups of cuts, “eyes”.

7. **Round pendants** (Fig. 104–107). Round pendants are found in the graves of rich women, dated to the late 8th – 9th c. The round pendants form an independent group of ornaments which does not belong to the combinations of pins and pendants.

Pendants are divided into 2 types according to the fitting of their loops. Pendants of type I are decorated with 5 inlays of blue glasses (Fig. 104) and pendants of type II with 6 inlays (Fig. 105). Bronze pendants are covered with ornamented silver plate. The middle of the plate is decorated with an equilateral cross. The centre and the ends of the cross were decorated with inlays of blue glasses. Five ornamental motifs were used (a notch, a dot, a straight line, X, doubled X) to decorated white metal plates. The most popular was a relief notch, and ornamental compositions were usually bordered with it. A decorative straight line in round pendants was combined with a notch or a dot. In round pendants the X motif was very popular. If was doubled and inserted into a complicated plaited pattern.

VII. ORNAMENTS AND THE WORLD OUTLOOK

The pagan world outlook of the Balts was developed around the concept of the Tree of the World or the Tree of Life. The idea of the Tree of Life is reflected in the verbal folklore (folk sayings, seasonal and work songs), the patterns of textiles in national costume, the ornament of various tools and dowry chests. This model of the world in the form of the Tree of Life found in Lithuanian ethnographic material – culture also occurs in archaeological materials in the form of the shapes, decoration, and manner of wearing of ornaments.

The identity of a nation or a tribe is determined according to many features, including the material – culture ornaments. On the attempts to extend the knowledge on the semantics of the Baltic geometrical ornament, the shapes and construction of ornaments the features which determine and form the world outlook and its corner – stone – the Tree of the World or the Tree of Life, its three – part (vertical) and four – part (horizontal) spaces disclose themselves. The Tree of Life determines the vertical (the heaven, the earth, the underground) and the horizontal (the North – the South, the East – the West) spaces. In such a way not only philosophical systems but also the cultural field where the Gods may create and humans may live were formed.

The Tree of World and its numerical code. The three – part and the four – part spaces of the Tree of World inspired human to create also the triangular and quadrangular calculation systems. They were reflected also in ornaments. On creation of ornaments humans created the models of the world expressed through their shape and ornamentation. Among the abundantly worn Curonian ornaments the ones which express the three – part or the four – part structures of the Tree of

Life distinguish themselves. The vertical (three – part) structure of the Tree of Life is less stressed in their ornaments. Curonian ornaments most frequently embody the horizontal (four – part) structure of the Tree of Life. The four – part space of the Tree of Life was based on the quadrangular calculation system. So, the often predilection for numbers 4 and 8 between Curonians is quite understandable (Fig. 108). These numbers are stressed in the shape, construction, ornamentation (number of motifs, grouping) of the ornaments. The numbers 4, 8 are most successfully explained by a division of a circle, when the circle, i.e. imagined world space, is divided with a cross into 4 parts. By the division of the circle into 8 parts new directions are introduced. The variously modelled idea of an equilateral cross is very important in ornament of Curonian ornaments.

The second striking tendency of the shape, ornamentation and construction of ornaments is related to the three – part space of the Tree of Life. This tendency is mostly evident in round ornaments. Here a circle is divided into 6 (3+3) or 9 parts. The different spaces are not mixed up in Baltic ornamentation, unless defects of production are met in ornaments (Fig. 109). The number 7 also is characteristic in Baltic ornamentation. It was used for identification of the total Tree of World or Life (Fig. 110) and the number 12 expressed the annual cycle (Fig. 111).

The Tree of Life is the universal postulate of pagan religions. It was characteristic not only to Balts. But the Western and Central Europe already within first centuries A.D. was upon a considerable influence of the helenistic culture and the culture of Roman empire. On mixing up of nations and formation of early Christian states the pagan world outlook was eliminated or strongly suppressed. Already in the late 5th – the 6th c. in Europe states which official religion was Christianity were formed.

MAP

Map. 1. Curonian Cemeteries of the 8th/9th – 12th centuries

1 – Anduliai; 2 – Aukštkiemiai; 3 – Bandužiai; 4 – Dimitravas; 5 – Genčai I; 6 – Genčai II; 7 – Gintališkė; 8 – Girkaliai; 9 – Godeliai; 10 – Griežė; 11 – Jazdai; 12 – Kašučiai; 13 – Kiauleikiai; 14 – Kretinga I; 15 – Laistai; 16 – Laiviai; 17 – Lazdininkai; 18 – Nausodis; 19 – Palanga; 20 – Pryšmančiai I; 21 – Ramučiai; 22 – Rūdaičiai I; 23 – Senkai; 24 – Slengiai; 25 – Užpelkiai; 26 – Tiltiņi Aizviķu; 27 – Kalniņi Alsungas; 28 – Atkalni; 29 – Beltēni Priekules; 30 – Bunkas Ezeres; 31 – Bunkas Muiža; 32 – Darvdedži; 33 – Dārznieki; 34 – Dīri Durbes; 35 – Andziņi Ezeres; 36 – Gravenieki; 37 – Grobiņa; 38 – Ilksumi; 39 – Urbāni Kalna; 40 – Kapsēde; 41 – Apariņas Kazdangas; 42 – Roņi Kazdangas; 43 – Brūveri Krotēs; 44 – Sāraji Libagu; 45 – Matkule; 46 – Strautiņi Medzes; 47 – Nīca; 48 – Pasilciems Piltēnes; 49 – Grobiņas Priediena; 50 – Zviedri Pūres; 51 – Grobiņas Remesi; 52 – Ģeistauti Rucavas; 53 – Mazkatuži Rucavas; 54 – Sauslauku Durbes kapsēta; 55 – Strāzdes Muiža; 56 – Strīki Vārves; 57 – Vilksmuižas Talsu ezers; 58 – Silmalciems Užavas; 59 – Gramzdas Upišu

Curonian Cemeteries of 8th/9th–12th centuries in which only stray finds were found

① – Akmenskinē; ② – Apulē; ③ – Auksūdys; ④ – Babrungēnai; ⑤ – Gintarai; ⑥ – Gandinga; ⑦ – Jazdaičiai; ⑧ – Juodkrantē; ⑨ – Imbarē; ⑩ – Kurmaičiai; ⑪ – Kveciai; ⑫ – Laukžemiai; ⑬ – Negarba; ⑭ – Pervalka; ⑮ – Reketē; ⑯ – Tūbausiai; ⑰ – Vārduva (Žemaičių Kalvarija); ⑱ – Žibininkai; ⑲ – Grābstes Zundi; ⑳ – Sise; ㉑ – Brasliņi Valgales; ㉒ – Vendzava Zīru

LIST OF TABLES

1. Curonian burial grounds of the 8th/9th–12th c.
2. The scheme of ornamentation of bronze ornaments
3. The scheme of ornamentation of white metal plates
4. Plaited patterns
5. Stamps
6. The scheme of connection of the chord, spring and the end knobs of the axle of crossbow fibulas with cast catchplate, crossbow zoomorphic and poppyseed-shaped fibulas
 - 6.1. a – the iron axle of the spring; b – the chord; b₁ – the spring; b₂ – the pin; c – end knobs of the axle; d – the bow; e – the foot; f – the catchplate;
 - 6.2 – 4. a – iron axle of the spring; b – the chord; d – the pin; e – the end knobs of the axle; f – bow; g – foot; h – the catchplate; i – catch of the chord;
 - 7.1. Bracelets with zoomorphic terminals (type I). The examples of ornamental compositions.
 - a, d, h, s – Anduliai, grave No 4 (explored in 1972); b – Anduliai, a stray find (expl. in 1972); c, š – Kretinga I, grave No 3; e, g–h, j, n, p, r – Kretinga I, grave No 4; f – Kretinga I, grave No 38; i, u – Kretinga I, grave No 11; k – Kretinga I, grave No 47; l – Kretinga I, grave No 49; m – Kretinga I, a stray find; t – Kretinga I, grave No 50
 - 7.2. Braselets with zoomorphic terminals (type II). The examples of ornamental compositions
 - a, b – Kretinga I, grave No 4; c – Kretinga I, grave No 47; d – Kretinga I, a stray find; e – Anduliai, grave No 4 (expl. in 1972); f – Kretinga I, grave No 50; g – Kretinga I, grave No 3; h – Anduliai, grave No 2 (expl. in 1972); i – Anduliai, a stray find (expl. in 1972)
 8. Sash-like bracelets. The examples of ornamental compositions
 - a, e, k, – Anduliai, grave No 4 (expl. in 1972); b, d – Kretinga I, grave No 32; c – Kretinga I, grave No 29; f–g – Griežė, grave pit No II; h–j – Brūveri Krotēs, a stray finds
 9. The scheme – from a primary motif to the world outlook

LIST OF ILLUSTRATIONS

- Fig. 1. German cruciform fibulas of the early 5th – the second half of the 6th c.
1 – Andry, Jutland Peninsula, Denmark; 2 – Barton Seagrave, England; 3 – Sleaford, England
(1 – according to Schetelig. H. 1906. Fig. 32; 2–3 – according to Åberg N. 1926. Fig. 77, 85)
- Fig. 2. Relief and zoomorphic motifs of Northern Germans and Curonians. The 5th–8th centuries
1 – Øie, Norway; 2 – Fevang, Norway; 3 – Lazdininkai, grave No 142 (expl. in 1976)
(1–2 – according to Schetelig H. 1906. Fig. 29,48; 3 – the drawings of Virgilijus Truklickas)
- Fig. 3. German (the 5th–6th c.) and Curonian (the 8th–9th c.) zoomorphic motifs
1 – East Shefford Berks, England; 2 – Lazdininkai, grave No 36 (expl. in 1976); 3 – Hange, Norway; 4 – Genčai I, grave No 226; 5 – Genčai I, grave No 227; 6 – Honstrop, Eland Island, Sweden; 7 – Kašučiai, grave No 14
(1 – according to Åberg N. 1926 Fig. 52; 3 – according to Schetelig H. 1906. Fig. 48; 2, 4 – 7 the drawings of Virgilijus Truklickas; 6 – according to Åberg N. 1923. Fig. 234)
- Fig. 4. The cruciform fibula of Northern German and crossbow fibula of Samogitians. The 5th–6th c.
1 – Rosp Steigen, Norway; 2 – Pagrybis (Šilalė district) VDKM 709:26
(1 – according to Schetelig H. 1906. Fig. 47; 2 – according to Vaitkunskienė L. 1991. Pav. 3)

Fig. 5. The cruciform German fibulas and crossbow zoomorphic Curonian fibulas. The 5th–8th c.
 1 – Lazdininkai, grave No 22 (expl. in 1976); 2 – East Shefford, Berks, England; 3 – Honstrop, Eland Island, Sweden
 (1 – the drawings of Virgilijus Truklickas; 2 – according to Åberg N. 1926. Fig. 52; 3 – Åberg N. 1923. Fig. 234)

Fig. 6. The pins with a triangular head for fixing of head – dresses
 1 – Palanga, grave No 357; 2 – Palanga, grave No 151 (the reconstruction drawing)
 (1 – according to Žulkus V. 1998. P. 124, pav. 16; 2 – the reconstruction drawing of Virgilijus Truklickas)

Fig. 7. The pins with a head of extended rhombus shape
 1 – Laiviai, grave No 15; 2 – Laiviai, grave No 168; 3 – Laiviai, grave No 12
 (1–2 – the drawings of the Audronė Ruzienė; 3 – according to LLM. 1958. Pav. 469)

Fig. 8. The pins with a wheel – shaped head
 1 – Genčiai I, grave No 130; 2–3 – Gintališkė, grave No 14 and a stray find; 4 – Lazdininkai (expl. in 1976), grave No 18; 5 – Laiviai, grave No 155.
 (1 – the drawings of Erika Girčienė; 2–3 – according to Vaitkunskienė L. 1979. Pav. 23:2–3; 4 – the drawings of Audronė Linauskaitė, 5 – according to LLM. 1958. Pav. 467)

Fig. 9. Pins with a flat openwork head and cut out nail – shaped head
 1 – Laiviai, a stray find; 2 – Genčiai I, grave No 60; 3 – Genčiai I, grave No 76; 4 – Genčiai I, grave No 93
 (1 – according to LLM. 1958. Pav. 468; 2–4 – the drawings of Erika Girčienė)

Fig. 10. The pin for fixing of a head – dress from Laiviai cemetery, grave No 6
 (according to Kulikauskas Pr., Kulikauskienė R. 1949–1951 š. LII. F. 1. No 8)

Fig. 11. The crossbow fibula decorated with, ringlets from Kašučiai cemetery, grave No 13.
 (photo by Antanas Lukšėnas)

Fig. 12. The crossbow fibula decorated with ringlets from Tūbausiai cemetery. KrM. Inv. No. 113
 (the drawing of Virgilijus Truklickas)

Fig. 13. The crossbow fibula decorated with ringlets from Genčiai I cemetery, grave No 221
 (the Drawing of Erika Girčienė)

Fig. 14. The crossbow fibulas decorated with ringlets
 1 – Lazdininkai, grave No 26 (expl. in 1976); 2 – Kiauleikiai, LNM AR 4:179; 3 – Genčiai I, grave No 195; 4 – Laiviai, LNM AR 2:2255
 (1 – the drawings of Audronė Linauskaitė; 2 – according to Vaitkunskienė L. 1981. Pav. 5:3; 3 – the drawings of Erika Girčienė; 4 – the drawings of Audronė Ruzienė)

Fig. 15. The crossbow fibula decorated with ringlets from Kašučiai cemetery
 (the drawing of Virgilijus Truklickas)

Fig. 16. A headband, Plungė district, circumstances of find unknown
 (according to LAB. 1961. Pav. 326)

Fig. 17. The strings of beads and spirals
 1 – Slengiai, grave No 28; 2 – Pryšmančiai I, grave No 7 (expl. in 1984); 3 – Bandužiai, grave No 22
 (1 – according to Žulkus V. 1978 š. LII. F. 1. No 671; 2 – according to Kulikauskienė R. 1984 š. LII. F. 1. No 1163; 3 – the drawing of Bronius Gražys)

Fig. 18. The neck-rings with a loop and hook clasp and knobs on the terminals
 1 – Laiviai, grave No 173; 2 – Palanga, grave No 34; 3 – Pryšmančiai I, grave No 7 (expl. in 1984).

(1,2 – the drawings of Audronė Ruzienė; 3 – according to Kulikauskienė R. 1984 š. LII. F. 1. No. 1163)

Fig. 19. The neck-rings with thickened terminals
 1 – Genčiai I, grave No 76; 2 – Lazdininkai, grave No 28 (expl. in 1976); 3 – Lazdininkai, grave No 187 (expl. in 1976)
 (1 – the drawings of Erika Girčienė; 2–3 – the drawings of Audronė Linauskaitė)

Fig. 20. Plaited neck-rings from Palanga cemetery
 1 – grave 252; 2 – grave No 256
 (the drawings of Audronė Ruzienė)

Fig. 21. The plaited neck-rings from Palanga cemetery
 1 – grave No 178; 2 – grave No 231
 (the drawings of Audronė Ruzienė)

Fig. 22. The crossbow ladder fibulas
 1 – Pryšmančiai I (expl. in 1986) LNM AR 3:626; 2 – Palanga, grave No 71
 (1 – according to Kulikauskienė R. 1986 š. LII. F. 1. 1613; 2 – the drawings of Audronė Ruzienė)

Fig. 23. The crossbow ladder fibulas
 1 – Kašučiai, KrM. Inv. No. 10154 / 99; 2 – Laiviai, grave No 84 (expl. in 1940)
 (the drawings of Virgilijus Truklickas)

Fig. 24. The crossbow ladder fibula from Lazdininkai cemetery
 (photo by Modestas Ežerskas)

Fig. 25. The crossbow ladder fibula from Lazdininkai cemetery, grave No 54
 (the drawing of Virgilijus Truklickas)

Fig. 26. The ladder fibulas
 1 – Pryšmančiai I, grave No 5 (expl. in 1984); 2 – Anduliai, grave No 1 (expl. in 1972); 3 – Palanga, grave No 59; 4 – Palanga, grave No 37.
 (1 – according to Kulikauskienė R. 1984 š. LII. F. 1. No 1163; 2 – the drawing of Ignas Jablonskis; 3–4 – the drawings of Audronė Ruzienė)

Fig. 27. The crossbow fibula from Slengiai cemetery
 (according to Žulkus V. 1978 š. LII. F. 1. No 671)

Fig. 28. The ladder fibula from Užpelkiai cemetery, grave No 39
 (the drawing of Virgilijus Truklickas)

Fig. 29. The crossbow zoomorphic fibula from Kašučiai cemetery, grave No 14
 (the drawing Virgilijus Truklickas)

Fig. 30. The crossbow zoomorphic fibula from Genčiai I cemetery, grave No 226
 (photo by Modestas Ežerskas)

Fig. 31. The crossbow zoomorphic fibula from Genčiai I cemetery, grave No 262
 (according to Stankus J. 1996. Pav. 13)

Fig. 32. The crossbow zoomorphic fibula from Lazdininkai cemetery, grave No 36
 (expl. in 1976)
 (the drawing Virgilijus Truklickas)

Fig. 33. The crossbow zoomorphic fibula from Lazdininkai cemetery, grave No 27
 (expl. in 1976)
 (the drawing of Virgilijus Truklickas)

Fig. 34. The crossbow zoomorphic fibulas from Kašučiai cemetery, grave No 25
 (the drawings of Virgilijus Truklickas)

Fig. 35. Crossbow zoomorphic fibulas from Lazdininkai cemetery
 1 – grave No 27; 2 – grave 192, (both expl. in 1976)
 (the drawings of Virgilijus Truklickas)

Fig. 36. The crossbow zoomorphic fibula from Genčiai I cemetery, grave No 227
 (photo by Modestas Ežerskas)

- Fig. 37. The crossbow zoomorphic fibula from Daukšaičiai (Klaipėda district) cemetery, LDM Ap 32 110
(photo by Antanas Lukšėnas)
- Fig. 38. The crossbow fibula with poppyseed-shaped terminals from Kašučiai cemetery
(the drawing of Virgilijus Truklickas)
- Fig. 39. The crossbow fibulas with poppyseed-shaped terminals from Lazdininkai cemetery (expl. in 1976), grave No 17
(photo by Antanas Lukšėnas)
- Fig. 40. The crossbow fibulas with poppyseed-shaped terminals from Palanga cemetery
1 – LNM AR 396:3070; 2 – grave No 107; 3 – LNM AR 396:3071
(the drawings of Audronė Ruzienė)
- Fig. 41. The crossbow fibulas with poppyseed-shaped terminals from Palanga cemetery
1 – grave No 38; 2 – grave No 115
(the drawings of Audronė Ruzienė)
- Fig. 42. The owl-shaped fibula from Kašučiai cemetery, KrM. Inv. No 10154/121
(photo by Antanas Lukšėnas)
- Fig. 43. The owl-shaped fibula from Anduliai cemetery, a stray find
(according to LAB. 1961. Pav. 240:1)
- Fig. 44. The round flat fibulas
1 – Palanga, grave No 87; 2 – Laistai (expl. in 1984), LNM AR 646:39; 3 – Anduliai, a stray find; 4 – Pryšmančiai I, grave No 39 (expl. in 1985)
(1 – the drawings of Audronė Ruzienė; 2 – according to Varnas. 1984 š. LII. F. 1. No 1136; 3 – according to Gaerte W. 1929. Abb. 254:g; 4 – according to Šimėnas V. 1985 š. LII. F. 1. No 1233).
- Fig. 45. The round flat fibulas
1 – Anduliai, a stray find; 2 – Laiviai, grave No 10; 3 – Palanga, grave No 333; 4 – Vilkėnai village (Šilutė district), KrM. Inv. No 111
(1 – according to Gaerte W. 1929. Abb. 254:c; 2–3 – the drawings of Audronė Ruzienė; 4 – the drawing of Virgilijus Truklickas)
- Fig. 46. The round flat fibula from Lazdininkai cemetery, KrM. Inv. No. 2
(the drawing of Virgilijus Truklickas)
- Fig. 47. The round flat fibula from Griežė cemetery, LNM AR 185:1413
(the drawing of Audronė Ruzienė)
- Fig. 48. The round flat fibula from Genčiai I cemetery, grave No 172
(photo by Modestas Ežerskas)
- Fig. 49. The “S” – and the “8” – shaped flat fibulas
1 – Palanga, grave No 150; 2 – Aukštkiemiai, a stray find; 3 – Palanga, grave No 152
(1, 3 – the drawings of Audronė Ruzienė; 2 – according to Gaerte W. 1929. Abb. 254:a)
- Fig. 50. The quadrangular flat openwork fibulas
1 – Palanga, grave No 352; 2 – Palanga, grave No 111; 3 – Anduliai, grave No 1
(expl. in 1972); 4 – Palanga, grave No 57
(1–2, 4 – drawings of Audronė Ruzienė; 3 – the drawing of Ignas Jablonskis)
- Fig. 51. The quadrangular flat openwork fibula from Laiviai cemetery, LNM AR 2:2224
(the drawing of Audronė Ruzienė)
- Fig. 52. The flat fibulas
1 – Palanga, grave No 23; 2 – Vėžaičiai, a stray find; 3 – Genčiai I, grave No 172
(1 – the drawing of Audronė Ruzienė; 2 – according to Gaerte W. 1929. Abb. 255: c; 3 – the drawing of Erika Girčienė)

- Fig. 53. The cruciform flat fibulas from Griežė cemetery, the grave pit No II
1 – LNM AR 185: 526; 2 – LNM AR 185:214
(the drawings of Irena Dumšaitė)
- Fig. 54. The flat fibula from Aukštkiemiai cemetery, a stray find
(according to Gaerte W. 1929. Abb. 225:a)
- Fig. 55. The flat fibula from Aukštkiemiai cemetery, a stray find
(according to Gaerte W. 1929. Abb. 255: b)
- Fig. 56. The penannular fibulas with cylindrical terminals
1 – Griežė, grave No 19; 2 – Griežė, grave No 9; 3 – Palanga, LNM AR 396:2672;
4 – Palanga, LNM AR 396:2787; 5 – Griežė, grave No 44; 6 – Griežė, LNM AR 185:544
(the drawings of Audronė Ruzienė)
- Fig. 57. The penannular fibulas with cylindrical terminals
1 – Palanga, grave No 118; 2 – Laiviai, grave No 174; 3 – Griežė LNM AR 185:1241;
4 – Kretinga I, grave No 48
(1–3 – the drawings of Audronė Ruzienė; 4 – the drawing of Ignas Jablonskis)
- Fig. 58. The penannular fibulas with faceted and quadrangular terminals
1 – Anduliai, KrM. L. No 9; 2 – Laiviai, LNM AR 2:2226; 3 – Palanga, grave No 88;
4 – Palanga, grave No 141; 5 – Palanga, grave No 98; 6 – Palanga, grave No 118
(1 – the drawing of Ignas Jablonskis; 2–6 – the drawings of Audronė Ruzienė)
- Fig. 59. The penannular fibulas with quadrangular terminals
1 – Laiviai, KrM. Inv. No. 5166; 2 – Asken, Gotland, SHM c 10183:16
(the drawings of Virgilijus Truklickas)
- Fig. 60. The penannular fibulas with faceted and quadrangular terminals
1 – Kretinga I, grave No 28; 2 – Griežė, LNM AR 185:98; 3 – Griežė, LNM AR 185:313
(1 – the drawing of Ignas Jablonskis; 2–3 – the drawings of Irena Dumšaitė)
- Fig. 61. The penannular fibulas with star-shaped and poppyseed-shaped terminals from Kretinga I cemetery
1 – grave No 8; 2 – grave No 11; 3 – grave No 47
(the drawings of Ignas Jablonskis)
- Fig. 62. The penannular fibulas with poppyseed-shaped terminals
1 – Gintališkė, grave No 27; 2 – Gintališkė, grave No 2; 3 – Gothem, Gotland SHM 16703
(1–2 – according to Vaikunskienė L., 1979. Pav. 20: 2–3; 3 – the drawing of Audronė Bliujienė)
- Fig. 63. The penannular fibulas with zoomorphic terminals from Griežė cemetery
1 – the grave pit No II, LNM AR 185: 295; 2 – the grave pit No II, LNM AR 185: 276;
3 – the grave pit No V, LNM AR 185: 593; 4 – the grave pit No IX, LNM AR 185: 1027
(the drawings of Irena Dumšaitė)
- Fig. 64. The penannular fibulas with zoomorphic terminals
1 – Stragnai cemetery (Klaipėda district), LNM AR 38:1260; 2 – Gintališkė, ŽAM. Inv. No. 22202
(photo by Antanas Lukšėnas)
- Fig. 65. The penannular fibulas with zoomorphic terminals from Othem, cemetery Gotland, SHM 10218.
- Fig. 66. The penannular fibulas with zoomorphic terminals from Kretinga I cemetery
1 – grave No 29; 2 – a stray find
(the drawings of Ignas Jablonskis)
- Fig. 67. The penannular fibulas with flaring thickened terminals from Griežė cemetery

1 – LNM AR 185:844; 2 – the grave pit No VI, LNM AR 185:667; 3 – the grave pit No III, LNM AR 185:545; 4 – the symbolic grave, LNM AR 185:1333
(the drawings of Audronė Ruzienė)
Fig. 68. The pin with a triangular head from Lazdininkai cemetery, grave No 28.
(the drawing of Audronė Linauskaitė)
Fig. 69. The pins with a triangular head
1 – Palanga, grave No 140; 2 – Laiviai, LNM AR 2:6
(the drawings of Audronė Ruzienė)
Fig. 70. The pin with a triangular head from Palanga cemetery, grave No 28
(photo by Antanas Lukšėnas)
Fig. 71. The pins with a triangular head from Palanga cemetery
1 – grave No 332; 2 – grave No 327
(the drawings of Audronė Ruzienė)
Fig. 72. The pin with a triangular relief head from Lazdininkai cemetery, grave No 5
(expl. in 1976).
(the drawing of Virgilijus Truklickas)
Fig. 73. The pin with a triangular relief head from Negarba
(the drawing of Virgilijus Truklickas)
Fig. 74. The pins with a triangular relief head from Palanga cemetery
1 – grave No 48; 2 – LNM AR 396:3073; 3 – grave No 95
(the drawings of Audronė Ruzienė)
Fig. 75. The pin with a triangular relief head from Palanga cemetery, grave No 357
(photo by Antanas Lukšėnas)
Fig. 76. The cruciform pins with hemispherical knobs from Lazdininkai cemetery
(expl. in 1976)
1 – grave No 187; 2 – grave No 26
(the drawings of Audronė Linauskaitė)
Fig. 77. The silver-plated pendant from Lazdininkai cemetery, grave 187 (expl.
in 1976).
(photo by Modestas Ežerskas)
Fig. 78. The pin with a cruciform head from Lazdininkai cemetery, grave No 56
(expl. in 1976)
(the drawing of Audronė Linauskaitė)
Fig. 79. The cruciform pins
1 – Palanga, grave 357; 2 – Lazdininkai, grave No 5 (expl. in 1976).
(1 – according to Žulkus V. 1988. P. 124, Pav. 16; 2 – the drawing of Virgilijus Truklickas)
Fig. 80. The cruciform pin from Palanga cemetery, grave No 311
(the drawings of Audronė Ruzienė)
Fig. 81. The cruciform pins
1 – Palanga, grave No 304; 2 – Genčiai I, grave No 233
(1 – the drawing of Audronė Ruzienė; 2 – the drawing of Erika Girčienė)
Fig. 82. The cruciform pin from Kašučiai cemetery, grave No 13
(the drawing of Virgilijus Truklickas)
Fig. 83. The cruciform pin from Genčiai I cemetery, grave No 69
(the drawing of Erika Girčienė)
Fig. 84. The cruciform pins from Palanga cemetery
1 – grave No 142; 2 – grave No 123
(the drawings of Audronė Ruzienė)
Fig. 85. The cruciform pins
1 – Pryšmančiai I, grave No 9 (expl. in 1984); 2 – Lazdininkai, grave No 115 (expl.
in 1976)

(1 – the drawing of Rasa Gurskaitė; 2 – the drawing of Audronė Linauskaitė)
Fig. 86. The cruciform pin from Pryšmančiai I, grave No 7 cemetery (expl. in 1984)
(the drawing of Rasa Gurskaitė)
Fig. 87. The pin with a round head from Slengiai cemetery, grave No 28
(according to Žulkus V. 1978 š. LII.F. 1. No. 671)
Fig. 88. The pins with a round head from Lazdininkai cemetery, grave No 136
(expl. in 1976).
(the drawings of Audronė Linauskaitė)
Fig. 89. Hollow bracelets with flaring terminals
1 – Genčiai I, grave No 233; 2 – Lazdininkai, grave No 28; 3 – Lazdininkai, grave
No 23 (2 and 3 explored in 1976)
(1 – the drawings of Erika Girčienė; 2–3 – the drawing of Audronė Linauskaitė)
Fig. 90. The hollow bracelets with flaring terminals
1 – Pagudonė (Telšiai district), ŽAM A 2165; 2 – Laiviai, LNM AR 2:1
(2 – drawings of Audronė Ruzienė)
Fig. 91. The spiral bracelets
1 – Laiviai, grave No 224; 2 – Palanga, grave No 96
(the drawings of Audronė Ruzienė)
Fig. 92. The spiral bracelets
1 – Anduliai, grave No 1 (expl. in 1972); 2 – Palanga, grave No 12; 3 – Laiviai, grave
No 226
(1 – the drawing of Ignas Jablonskis; 2–3 – the drawings of Audronė Ruzienė)
Fig. 93. The spiral bracelets from Godeliai cemetery, grave No 1
(according to Valatkienė L. 1986 š. LII. F. 1. No. 1711)
Fig. 94. The massive bracelets from Palanga cemetery
1 – grave No 311; 2 – grave No 310; 3 – grave No 159; 4–5 – grave No 30; 6 – grave
No 123; 7 – grave No 141; 8 – LNM AR 396: 3063; 9 – grave No 31; 10–12 – grave No 20
(the drawings of Audronė Ruzienė)
Fig. 95. The massive bracelet from Palanga cemetery, grave No 357
(photo by Antanas Lukšėnas)
Fig. 96. The massive bracelet from Genčiai I cemetery, KrM. Inv. No. 2810
(the drawing of Virgilijus Truklickas)
Fig. 97. The bracelets with zoomorphic terminals from Lazdininkai cemetery
1 – grave No 48D (expl. in 1998); 2–4 – grave No 107; 5 – grave No 179
(2–5 were explored in 1976)
(the drawings of Virgilijus Truklickas)
Fig. 98. The bracelets with zoomorphic terminals from Lazdininkai cemetery
1 – grave No 72; 2, 4 – grave No 146; 3 – grave No 107; 5 – grave No 48D (expl.
in 1998)
(1–4 – expl. in 1976)
(the drawings of Virgilijus Truklickas)
Fig. 99. The bracelets with zoomorphic terminals from Lazdininkai cemetery
1 – grave No 68; 2, 5 – grave No 177; 3, 8 – grave No 146; 4 – grave No 47; 6 – grave
No 89; 7 – grave No 49
(1–8 – expl. in 1976)
(the drawings of Virgilijus Truklickas)
Fig. 100. The bracelets with narrowing terminals and knobs on the terminals
1 – Palanga, grave No 119; 2–3 – Kašučiai, grave No 30
(1 – the drawing of Audronė Ruzienė; 2–3 – the drawings of Ignas Jablonskis)
Fig. 101. Spiral rings and rings with a flaring frontal part

1 – Laiviai, grave No 178; 2 – Palanga, grave No 116; 3, 5 – Laiviai, grave No 181; 4 – Palanga, grave No 112; 6 – Palanga, LNM AR 396:3026; 7 – Laiviai, grave No 43; 8 – Palanga, grave No 41; 9 – Laiviai, grave No 96; 10 – Laiviai, grave No 17; 11 – Palanga, LNM AR 396:2616; 12 – Kretinga I, grave No 24

(1–11 – the drawings of Audronė Ruzienė; 12 – the drawing of Ignas Jablonskis)

Fig. 102. The rings with a flaring frontal part

1, 3 – Kretinga I, grave No 24; 2 – Slengiai, a stray find

(1, 3 – the drawings of Ignas Jablonskis; 2 – according to Žulkus V. 1978 š. LII. F. 1. No. 1978)

Fig. 103. The rings with a flaring frontal part from Griezė cemetery grave pit No II 1 – LNM AR 185:251; 2 – LNM AR 185:495; 3 – LNM AR 185:496; 4 – LNM AR 185:280

(the drawings of Irena Dumšaitė)

Fig. 104. The round pendant from Lazdininkai cemetery, grave No 56

(the photos 104–107 by Antanas Lukšėnas)

Fig. 105. The round pendant from Palanga cemetery, grave No 34a

Fig. 106. The round pendant from Lazdininkai cemetery, grave No 56 (expl. in 1976) (a detail)

Fig. 107. The round pendant from Lazdininkai cemetery, grave No 174 (expl. in 1976) (a detail)

Fig. 108. The amber spindle from Lazdininkai cemetery (expl. in 1976), KrM. Inv. No. 10581/86

(photo by Antanas Lukšėnas)

Fig. 109. The round openwork fibula from Lazdininkai cemetery, grave No 2 (expl. in 1991)

(the drawing of Paulius Gasiūnas)

Fig. 110. The openwork pendant from Stragnai cemetery

(according to LLM. 1958. Pav. 142)

Fig. 111. The round openwork fibula from Pryšmančiai II cemetery, KrM. Inv. No. 2239

(photo by Antanas Lukšėnas)

Fig. 112. The Saint Johann Church. The detail of the Saint Victor altar in the Saint Anna Chapel.

(photo by Mečislovas Sakalauskas)

ОРНАМЕНТИКА КУРШСКИХ УКРАШЕНИЙ В ЭПОХУ ВИКИНГОВ

Аудроне БЛЮЕНЕ

РЕЗЮМЕ

Настоящая работа посвящена систематике орнаментики, а также возможности типологизации украшений на основе орнамента. Обсуждены плетеные узоры куршей, опираясь на геометрические мотивы и влияние европейских культур. Также предпринята попытка показать источники происхождения и стадии формирования зооморфных и растительных мотивов у балтов. Куршская орнаментика, насколько это возможно, проанализирована в более широком контексте эпохи викингов.

1. КУРШИ В VIII–IX–XII В. В.

В VIII–IX в. в. курши жили в северо-западной части Литвы и в юго-западной части Курша (карта 1). Северная граница региона их проживания доходила до реки Тебры, границ бассейна которой они не нарушили и в X веке. В Латвии куршские памятники VIII–IX/X в. в. сконцентрированы в окрестностях озера Папе и Груобини. Продвижение куршей на север началось только в самом конце 1-го тысячелетия и продолжалось и в X–XII в. в. К северу от реки Абавы и к северо-востоку от реки Венты курши поселились только в XI веке. На востоке могилы куршей известны у реки Венты и Вардувы. Далее к югу их памятники достигают окрестностей озера Платялай. На юге курши жили в верхнем и среднем течении реки Минии до речек Смелтале и Жарде, ниже Клайпеды. Куршские памятники VIII/IX–XII в. в. охватывают земли Пилсотаса, Мегувы, Кеклиса, Дувзаре, Пиёмаре, Бандувы, Виндувы, Вредекурони, а также земли между Скрундой и Земгале и Куршскую косу. Предполагается, что в VI–VIII в. в. земли окрестностей Клайпеды были центром формирования куршской культуры. В X–XI в. в. центром куршской культуры становится северо-западная часть Литвы. Из разнообразия и орнаментики украшений можно сделать заключение, что центром куршской культуры были земли Пилсотаса и Мегувы. Прочие куршские земли были культурной периферией. При быстром продвижении куршей в северном направлении их культура становилась более однообразной. Это особенно ярко наблюдается в орнаментике украшений X–XII в. в.

Курши – одно из наиболее известных племен балтов, довольно рано попавшее в письменные источники. Однако письменные источники упоминают о куршах в контексте вооруженных конфликтов, разбойничества на Балтийском море, а также при попытках немецкого Ордена навязать христианство в Восточной Прибалтике.

Расцвет куршской культуры приходится на XI век. В середине XI века курши создали раннее государство типа конфедерации (или стояли на пороге его создания). Однако их шаги на пути к государственности были приостановлены упадком культуры и хозяйства, начавшимся в

XII веке. Одним из его признаков был упадок ранних торговых центров на западном балтийском побережье, которые обрели черты ранних городов (Паланга, Жарде). А это означало и упадок художественных ремесел и орнаментики, что отражается и в украшениях того периода. Все упомянутые явления совпадают с концом эпохи викингов. Появившиеся немецкие города вытеснили из региона Балтийского моря викингов, а заодно и куршей.

II. ИСТОРИОГРАФИЯ

Исследование орнаментики в Литве началось в начале XX века, когда Вандалин Шукевич (Szukiewicz W. 1903), Йонас Басанавичюс (Basanavičius J. 1912), Паулюс Галауне (Galaunė P. 1930), Игнас Шлапелис (Šlapelis I. 1930) констатировали, что геометрические мотивы, обнаруживаемые в литовском этнографическом материале, являются общими с существующими у других европейских народов. Они утверждали, что большинство мотивов орнаментики, найденных в бронзовых украшениях, перешли в украшения часовен, придорожных крестов, крестов, стоящих в усадьбах и на кладбищах, и во всем этнографическом материале. Было установлено, что балтийские орнаменты являются абстрактными – геометрическими. Также были определены основные геометрические мотивы: елочка, пилообразная форма, дуга, спираль или веревочка, клетка, крест, свастика, полукруг, сегментная звезда. Однако вышеупомянутые авторы не обратили внимания на то, что выделенные ими мотивы относятся к разным периодам, да и сложность их орнаментальной структуры неодинакова.

В период между двумя мировыми войнами в Литве орнаменту куршских украшений довольно досконально изучал Владас Нагявичюс (Nagevičius V. 1935). Он охарактеризовал куршские орнаменты, взяв за основу украшения, найденные в Пришманчяй, как геометрические с высокой степенью абстрагирования. В. Нагявичюс первым из археологов Литвы произвел сравнение украшений, найденных на острове Готланд, с куршскими украшениями. Следует отметить также работу Йонаса Пузинаса, в которой произведено сравнение орнаментов древнего и позднего железного века (Puzinas J. 1938). В период между двумя мировыми войнами это было наиболее серьезным определением орнаментики и сравнением орнаментов разных периодов в Литве.

В то же время в Латвии в период между двумя мировыми войнами изучению орнаментики уделялось намного больше внимания. Одной из предпосылок изучения орнаментики в Латвии в 3–4-м десятилетиях XX века было развитие движения диевтуров – поклонников языческой латышской религии. Главным идеологом этого движения был художник и этнограф Эрнест Брастиньш (Brastinš E. 1923). Диевтуры искали в латышском фольклоре графические соответствия божеств, которым они поклонялись. Однако, порою их исследования не были полностью основаны на этнографическом или археологическом материале, особенно при присвоении некоторым знакам мифологизированных наименований.

Нельзя обойти молчанием и работы немецких археологов, исследовавших памятники западной Литвы и Пруссии с середины XIX века до II мировой войны. Вильгельм Герте (Gaerte W. 1929) был одним из

первых археологов, предпринявших попытку охарактеризовать стиль украшений Клайпедского края. В. Герте подчеркивает, что в VIII–IX в.в. западные балты любили многочисленные массивные бронзовые украшения с вставками из голубого стекла, покрытые серебряными пластинками. Иоахим Гоффманн в своих работах о памятниках Клайпедского края упоминает об орнаментике украшений и других изделий и о происхождении некоторых мотивов. По его мнению, знак свастики по происхождению является скандинавским (Hoffmann J. 1941).

В Литве в 1940–1996 г. г. специальных работ, посвященных орнаментике железного века, немного. Орнаментика обсуждается при выделении геометрических, зооморфных, растительных мотивов, а также подчеркивается, что в балтской орнаментике растительные мотивы редки, а антропоморфические – не характерны для нее. Авторы, занимающиеся исследованием балтской орнаментики, при решении проблем мировоззрения берут за основу материалы о раннем каменном веке, а также более поздний этнографический материал. Подобным образом действуют и специалисты этнологии. При отсутствии попыток рассматривать орнаменту как общеевропейское явление различных периодов исследования в данной области становятся весьма замкнутыми – ограниченными в пространстве и во времени.

Поэтому в данном периоде выделяются исследования Марии Алсейкайте-Гимбутене, с которыми сталкиваются все интересующиеся древней историей Литвы и Европы. Ее работы выходят за рамки традиционной археологии. Ее работы – это не только история материальной культуры обычаев племен, но и история Богов и Богинь – это история мировоззрения.

При исследовании орнаментики украшений VIII–XI в. в. М. Гимбутене подчеркивает, что интенсивная торговля со славянами и германцами не оказала влияния на геометрический орнамент, создаваемый местными ювелирами, а в VIII–XI в. в. орнамент усложняется, компоновка тех же мотивов становится более разнообразной (Gimbutienė M. 1985). В балтском искусстве позднего железного века появляются мифологические элементы: месяц, солнце, стилизованные головы и глаза змей и сами змеи, конские головы, а также совы, утки и другие птицы, олени и подобные мотивы. В VIII веке курши, в результате связей со скандинавами, начали изготавливать и носить украшения с зооморфными мотивами. Однако зооморфные мотивы были ими усовершенствованы до своеобразного, присущего только балтам стиля (Gimbutas M. 1963).

Среди пишущих об орнаментике в Литве выделяются работы Лаймы Вайткунскене, в которых исследовательница обращает внимание на наиболее характерный орнамент украшений: кружочки, углубления, маленькие треугольники, зигзаги, елочки, сеточки и т. д. (Vaitkunskienė L. 1978 a–k), обсуждает не только геометрические, но и растительные и зооморфные мотивы украшений (Nakaitė L. 1964; Vaitkunskienė L. 1981). Л. Вайткунскене рассматривает орнаменту украшений только как большие орнаментные структуры, не пытаясь искать первичные, основополагающие мотивы, характеризующие орнаменту и определяющие направления её развития. Л. Вайткунскене, опираясь на археологические данные, этнографический материал, мифологические и исторические источники Литвы и других стран, рассматривает орнаменту сквозь призму мировоззрения. Она определяет орнамент как средство познания образов

мировоззрения и передачи их будущим поколениям. Исследовательница анализирует культ коня, образы лося, водоплавающей птицы, змеи, упоминает композиции, основанные на структурах модели Мира, Древа Жизни из трёх и четырёх частей (Vaitkunskienė L. 1985; 1986; 1987; 1988; 1995; Nakaitė L. 1991).

Более новый взгляд на ювелирику балтских племён, в том числе и куршей, и на их орнаментику, выявился в 1987–1992 г.г. В 1987 г. при исследовании нескольких бронзовых украшений из I-ого могильника Пришманчяй выяснилось, что не все пластинки из белого металла, покрывающие украшения, были, как предполагалось ранее, серебряными (Kulikauskienė R., Matulionis E. 1987). Оказалось, что олово может применяться как заменитель серебра и как средство для пайки (Bliučienė A., Petrauskienė J. 1992). На основе спектрального анализа было начато разностороннее исследование технологии производства украшений, их мелкого декора и орнаментики (Jankauskas K. 1990, 1992).

В литовской археологической литературе много дискуссий возникло по поводу орнаментики серебряных украшений и оковок рогов для питья V–VI в.в., а также особенности зооморфного стиля этих изделий, технологии их производства (Vaškevičiūtė I. 1978; Kazakevičius V. 1981; Vaitkunskienė L. 1985; Šimėnas V. 1987; 1994; Tautavičius A. 1981; 1996). При обсуждении вопроса происхождения зооморфного стиля на балтских землях исследователи придерживаются нескольких точек зрения. Одни исследователи придерживаются мнения, что зооморфные мотивы украшений середины I тысячелетия являются общеевропейским явлением. В края балтов, на острова Балтийского моря, в Скандинавию этот стиль пришёл вместе с историческими событиями в Центральной Европе середины I тысячелетия. При слиянии принесённых и местных традиций сформировался зооморфный стиль украшения, присущий лишь балтам (Šimėnas V. 1994). Сторонники другой точки зрения объясняют появление зооморфного стиля в металлопластике балтских племён внутренними причинами (Nakaitė L. 1991), хотя не отрицается и вероятность того, что зооморфный стиль является общеевропейским явлением середины I тысячелетия после рождения Христа (Nakaitė L. 1991).

Обобщая сказанное, можно заключить, что исследователи выделяют всего лишь две возможности появления зооморфного стиля в археологическом материале в краях балтов: это – импортированные изделия (Kuncienė O. 1972; 1981) или подражание местных ремесленников ввезённым образцам (Vaitkunskienė L. 1983; Мугуревич С.Э. 1965). Чаще всего даже не предпринимались попытки углубиться в ситуацию культуры Восточной Прибалтики или разглядеть трансформацию художественных стилей ранних времён и эпохи викингов в орнаментике украшений балтов.

Наиболее важные работы последних лет, посвящённые куршской культуре I–II тысячелетий после рождения Христа и всестороннему сравнению этой культуры с культурой жемайтов, сембов-натангов, мазуров, жителей островов Готланда и Эланда, принадлежат Владасу Жулкусу (Žulkus V. 1989, 1991, 1992, 1993, 1995, 1996, 1997; Žulkus V., Urbanavičius V. 1995). В. Жулкус при рассмотрении разных аспектов куршской культуры обращает внимание и на технологию производства украшений, ремесленные центры, уровень ювелирики и орнаментику. По мнению автора, браслеты с зооморфными концами, зооморфные арбалетовидные

фибулы и подковообразные фибулы со звёздообразными головками по происхождению являются куршскими (Žulkus V. 1991, 1992).

В исследованиях орнаментики балтов значительными являются работы Гунтиса Земитиса (Zemītis G., Rozenberga V. 1991; Zemītis G. 1994, 1995), Ингриды Озере (Озере И. 1986, 1987), Байбы Васки (Vaska B. 1994 a–b). Орнаментика зооморфных браслетов куршей Латвии X–XIII в.в. исследовала Байба Васка (Vaska B. 1994 a). Автор при обсуждении орнаментов этих браслетов зооморфные мотивы связывает с влиянием культур Готланда и Скандинавии, а геометрический мотив орнамента – двойной или тройной треугольник – интерпретирует как Небесный знак, модель мира (Vaska B. 1994 a). Б. Васка считает, что крест внутри этого мотива может быть не только символом космического порядка мира, но и означать влияние христианства (Vaska B. 1994 a).

Необычайно большой вклад в исследование орнаментики Европы был внесён в 1904 году Бернардом Салиным. Исследователь занимался изучением германских фибул IV–IX в.в. Основная заслуга Б. Салина заключается в том, что он разделил скандинавские и европейские материалы вендельского периода на стили и назвал их I–III стилями (Salin B. 1904). Это одна из самых значительных работ в области орнаментики по сей день. Все, кто занимались орнаментикой германских племён позднее, когда появилось больше материалов и была уточнена хронология, лишь усовершенствовали определённые Б. Салиным стили (Arwidsson G. 1942 a–b; Ørsnes M. 1969).

Среди исследовавших орнаментику европейских народов в один ряд с Б. Салиным встаёт английский исследователь Аллан Ромилли, который ещё в 1904 году при исследовании кельтской орнаментики обратил внимание и на геометрические мотивы (Romilly A. J. 1997, первое издание 1904 г.). Он представил определения основных геометрических мотивов кельтской культуры бронзового века (рубчик разных направлений, зигзаг, концентрические окружности, спираль, простое переплетение). А. Ромилли разобрал зигзаг до прямой – первичного мотива. Важно и то, что исследователь ввёл понятие направления при внесении первичного мотива – прямой – в орнаментальные мотивы формы W, X или ромба, а также понятие повтора при включении мотивов форм W, X в мотив формы ромба, а последнего – в композиции орнамента: зигзагообразную линию, переплетение ромбов (Romilly A.J. 1997). Однако наивысшая заслуга А. Ромилли заключается в том, что он установил способы соединения кельтских узоров с переплетениями – от простейших двойных переплетений до сложных плетёных узоров, сплетённых из 8 полосок. Важно и то, что он заметил значение интервалов (непереплетённых мест) в переплетениях (Romilly A.J. 1997). Это дало возможность А. Ромилли обосновать происхождение узлов и петель в плетёных узорах (Romilly A. J. 1997). При описании геометрических и плетёных орнаментов автор брал за основу кельтские материалы, однако его выводы являются универсальными, поэтому могут применяться при исследовании орнаментики разных периодов и культур.

Работами в области орнаментики прославилась целая плеяда известных скандинавских археологов, как, например, вышеупомянутый Бернард Салин (Salin B. 1904), Грета Арвидссон (Arwidsson G. 1942), Нильс Оберг (Åberg N. 1919, 1923, 1926, 1931, 1943, 1945, 1947, 1956), Биргер Нерман (Nerman B. 1929, 1935, 1958, 1969), Мортенс Стенбергер (Stenberger M.

1947, 1958), Вильгельм Холмквист (Holmqvist W. 1939, 1955), Ян Петерсен (Petersen J. 1928), Хэкон Шетелиг (Schetelig H. 1906, Shetelig H. 1948, 1949), Могенс Орнес (Ørnsnes M. 1969).

При более углублённом рассмотрении орнаментики украшений куршей и балтов происходит естественный переход к символике и семантике орнаментов. Фактически – это попытки разобраться во взаимосвязи отдельных композиций орнаментов как знаков с украшениями и во взаимосвязи последних с мировоззрением. В этом контексте значительными являются работы Томаза Гамкрелидзе и Вячеслава Иванова (Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. 1984 г.), Владимира Топорова (Топоров В.Н. 1991; 1992), а также исследования литовских мифологов Норбертаса Велюса, Альгирдаса Юлюса Греймаса, Марии Гимбутене (Vėlius N. 1985; Greimas A.J. 1983, 1990; Gimbutienė M. 1994, 1995).

III. ХАРАКТЕРИСТИКА КУРШСКОЙ ОРНАМЕНТИКИ

Основой орнамента украшений куршей и других балтов VIII–XII в.в. являются геометрические, в том числе и плетёные мотивы. Начиная со второй половины VII в. – VIII в., куршская орнаментика разнообразится абстрагированными и геометризованными зооморфными мотивами. Эти мотивы более характерны для декора мужских украшений куршей. Растительный орнамент начинает применяться только в конце I – начале II тысячелетия, эти мотивы в орнаментике куршей и других балтов довольно редки. Антропоморфические мотивы не характерны для куршской орнаментики.

Основу орнаментики куршей в эпоху викингов, как и ранее, составляют геометрические мотивы. Поэтому при исследовании орнаментики важно искать мельчайшие неделимые элементы орнамента – первичные мотивы (архетипы), так как это помогает найти основу систематизации орнаментики. Первичные мотивы – это мотивы, которые невозможно разделить на меньшие элементы (точка, прямая линия) или такое разделение меняет их смысл (треугольник, окружность, ромб, X, +, свастика). Первичные мотивы – это и архетипы, в которые включён опыт человечества; в них накоплена и своеобразная энергия вечности. Некоторые первичные мотивы (+, свастика) могут быть охарактеризованы и как знаки. При исследовании взаимосвязи знаков и символов можно считать, что знаки всегда “ниже” идеи, которую они обозначают. А символ всегда выражает больше, чем его очевидное и непосредственное значение. Поэтому + и свастика являются не только первичными мотивами (знаками), но и универсальными, общечеловеческими символами. Первичные мотивы объединяются в орнаментальные мотивы – орнаментальную структуру, более широкую, чем первичный мотив. Выделение орнаментальных мотивов является обязательным, т.к. почти всегда они объединяются в более широкие орнаментальные структуры – композиции орнаментов или узоров. В орнаментальные мотивы чаще всего включаются сами первичные мотивы, которые могут быть двумя разными, иногда только разных направлений и величины, или преобразованными первичными мотивами. Иногда несколько одинаковых орнаментальных мотивов объединяются в орнаментальные композиции. Однако чаще всего в орнаментальные композиции объединяются 2–3 разных орнаментальных мотивов (табл. 2–3). В VIII–IX в. в. геометрический орнамент бронзовых

куршских украшений составлен только из 7 первичных мотивов: точки, прямой линии, окружности, треугольника, X, + и свастики. Только в X в. появляется 8-ой самостоятельный первичный мотив – ромб.

В декоре пластинок из белого металла (ими плакирована большая часть украшений) куршские ювелиры VIII–IX в.в. использовали только 4 первичных мотива (рельефный рубчик, выпуклую точку, прямую линию, X), два сложных и один заимствованный мотив (табл. 3:1–8). Вышеперечисленные 4 первичных мотива пластинок из белого металла были основными и в X–XII в.в. В VIII–IX в.в. в декоре пластинок из белого металла мотив треугольника и двух переплетённых эллипсов не применялся. Эти мотивы появляются только в начале X века, но они редки (табл. 3:5–6).

Количество первичных мотивов, используемых конкретным племенем в конкретном периоде, определяет количество орнаментальных мотивов и орнаментальных композиций, которое, опираясь на математические методы, может быть очень значительным. Однако то или иное племя в конкретном периоде предпочитает только определённые первичные мотивы, на основе которых создаёт более широкие орнаментальные структуры. Число первичных мотивов, по крайней мере в куршской культуре, растёт. Можно также утверждать, что в VIII–IX/X в.в. курши особенно любили орнаментальные композиции, составленные из треугольника и X. Появившийся в X – начале XI в. мотив ромба и несколько ранее – плетёные мотивы значительно изменили куршские орнаменты. Поэтому без исследования первичных мотивов невозможен анализ геометрического орнамента, кроме того, возникает опасность, что могут быть описаны лишь более или менее популярные орнаментальные мотивы и орнаментальные композиции.

Большинство первичных мотивов куршской орнаментальной структуры, за исключением + и свастики, которые являются также и символами, не содержат информации, а являются лишь декоративными элементами. В VIII/IX–XII в.в. даже и свастика, и равносторонний крест в орнаментальных системах передают своё символическое значение орнаментальным мотивам и композициям. Только в немногих украшениях свастика и + сохраняют свой смысл как символов. Орнаментальные композиции только тогда начинают говорить на языке символов, когда они сочетаются с формой и конструкцией украшения, с другими украшениями, и только тогда может выявиться их взаимосвязь с мировоззрением. Только украшения мужчин и женщин, одетых в костюмы, отражающие своеобразие их племени, могут рассматриваться как выражающие мировоззрение своего племени (таблица 9). Однако не каждое декорированное украшение имело особый символический смысл. В большинстве часто носимых простейших, хоть и декорированных, украшений, применяемых для прикалывания одежды, косынок, даже и орнаментальные композиции превратились в декоративные элементы.

При исследовании куршских украшений, декорированных геометрическими мотивами, поражает простота орнаментальных композиций и в то же время их разнообразие и тонкость. С трудом верится, что при использовании всего лишь семи разных первичных мотивов в VIII–IX в.в. и восьми в X–XI в.в. было создано такое множество орнаментальных композиций. Поэтому ювелиры включали в орнаментальное пространство всевозможные факторы: величину и направление орнамента, расстояния

между мотивами, сечения поверхности украшения, а также форму и конструкцию украшения, технику металлообработки и выполнения орнамента. Эти средства одному и тому же мотиву или композиции визуально придавали впечатление другого мотива.

IV. 1. ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ

Точка (табл. 2:1). Вдавленная или рельефная точка редко используется как самостоятельный мотив. Однако точка является идеальным компонентом при создании орнаментальных мотивов и орнаментальных композиций.

В бронзовых украшениях обычно применяется вдавленная точка. Вдавленные и рельефные мотивы чеканились при помощи штампов (табл. 5:1 а–с) или долотцев. Внешний вид точки значительно видоизменяется при изменении величины мотива и направлений расположения орнаментальных мотивов (табл. 2:1 е–f).

Наиболее популярным соединением точки и окружности является так называемый “глазок”. Распространено и сочетание точки и 2–3 концентрических окружностей (табл. 2:с). Часто встречается композиция орнамента с зарубками разных направлений и мелкими точками или “глазками” (табл. 2:с). Иногда из мелких точек или зарубок создаются другие первичные мотивы: X или + (табл. 2:6–с).

Прямая линия (зарубка) (табл. 2:2). Этот первичный мотив в той или иной форме встречается во всех орнаментальных композициях. Прямая линия как первичный мотив является декоративной. Мотив, введённый в орнаментальную композицию, вместе с другими мотивами создаёт семантическое пространство украшения. Прямая линия применяется как миниатюрный рубчик и как сплошной мотив, ограничивающий орнаментальную композицию. Главная особенность этого мотива – возможность значительного изменения внешнего вида композиции при изменении направления и величины мотива (табл. 2:2 е–f). Внешний вид рубчика может быть значительно изменён при наличии сечения украшения (табл. 2:2–d). Рубчик может быть наклонен в одну или другую сторону. Соединённые между собой рубчики, наклонённые вправо или влево, формируют горизонтальную или вертикальную ёлочку. При соединении двух горизонтальных ёлочек разных направлений может быть получена ромбовидная плоскость, а при соединении двух рядов горизонтальных ёлочек разного направления получается впечатление совершенно иной композиции (табл. 2:2–b).

Окружность (круг, выпуклая полуокружность) (табл. 2:3; 5:2 а–с). Основное свойство данного мотива – возможность увеличить или уменьшить его, а также вытянуть до овала, разделить пополам. Свойства полуокружности особенно хорошо видны, когда элементы мотива разделены рёбрами украшения. Куршские украшения редко бывали декорированы только мотивами окружности (круга). Наиболее популярен орнаментальный мотив – сочетание окружности и точки (так называемый “глазок”).

Куршская кривая формы “S” могла быть результатом деления окружности на две полуокружности, а также изменения направления и сечения украшения. В балтской ювелирике мотив полуокружности (или полуокружностей разных диаметров) появляется только в V–VI в.в. Именно тогда этот мотив появляется на бронзовых браслетах с угловатыми

концами. При расположении его по обеим сторонам ребра получается мотив, похожий на букву “S” (рис. 27).

В IX веке курши начинают носить пластинчатые фибулы различных форм. В их декоре появляется мотив двух переплетённых эллипсов, иногда напоминающий цветок с четырьмя лепестками (рис. 44: 2). В куршской культуре два переплетённых эллипса могли возникнуть из окружности, преобразованной различными способами, и двойного X. По-видимому, развитие двух переплетённых эллипсов у куршей происходило в процессе геометризации мотива, т.е. выпрямления концов эллипсов (рис. 44:2–4; табл. 2:3–b). Так в орнаментальную систему было введено число 8, которое курши любили и понимали.

Хотя сам мотив переплетённых эллипсов появился в куршской орнаментике не без влияния Центральной и Западной Европы и Скандинавии, мотив переплетённых эллипсов – интернационален.

Треугольник (табл. 2:4, 5:3 а–d). Самым популярным первичным мотивом куршской орнаментики VIII–IX в.в. был тисненый или пробитый треугольник. Треугольник остаётся популярным и в X–XII в.в., когда из него часто создавались плетёные узоры. Это легко преобразуемый мотив: его можно увеличить и уменьшить, расположить в разных ритмах и направлениях. Этот мотив использовался для декора не только украшений, но и предметов домашнего обихода. Из двух рядов треугольников, вершины которых направлены одна к другой, формировался так называемый зубчатый узор. Эта композиция значительно видоизменяется при увеличении или уменьшении промежутков между рядами мотивов (табл. 2:4е–f). Значительные изменения в композицию вносит изменение направления, а также её расположение по обеим сторонам ребра украшения (табл. 1:4–d). Курши часто применяли соединения треугольника и 1 или 3 окружностей (точек) (табл. 5:3–с–d), т.е. в треугольник включалось от 1 до 3 точек.

Ромб (табл. 2:5; 5:4а–в). В VIII–IX в. в. куршских украшениях ромб не был самостоятельным мотивом. Это производный мотив, получаемый при соединении треугольников или несколькими способами соединений X и двойных X в переплетение ромбов. В те времена визуальная ромбовидная плоскость изготавливалась путём тиснения треугольника на ребре украшения (табл. 2:4–в). В VIII–IX в.в. ромб как элемент формы куршских украшений встречается редко. Из этого периода известны лишь булавки с головкой в форме ромба. Такие булавки применялись для прикрепления головных уборов женщин (рис. 7).

В куршской орнаментике самостоятельный мотив ромба появляется в X веке, когда им начинают украшать дуги и концы массивных ленточных и зооморфных браслетов, шейные гривны, дуги фибул подковообразной формы. В декоре массивных ленточных браслетов X–XII в.в. очевидна взаимосвязь X и ромба (табл. 4:4–8). В Жемайтии ромб как самостоятельный мотив применялся намного раньше, возможно, даже с V–VI в.в.

Мотив X (табл. 2:6; 5: 5 а–с). X как первичный мотив в куршской орнаментике был очень популярен. Треугольник и X были самыми популярными первичными мотивами. X как первичный мотив является идеальной основой для создания орнаментальных мотивов и орнаментальных композиций. Это очень гибкий мотив. Мотив X значительно видоизменяется в зависимости от направления и расположения его на ребре украшения (табл. 2: 6 d–f). Основное свойство X – возможность

лёгкого соединения мотива в переплетение ромбов и сдваивания его. X может быть сформирован и из других первичных мотивов – зарубок, точек (табл. 2:6–с). Иногда X сочетается с небольшими окружностями (табл. 2:6–с). Переплетение мотивов X komponуется с рядами треугольников. Вид переплетений X можно изменить при помощи горизонтальной линии, проходящей через перекрёстное пересечение (табл. 2:6–d).

Одним из свойств X является возможность его удвоения (или даже учетверения, рис. 92:1), соединения в сложный плетёный узор (табл. 2:6). Курши начинают применять такой мотив с конца VIII века. Такое преобразование балтского мотива X было, по-видимому, обусловлено культурным взаимодействием куршей со скандинавами и народами Западной Европы.

При закруглении концов двойного X получается мотив двух переплетённых эллипсов. Мотив переплетённых эллипсов как элемент стиля викингов, а позднее – романского стиля, обнаруживается в искусстве Западной и Центральной Европы. Этот мотив часто используется в украшениях храмов в эпоху раннего христианства, а позднее – и храмов романского стиля.

Равносторонний крест (табл. 2:7а–с). Равносторонний (или греческий) крест как первичный мотив не характерен для куршских украшений VIII–IX в.в. Этот мотив не часто встречается и в начале II тысячелетия. Некоторые исследователи считают равносторонний крест одной из черт балтского орнамента, однако в куршской орнаментике этот мотив не популярен. Довольно популярна орнаментальная композиция, представляющая собой равносторонний крест из “глазков”. Такой крест компоновался в головку булавок для прикрепления головных уборов (рис. 7). В куршской культуре равносторонний крест чаще выражается через форму. В VIII–IX в.в. равносторонний крест является ярко выраженной частью круглых пластинчатых и арбалетовидных фибул, крестовидных булавок. Окружность и равносторонний крест являются наиболее часто встречающимся соединением формы и орнаментики (табл. 2:7–с). Также соединяются ромб и равносторонний крест (булавки колесообразной головки, поздние куршские ромбовидные подвески).

Мотив равностороннего креста становится более частым в X–XII в.в., когда им начинают украшать многогранные головки подковообразных фибул, ленточные браслеты (массивные и с зооморфными концами). Этим мотивом часто украшаются концы браслетов. В браслетах равносторонний крест часто компонуется в треугольник, знак в форме крыши или в ромб (табл. 2:7–с).

Свастика (табл. 2:8 а–е). Свастика является одним из самых интересных первичных мотивов (знаков) – символов в истории человечества. Концы свастики могут быть загнуты в направлении часовой стрелки и против часовой стрелки (табл. 2:8а). Свастика – это подвижный, динамичный знак. Её динамизм ещё раз подтверждается её изображением на предметах, связанных с движением. В период конца Римской империи и вплоть до VI века свастика в орнаментике европейских племён встречается редко. В археологических материалах Северной, Центральной и Западной Европы свастика начинает распространяться вместе со стилями I–II (по Б. Салину 1904 г.), когда появляется немало круглых украшений, например, круглые фибулы и разнообразные подвески у франков, англо-

саксов. А на острове Готланд и в Скандинавии появляются брактеаты. Именно тогда свастика приобретает своё основное соединение – окружность.

В декоре украшений балтских племён Литвы и, по-видимому, других племён балтов свастика появилась не ранее, чем в V–VI в.в. В более ранних материалах мотивов свастики немного. В V–VI в.в. свастика обнаружена на изделиях, орнаментика и место производства которых до сих пор являются спорными. Свастики, обнаруженные на украшениях балтов, очень разнообразны – от графически простых до сложных, вычурной формы, соединённых с ромбами.

Распространено мнение, что в латвийском археологическом материале мотив свастики известен с III века и очень распространён. Однако в древнем железном веке в Латвии, как и в Литве, мотив свастики обычно встречается в ажурных украшениях. А ажурные украшения II–IV в.в., чаще всего фибулы и подвески, являются подражанием балтийских ювелиров изделиям, изготовленным в Римских провинциях.

Мотив свастики не характерен для орнаментики куршских бронзовых украшений VIII–IX в.в. Свастика в куршской культуре стала более широко распространяться только в IX веке вместе с пластинчатыми фибулами. В начале II тысячелетия, когда стали носить подковообразные фибулы, концы некоторых фибул этого типа украшались знаком свастики. Однако в куршской орнаментике свастики стилистически довольно просты. Другие племена балтов (жемайты, латгалы, земгалы) мотив свастики любили больше.

Значительным является соединение свастики куршских пластинчатых круглых фибул с зооморфными элементами. Здесь концы свастики оканчиваются 4 стилизованными головками пресмыкающихся. Сюжет мироощущения таких фибул довольно сложен и, видимо, изображает пресмыкающихся, ползущих из мифического центра в 4 стороны света.

IV. 2. ОРНАМЕНТИКА ПЛАСТИНОК ИЗ БЕЛОГО МЕТАЛЛА

Множество бронзовых куршских украшений VIII–XII в. в. покрыто пластинками из белого металла (в этой работе пластинками из белого металла называются неисследованные пластинки из металла, количественный и качественный состав которого неизвестен). Это является характерной чертой украшения ювелирных изделий балтов. На пластинках из белого металла имеются только геометрические и плетёные узоры.

Рубчик (табл. 3:1 а–е). Рельефный поперечный или продольный рубчик – основной мотив, используемый во всех орнаментальных композициях. Это очень легко преобразуемый мотив. При его увеличении или уменьшении, утолщении или расширении он легко переходит в окружность (табл. 3:1а, 2 –а). При изменении направления мотива он может быть преобразован в ёлочку, превращён в верёвочку. Мотив рубчика применяется для разграничения вставок из стекла (1–3 ряда), краёв пластинок. Этот мотив применяется и для разграничения орнаментальных мотивов и орнаментальных композиций. Вертикальная полоса из 1–3 рубчиков подчёркивает вертикальную симметрию. Из рубчика могут быть сформированы мотивы видов X и V (табл. 3:1 – b, рис. 24). Из рубчиков можно сформировать и полукруги.

Полуокружность или точка (табл. 3: 2, 5:1 a–b). Рельефная полуокружность или точка могут быть очень разнообразными. Их внешний вид зависит от величины и плотности мотива. Суженная полуокружность или точка может превратиться в рубчик. Этот мотив легко разделить пополам (табл. 3:2–b). Этот мотив в куршской орнаментике редок. Точку легко разделить на концентрические окружности (табл. 3:2–c). Редкая композиция орнамента – соединение точек в мотив вида треугольника (табл. 3:2–c) или заполнение треугольника прямыми обоими направлениями – “ситечком” (рис 76:1, 77, табл. 5:3–d).

Прямая линия (табл. 3:3). Этот мотив бывает тиснёным или рельефным, но он встречается редко. Обычным в орнаментальных композициях является сочетание прямой линии и рубчиков. Иногда этот мотив сочетается с выпуклой точкой (табл. 3:2–c). Теоретически прямая линия зарубки или зарубка удлинена до прямой линии. Прямая линия, по-видимому, наиболее интересна тем, что направление изменяет внешний вид соединения рядов этого мотива (табл. 3:3–d).

Мотивы X и двойного X (табл. 3:4; 5:5 a–c). Это легко преобразуемый мотив. При увеличении, уменьшении, изменении направления мотива он визуально изменяется. X включается в основной орнаментальный мотив – переплетения X или ромбов. Мотив X легко сдвигается (табл. 3:4–b). Этот мотив преобразуется в сложный переплетённый узор или переплетение сдвоенных ромбов.

Мотивы треугольника и двух переплетённых эллипсов (табл. 3:5–6). Это особенно редкие первичные геометрические мотивы куршских пластинок из белого металла. Известно всего лишь несколько пластинчатых фибул X–XI в.в., своей формой напоминающих четырёхлепестковый клевер, которые украшены этими мотивами.

Сложные мотивы (табл. 3:7a–b, 5:6). Это мотивы, составленные из нескольких первичных мотивов. Для их изготовления применялся специальный штамп соответствующего размера. Наиболее популярным из сложных мотивов был мотив “ситечка”.

Для декора кольчатых арбалетовидных фибул применялся мотив, образованный из заштрихованных треугольников двух направлений. Он напоминает плетёный узор II типа.

Заемствованный мотив (табл. 3:8). Куршские пластинки из белого металла изредка украшались четырёхкратным переплетением. Оно похоже на переплетения стиля Борре.

IV. 3. ПЛЕТЁНЫЕ УЗОРЫ

Плетёные куршские узоры. При обсуждении плетёных узоров куршей и других балтских племён выделяются два крупных источника, оказавших влияние на их создание. Прежде всего, это геометрический орнамент самих балтов. Прямые полосовые плетёные узоры (I тип) произошли от разных способов соединения треугольника. X и двойной X были основой формирования плетёных балтских узоров перекрёстного переплетения (II тип). Вторым источником, стимулирующим дальнейшее совершенствование узоров I–II типов и появление плетёных балтских узоров III–V типов, были преобладающие в окружающем мире германские стили II–III вендельской эпохи (550–800), основой которых были различные плетёные узоры и узлы. Значительная часть плетёных узоров и других

элементов стилей более ранних эпох встречаются в стилях эпохи викингов. Вследствие активного культурно-торгового сотрудничества племён, живших вокруг Балтийского моря в эпоху викингов, уже в конце VIII в. – начале IX в. некоторые узоры были переняты и начали применяться в куршских украшениях. Также совершенствовались плетёные узоры I–II типов, создаваемые на основе геометрического балтского орнамента. Было сформировано несколько видоизменений (подтипов), однако в декоре куршских украшений плетёные узоры стали преобладать только в начале II тысячелетия, но уже в изделиях конца XII века наблюдается их значительный стилистический упадок.

Первый (I) тип. Это прямой полосовой плетёный узор, происходящий от треугольников, соединённых в двух направлениях (табл. 4:1–2). История формирования этого плетёного узора могла быть такой: треугольники располагались один вершиной вверх, другой – вниз. При соединении двух рядов расположенных таким образом треугольников и использовании ребра украшения получается узор I типа (табл. 2:4 c – d; 4:1–2).

Тип I а – это плетёный узор, сформированный из треугольников, соединённых вершинами, причём пространство между треугольниками заполняется рубчиками разных направлений (табл. 4:3–7). В плетёном узоре типа I а важную роль играет и использование ребра украшения (табл. 4:4).

Тип I б. В этом подтипе горизонтальный ряд треугольников соединяется основаниями (углами, прилегающими к основанию), а с другим рядом – вершинами (табл. 4:8–9). Это ещё один куршский плетёный мотив, составленный из треугольников. I б тип образуется при незначительном изменении интервалов (ритма) соединения треугольников и штриховании полученных плоскостей рубчиками разных направлений (табл. 2:4 – c; 4:8–9).

Второй (II) тип. Этот плетёный узор перекрёстного переплетения возник от X и двойного X. Второй тип плетёных узоров возникает при соединении этих мотивов в переплетения ромбов (табл. 4: 10–12).

Тип (II) а – это плетёный узор из 3 перекрёстно переплетённых полосок или полутора ряда горизонтально соединённых мотивов X и сдвоенного X (табл. 4: 13–15).

Третий (III) тип – мотив двух переплетённых эллипсов или узлов (табл. 4:16). Куршский плетёный узор III типа мог сформироваться из сдвоенного X при закруглении концов или в результате перекрещения двух овалов. Для III а типа характерны различные узлы (табл. 4:17, рис. 55:1). Петлевой крест (рис. 55:2 табл. 4: 17) пришёл в куршскую орнаментуку тоже как элемент стиля Борре.

Четвёртый (IV) тип – переплетения, заимствованные балтами из культуры викингов Скандинавии (табл. 4:18–19). Это переплетения мотива диагональных овалов или перекрёстные переплетения. Основа соединения таких переплетений – мотив диагональных овалов (рис. 50).

Тип IV а. Это мотив диагональных овалов, соединяемых полосой, имеющей форму ромба (табл. 4:20). Этот плетёный узор куршей встречается только в украшениях – плоских четырёхугольных фибулах (рис. 51).

Пятый (V) тип – переплетения, заимствованные у викингов, чаще всего из стиля Борре (середина IX в. – II половина X в.). В куршской орнаментике известно всего лишь несколько таких переплетений (рис. 15; табл. 4:21).

IV. 4. ГЕОМЕТРИЧЕСКИЙ СТИЛЬ КУРШСКОЙ ОРНАМЕНТИКИ

Балты от соседних племён отличались тем, что, начиная с первых бронзовых украшений и до конца XII в., особенно любили геометрический орнамент, т.е. основой их орнаментики были геометрические мотивы. Племена, орнаментика которых основана на геометрических мотивах, в зависимости от периода обычно используют определённое количество первичных мотивов, кроме того, одни мотивы предпочитались другим. Курши в своих орнаментальных структурах чаще всего использовали треугольник и X, а также орнаментальные мотивы и орнаментальные композиции на основе этих мотивов.

Орнамент и его племенная принадлежность характеризуются не только первичными мотивами, но и способами их соединения в орнаментальные мотивы и орнаментальные композиции. Во времена Римской империи, в эпоху переселения народов и даже в вендельский период геометрический орнамент был распространён у германских, угрофинских и славянских племён. Однако уже в конце IV в. – V в. в Европе (от юго-восточного побережья Чёрного моря, Пиренейского полуострова на западе, Норвегии и части южной Финляндии на севере, южной Франции и северной Италии на юге) начинается формирование и быстрое распространение германских стилей I–III, которые обуславливают фундаментальное отличие орнаментики народов Западной и Центральной Европы от орнаментики балтов. Европейская культура со времён эпохи переселения народов, а особенно в эпоху викингов, была под сильным влиянием искусства империи Восточного Рима или Византии, впитавшего в себя богатое наследие искусства Ближнего Востока, основанной на растительных мотивах. Однако, в орнаментике Европы эпохи меровингов и викингов сохранились мотивы и группы украшений, декорированных геометрическими мотивами, некоторые элементы геометрического стиля. Также следует подчеркнуть, что стилистика украшений европейских племён с её тождественными и подобными чертами в разных эпохах является единой. Можно выделить общие черты орнаментики и параллельные стилистические явления бронзового века, раннего железного века, римского времени, переселения народов, периода меровингов или вендельского периода, а также эпохи викингов.

В эпоху викингов на острове Готланд, отчасти и на острове Эланд и на побережье Швеции, геометрический стиль был довольно распространён. Украшения с геометрическими мотивами во времена викингов особенно любили жители Готланда. Здесь резко выделяются изделия, декорированные геометрическими мотивами и в стилях времён скандинавских викингов. Некоторые геометрические мотивы, например, треугольник, любили и балты, и скандинавы. Балты чаще всего треугольники соединяли таким образом, чтобы получилась зигзагообразная плоскость. Скандинавы чаще, чем балты, заполняли треугольник точками или штрихами. Скандинавы и балты пользовались различными цифровыми способами расположения орнамента.

Некоторые мотивы геометрического орнамента позднего железного века, например, два переплетённых эллипса, являются общими у германских племён, в том числе и у скандинавов, а также угрофиннов и славян. В эпоху викингов этот мотив распространяется на территории проживания восточных славян. В позднем железном веке мотив переплетённых эллипсов распространяется благодаря экспансии викингов в соседние страны.

IV. 5. ЗООМОРФНЫЕ МОТИВЫ

Часть куршских украшений VI–XII в.в. декорированы геометризированными зооморфными мотивами. Зооморфные мотивы в украшениях сочетаются с геометрическими.

При обсуждении балтийского орнамента одной из самых интересных и спорных проблем является происхождение балтского зооморфного стиля V–VI в.в. О происхождении этого стиля и способах его выражения в разные периоды литовские археологи высказывают два мнения. Одно из них: зооморфный стиль балтов возник на территории проживания балтов под влиянием местных культурных традиций. Также предполагается, что во времена переселения народов на возникновение этого стиля оказало влияние искусство племён Скандинавии и Центральной Европы (живущих у Дуная). И при отрицании скандинавского происхождения зооморфного стиля, и исходя из великого переселения народов в Западной и Центральной Европе и на побережье Чёрного моря обращается внимание на то, что изделия зооморфного стиля появились в Восточной Прибалтике не без помощи Скандинавии.

При обсуждении зооморфного стиля важно указать культурные толчки, обусловившие формирование этого стиля в балтском краю, а также влияние и вклад местных традиций орнаментики в создание своеобразного варианта зооморфного стиля на землях балтов. При рассмотрении украшений балтов V–VI в.в., VII–VIII/IX в.в., IX–XII в.в., декорированных зооморфными мотивами, оказывается, что они значительно отличаются от германских образцов этого стиля. Следует подчеркнуть, что эти украшения относятся к трём разным периодам, поэтому предпосылки их создания, совершенствования и производства на месте или импортирования и оказываемого на них влияния были различными.

Первое соприкосновение балтов с зооморфными мотивами, довольно реалистически изображающими животных, и с не свойственными балтам геометрическими мотивами, например, мотива формы буквы “S”, спиралью формы буквы “С”, ломаной линией, напоминающей меандр, мотивом, напоминающим свастику из трёх частей, – триквест, а также металлообработкой, ранее не применяемой балтами (глубокого выражения соотношения рельефа и плоскости, чернения, золочения), как с общеевропейским явлением произошло не ранее чем во второй половине V–VI в.в. В Литве изделий зооморфного стиля немного, и они теряются среди большого количества изделий, декорированных геометрическим орнаментом. Истоки названных мотивов следует искать в других краях – Скандинавии, на побережье Чёрного моря, в среднем течении Дуная, т.е. на территории германских и северогерманских племён, в их изделиях начала IV в. – V в. и стилях I–II.

Археологи при исследовании происхождения германского зооморфного стиля в Европе обращают внимание на сложность и многосторонность проблемы. Несомненно, на формирование германского зооморфного стиля оказало влияние реалистическое искусство Римской империи и её провинций. Германские племена, кочуя по Европе, в первую очередь столкнулись с римской культурой или были в сфере влияния этой культуры. Однако германские племена приспособили реалистическое искусство древней Греции и Рима к своему образу мышления и

абстрагировали его до уровня, приемлемого для их мировоззрения (Salin В. 1904). Во времена переселения народов германские племена в Центральной и Западной Европе, особенно в Англии, находились под влиянием довольно символического, однако богатого зооморфными элементами кельтского искусства, истоки которого достигают времён Хальштата (750–450/440 г.г. до рождения Христа) и Ла Тена (450/440–370/350 г.г. до рождения Христа). Во II веке готы и гепиды из Скандинавии, начавшие великое переселение народов, в 235 году уже достигли побережья Чёрного моря, где обнаружили реалистическое искусство скифов-сарматов, которое в те времена находилось под сильным влиянием античной греческой культуры. В переселение народов, как и в формирование зооморфного стиля, во второй половине IV века (375 г.) включились кочевые племена гуннов и несколько позже аваров. Их культура тоже внесла значительный вклад в формирование зооморфного искусства Европы. В результате всех этих влияний и несомненных усилий и желания самых германских племён создавать и совершенствовать зооморфные мотивы уже во второй половине V века в Европе сформировался зооморфный стиль I, а несколько позже стили II–III. Последний завершил времена меровингов или венделя. Созданные германскими племенами зооморфные мотивы были введены в искусство раннего христианства, но уже с VI–VII в.в. в Западной Европе христианство оказывало влияние на германские зооморфные стили.

Как ни странно, истоки зооморфного стиля находятся на севере Европы, т.е. на территории племён, которые не были завоеваны римлянами, или в тех местах, где после ухода римских легионов сменилась большая часть жителей (Южная Англия). Однако в течение римского периода культурное влияние Римской империи на вышеперечисленные территории было значительным. Уже в конце IV–V в.в. германское зооморфное искусство при его быстром совершенствовании отдалялось от его разнообразных первоисточников, приобретая стилистическую манеру, присущую германцам.

Итак, при рассмотрении куршского зооморфного стиля V–VI в.в., второй половины VII–VIII в.в. и VIII–XI/XI в.в., наиболее ярко выраженного в орнаментике арбалетовидных фибул, полезно было бы оглядеться по Скандинавии, юго-восточной Англии, землям Шлезвига-Гольштейна (Германия), т.е. территориям, где во времена переселения народов (375–550 г.г.) жили северо-германские, англо-сакские племена. Как известно, в середине V века Англия была завоевана англами, саксами и ютами, т.е. германскими племенами, ранее проживавшими на полуострове Ютландия и у нижнего течения Эльбы, в окрестностях Ганновера, на землях Шлезвига-Гольштейна. Вышеупомянутые германские племена жили вокруг Балтийского моря и на юго-восточном побережье Северного моря.

На формирование германского зооморфного стиля немалое влияние оказали стили, распространённые на небольшой территории южной Скандинавии (провинция Сканде в Швеции), – Сосдала (Sösdala) и Сюруп (Sjörup). Во второй половине IV – середине V в.в. для этих стилей характерны геометрический орнамент и зооморфные мотивы.

В германских племенах, как и в других европейских племенах, были распространены арбалетовидные фибулы или так называемые крестовые фибулы, принадлежащие к общеевропейскому типу фибул римского

периода. В конце IV – начале V в.в. германцы стали декорировать их зооморфными мотивами (рис. 1:1). Упомянутые северо-германские племена стали быстро совершенствовать крестовые фибулы. Для “скрытия” пружины и тетивы была добавлена прямоугольная пластинка, которая постоянно увеличивалась в размерах. На концах пластинки были добавлены 1, 3 концевые пуговицы. Выделяются несколько фибул конца IV – начала V в.в., найденных на островах Эланд и Борнгольм, – это арбалетовидные фибулы с литыми застежками и ножками, украшенными зооморфными мотивами (рис. 5: 3). В процессе совершенствования крестовых фибул германские ювелиры стали украшать нижнюю часть ножки головой животного. У этого животного появились “глаза”, “брови”, “ноздри”, сформировался “лоб” (рис. 1:1; 3:1,3; 4:1; 5:3). Голова животного украшалась и 2, 4 “отростками” (рис. 1:1; 2:1). Во второй половине V – начале VI в.в. к фибулам добавлялись небольшие пластинки с гранеными краями. В то же самое время ножки фибул начинают украшать горизонтальными или в форме ёлочки рельефными выступами (рис. 1:2; 2:1–2).

Второе столкновение с зооморфным стилем, оставившее более глубокие следы в орнаментике балтских украшений, произошло во второй половине VII–VIII в.в. (рис. 2:3; 3:2). Тогда зооморфные мотивы пришли из Скандинавии. Однако балты, в том числе и курши, позаимствовали у скандинавов только саму идею зооморфного стиля, некоторые элементы орнамента (“отростки”), возможности, предоставляемые глубоким рельефом и плоскостью, усовершенствованную технику литья. Куршские арбалетовидные зооморфические фибулы второй половины VII– VIII в.в. довольно разнообразны, и у них ещё немало общих черт с норманнскими прототипами (рис. 5:3). Однако, начиная с VII века, пути развития зооморфного стиля германцев и балтов безвозвратно расходятся: балты геометризуют животных, а германцы создают стили II–III.

Балтийские ювелиры в качестве основного мотива зооморфного стиля выбрали пресмыкающееся – змею или ужа, по-видимому, потому, что эти животные связаны с их мировоззрением. В мироощущении балтов пресмыкающиеся связаны с Древом Жизни или Мира, под корнями которого они жили. В литовском археологическом материале образ ужа или змеи как абстрактный геометрический символ был известен уже в древнем железном веке.

Ползающее животное как образ зооморфного стиля со времён римского периода был популярен в Скандинавии и во всей Северной Европе. Спиральные браслеты, изготовленные в Римском периоде в Италии, были украшены реалистическими головками пресмыкающихся. Такие браслеты найдены и в провинциях Рима. Реалистические зооморфные мотивы принято связывать с реалистической традицией греческого и древнеримского искусства. Более абстрагированные пресмыкающиеся характерны для украшений спиральных браслетов римского и вендельского периодов у германских племён. Образ пресмыкающегося с выразительными “миндалевидными” глазами известен по украшению шведских спиральных браслетов XI века. Поэтому, видимо, пресмыкающееся, свернувшееся в спираль, так же, как и свастику или равносторонний крест, следует отнести к общечеловеческим символам. Способ их изображения – реалистический или абстрагированный, геометрический – зависит от мышления каждого конкретного племени. Несомненно одно: эти символы были частью системы образов мировоззрения каждого

племени. В эпоху викингов, в процессе расширения связей куршей со Скандинавией, особенно с островом Готланд, возможности совершенствования балтского зооморфного стиля были под влиянием ранних стилей этого периода. Куршские ювелиры VIII–IX в.в., опираясь на общеевропейские традиции зооморфного стиля, создали своеобразный зооморфный стиль, основанный на геометрических мотивах. Этот стиль начал формироваться в конце VII века. В украшениях X–XII в.в. наблюдается не только дальнейшее абстрагирование зооморфных мотивов, но и очевидная деградация стиля. Кроме того, этот стиль несколько по-разному проявляется в орнаментике мужских и женских украшений. Зооморфные мотивы женских украшений намного больше абстрагированы, чем те же мотивы в мужских украшениях.

IV. 6. РАСТИТЕЛЬНЫЕ МОТИВЫ БАЛТОВ

Одним из интереснейших мотивов в куршской орнаментике является появление головок мака в украшениях арбалетовидных фибул. Скульптурные головки мака появляются в VII веке – вместе с зооморфными мотивами и рельефными поверхностями (рис. 2).

Балтские ювелиры, работая на основе геометрического орнамента, как по линейке горизонтальными линиями штриховали головки мака, как и всю поверхность арбалетовидных фибул. Таким образом, они геометризировали растительный мотив до уровня, который был образно приемлем для них (рис. 38–41).

Среди множества подковообразных фибул X–XII в.в., найденных в куршских могильниках, большую группу составляют фибулы с маковыми головками. Этот балтский тип подковообразных фибул особенно характерен для куршей. В литовском археологическом материале XI–XII в.в. обнаружено всего лишь несколько изделий с истинно растительными мотивами, выполненными на плоскости. Обычно это оковки конской узды и стремён.

IV. 7. АНТРОПОМОРФНЫЕ МОТИВЫ

Не характерны для куршской орнаментики. В Литве известно всего лишь несколько изделий, украшенных антропоморфными мотивами. Это импортированные украшения или изделия, изготовленные на месте, подражая не присутствующим балтам культурным традициям.

V. ДРУГИЕ ФАКТОРЫ, ОКАЗАВШИЕ ВЛИЯНИЕ НА ОРНАМЕНТИКУ

Форма. Орнаментика и форма украшения неразделимы. Внутренняя конструкция, орнамент большинства куршских украшений повторяют равносторонний, в виду конструкции некоторых украшений превратившийся в латинский, крест. Это арбалетовидные фибулы, крестообразные булавки.

Немало куршских украшений являются круглыми или по форме близкими к окружности (пластинчатые, подковообразные фибулы). Незначительная часть куршских украшений имеют форму овала, прямоугольника (пластинчатые фибулы, подвески). Часть украшений имеют форму треугольника (булавки с треугольной головкой). Более многообразны формы куршских подвесок, присоединяемых к булавкам. Они могут иметь форму полумесяца с тремя “отростками”, иногда бывают

полукруглыми с прямым основанием или имеют форму вертикального или горизонтального прямоугольника; также были найдены и подвески формы семян клёна.

В куршских украшениях спираль встречается в разнообразных цепочках, ожерельях, перстнях, браслетах, булавках, пластинчатых фибулах формы “S”.

Конструкция украшения. Это совокупность формы, орнаментики и дополнительных соединений (подвесок, цепочек, колец, отверстий).

Способ декорирования. Украшения куршей, как и других балтов, не покрываются полностью орнаментом. При декорировании украшений декорируемая поверхность разделяется на орнаментируемую и неорнаментированную части. Обычно полосами орнамента, группами орнаментальных мотивов или орнаментальными композициями покрываются центр и края украшения. Часто при помощи орнамента выделяются конструктивные части украшения.

Техника обработки. При изготовлении куршских украшений использовалось литьё,ковка, чеканка, гравирование и т.д. Часть украшений изготавливалась путём переплетения нескольких проволок (рис. 20–21). Широко применялось тордирование или его имитация. Бронзовые украшения часто покрывались пластинками из белого металла или оловянным покрытием. Была освоена и техника пайки при помощи олова.

Мелкий декор. Балтийские и, в особенности, куршские ювелиры любили лакировать украшения пластинками из белого металла и украшать вставками из голубого стекла, маленькими конусами, разнообразными заклёпками.

Чеканка орнамента при помощи штампов и гравировка (табл. 5). Балтские украшения часто чеканились при помощи маленьких штампов. Чеканка выполнялась при помощи отдельных штампов (пуансонов), резьба – при помощи специальных инструментов.

Эффект углублённой и ровной плоскости. Этот метод обработки украшений широко использовался в куршской ювелирике. Это означает, что те же самые мотивы выполнялись при помощи штампов или те же мотивы, но уже как рельефные, отливались в форме. В VIII–XII в. в ювелирике стали применяться разнообразные “отростки”. В украшениях появляются черты скульптурности. Эффект углублённой и ровной плоскости получался при применении дополнительной профильной пластики.

Симметрия. Форма и декор как балтских, так и куршских украшений являются симметричными. Обычно подчёркивается вертикальная симметрия. Эта черта обуславливается формой украшений.

Ритм. Орнамент украшений располагается ритмично. Первичные мотивы объединяются в орнаментальные мотивы, а последние – в орнаментальные композиции в соответствии с определённым ритмом. В расположение орнамента куршские ювелиры включали и числа. Используя две группы чисел (3, 6, 9 и 4, 8, 16), они располагали орнамент и моделировали форму и конструкцию украшения.

Сечения (рёбра) (табл. 2:1–6d). Поперечное сечение украшения часто меняется 2–3 раза (иглы булавок, спиральные браслеты, перстни), поэтому курши включали в декорируемое пространство и поперечное сечение его ребра. Расположение мотива на ребре украшения изменяет угол зрения, а заодно и сам мотив.

Направление орнамента (табл. 2:1–7e; 3:1–6e). Значительное влияние на орнаментику оказывало направление мотива. Вертикальное и горизонтальное расположение одного и того же мотива визуально изменяет мотив.

Расстояние между мотивами и величина мотивов (табл. 2:1–6f; 3:1–4d). Различное расстояние между композициями орнамента или орнаментальными мотивами обуславливает различное восприятие одной и той же композиции.

Метод спирали. Это сочетание орнаментального мотива в разных плоскостях. Например, два витка обмотки украшения создают один орнаментальный мотив (рис. 92:1; 101:11). При орнаментировке данным методом важен и ритм расположения мотива.

Массивность. Куршские украшения довольно массивны. Эту их черту подчёркивают многие исследователи. Часто массивность украшений является кажущейся. Кажущиеся массивные украшения изготавливались из бронзовой жести (рис. 89–90). Украшениям более лёгкий вид придавался углублениями, полыми местами в украшениях и т.п.

Цвет. Балтийские украшения были золотистого (бронзовые) или серебристого (серебряные) цвета. Бронза была от жёлтого до красноватого цвета. Истинный цвет бронзы установить трудно, так как небольшие количества свинца, олова, цинка значительно изменяют цвет этого сплава. Некоторые украшения декорировались вставками из голубого стекла.

Движение. На первый взгляд балтский, в том числе и куршский, орнамент довольно статичен. Этим он отличается от визуально и эмоционально динамичного германского декора. Однако расположение геометрического орнамента, его ритм, числа, цвета, витки, спирали, распределители вносили некоторую динамичность и оживление в куршские украшения.

Звук. Звук, по-видимому, был важен для отпугивания злых духов.

Мировоззрение. Форма, орнаментика, конструкция и даже способ ношения некоторых куршских украшений связаны с мировоззрением (табл. 9).

VI. УКРАШЕНИЯ

VI. 1. БУЛАВКИ ДЛЯ ПРИКЛЕПЛЕНИЯ И УКРАШЕНИЯ ГОЛОВНОГО УБОРА И ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

1.1. Булавки и украшения с ажурной треугольной головкой (рис. 6). Эти булавки являются типичными украшениями куршских женщин. Их находят в погребениях IX – начала XI в.в. Головки булавок украшены дырочками или дырочками и конусами, хотя попадаются булавки и без дырочек. Очень часто головки булавок вместе с конусами покрывали оловом. С целью экономии серебра конусики формировались из слоя олова, кроме того, слоем олова выполнялся орнамент вдоль края головки булавки.

1.2. Булавки с головкой в форме вытянутого ромба (рис. 7). Такие булавки носили во II половине VIII – IX в.в. По мнению некоторых исследователей, их можно обнаружить и в погребениях IX– X в.в. В форме и декоре головки булавки подчёркивается соединение ромба и креста. Для декорирования используются мотивы X, “глазков”, окружностей, рубчиков. Перечисленные мотивы располагаются в центре ромбовидной головки в форме креста (рис. 7:2). В этих украшениях используется и эффект плоскости и углублённого рельефа (рис. 7: 3).

1.3. Булавки с колесообразной головкой (рис. 8). Их находят в могилах женщин IX– X в.в. Головки либо круглые, состоящие из кольца и ромба или креста, либо их головка состоит из 2 колец и креста. Дужки булавочных головок обычно имеют 4 небольших “отростка”. Головки украшены 5 “вставками” из голубого стекла. Головки булавок покрыты пластинками из белого металла. Они покрывают всю плоскость ромбовидной головки или равностороннего креста булавки. Отдельной пластинкой покрывается дужка головки. Для декора пластинок используется только мотив рельефного рубчика.

1.4. Булавки с плоской ажурной головкой (рис. 9:1,4). В могильниках X– XI в.в. (в северо-западной Литве) находят булавки с плоской ажурной головкой. Головки булавок покрыты пластинками из белого металла, украшенные мелкими вставками из голубого стекла. Для декорирования пластинок применялся лишь один первичный мотив рельефный рубчик (табл. 3:1). Чаще всего рубчик в виде 2–3 концентрических окружностей располагался вокруг 5 вставок из стекла. Два других ряда рубчиков украшают края пластинок. Кроме того, 1–2 рядами декорируются “отростки”, имеющие форму полумесяца. Украшалась вся поверхность пластинки, поэтому головка булавки “перегружена” декором (рис. 9:4).

1.5. Булавки с нарезной головкой, напоминающей гвоздь (рис. 9:2–3). В могилах X– XI в.в., где были найдены булавки с плоской ажурной головкой, были обнаружены и булавки меньших размеров, крепление головок которых напоминает гвоздь. Головка таких булавок “нарезная” или напоминает снежинку. Технология изготовления булавок с головкой, напоминающей гвоздь, довольно сложна. Нарезная головка булавки делается из бронзы, стержень булавки – из железа. Головка булавки покрывается пластинкой из белого металла. Пластинки декорируются рядами рельефных рубчиков.

1.6. Нетипичные булавки для прикрепления и украшения головных уборов (рис. 10).

1.7. Кольчатые арбалетовидные фибулы (рис. 11–15). К украшениям куршских женских головных уборов относятся и кольчатые арбалетовидные фибулы. Эти фибулы в куршских погребениях VIII–IX в.в. обычно находят в области головы. Форма кольчатых арбалетовидных, как и других арбалетовидных, фибул сводится к равностороннему кресту, превращающемуся из-за пропорций фибулы в латинский крест. Этот крест украшается 8 колечками (4 – в средней части фибулы, 4 – на ножке фибулы). Концы пружины оканчиваются гладкими или рельефными кольцами (по два). Иногда участок средней части фибулы, находящийся у пружины, оканчивается небольшой прямоугольной пластинкой. Она украшается самостоятельной пластинкой из белого металла, вставками из голубого стекла. Декорировались и пластинки из белого металла, покрывающие ножку и среднюю часть фибулы. Тетивы фибулы орнаментировались редко. Для декора тетивы использовался мотив мелких точек, мелкие зарубки. В декоре пластинок всех балтских племён, носивших такие фибулы, наиболее любимым был мотив “ситечка”.

1.8. Головные венки (рис. 16). Только в нескольких куршских могильниках найдены головные венки. Их находят в могилах IX–X в.в. Головные венки состоят из металлических распределителей формы буквы “Т”, разноцветных бусинок из стекла и эмали, нанизанных на бронзовую проволоку или полоску кожи. Часто разрушившиеся головные венки находят в

трупосожжениях. Поэтому часто не ясен способ ношения головного венка. Бронзовые распределители головных венков обычно украшаются мотивом треугольника или "глазками".

1.9. Шапочки. В нескольких куршских могильниках найдены шапочки. Об их форме можно судить по сохранившимся бронзовым деталям. Обычно край шапочки украшался спиральными завитками.

VI. 2. УКРАШЕНИЯ ДЛЯ ШЕИ

2.1. Бронзовые бусы и разделители ожерелий (рис. 17). Бронзовых бус, относящихся к VIII–XII в.в., немного. Куршские женщины особенно любили ожерелья из ребристого голубого стекла, круглые бусы голубого и других цветов. В такие ожерелья часто подмешивались янтарные и бронзовые бусы, бронзовые завитки, цепочки. Иногда в ожерельях обнаруживаются их бронзовые распределители в форме буквы "Т". Они украшены группами горизонтальных рубчиков и мотивом сдвоенных X, вертикальными рядами треугольников с целью создания ромбовидных плоскостей. Иногда распределители имеют профилированные края, бывают украшены вертикальными линиями, "глазками".

2.2. Шейные гривны с тордированной дужкой с петлёй и крючком на концах (рис. 18:2). Такие шейные гривны начали носить в VII–VIII в.в. Носили их и в IX–X в.в. Украшалась внешняя и внутренняя поверхность дужки шейной гривны. Обычно при применении зарубок разных направлений создаётся впечатление переплетения сдвоенного ромба. Иногда очень мелкие треугольники располагаются на ребре украшения вершинами вниз. Изредка шейная гривна декорировалась горизонтальной канавкой, очень мелким мотивом вида "ситечка". Очень редко украшались все рёбра поверхности шейной гривны.

2.3. Шейные гривны с ровной дужкой с петлёй и крючком на концах (рис. 18:3). Эти шейные гривны обнаруживают в захоронениях IX–XI в.в., но наиболее характерны они для X–XI в.в. Чаще всего декорировалась тыльная часть дужки. Для украшения использовалось и поперечное сечение дужки шейной гривны, поэтому украшались ребра. При помощи зарубок разных направлений создавались мотивы сдвоенного X или ромба. Популярен был мотив треугольника. Треугольники располагались вершинами вниз. Применялся мотив непересекающихся треугольников с 3 точками внутри. В декоре шейной гривны применялся плетёный мотив, основой которого является переплетение X (II тип).

2.4. Шейные гривны с круглыми утолщёнными концами (рис. 19). Эти шейные гривны – наиболее характерное украшение куршских женщин. Их находят в захоронениях конца VIII века, но, по-видимому, их носили до XI–XIII в.в. Чаще всего украшались начало и конец расширяющейся части дужек шейной гривны. Были популярны группы вертикальных углублённых линий. Такие углублённые линии с обеих сторон украшались "ёлочкой" из очень мелких зарубок.

2.5. Витые шейные гривны с крючком и петлеобразными концами (рис. 20–21). Такие шейные гривны находят в захоронениях IX–XII в.в. Дужка шейной гривны обычно плелась из 2 или 3 проволок. Переплетение бывает довольно плотным. Большая часть этих шейных гривен неорнаментирована. Декорировались петли шейных гривен. При этом использовался

мотив мелких углублений, своим расположением напоминающих лучи. Есть шейные гривны, петли которых украшены рядами "глазков", очень мелких рубчиков, треугольников.

2.6. Шейные гривны других типов. В погребениях XI–XIII в.в. находят шейные гривны, сделанные из железного стержня с нанизанными бронзовыми или стеклянными бусами. В куршских захоронениях найдено несколько шейных гривен с крючкообразными и утолщёнными многогранными концами (рис. 18: 1).

VI. 3. НАГРУДНЫЕ УКРАШЕНИЯ

3.1. Арбалетовидные фибулы с перекладинами (рис. 22–26, 28). Эти фибулы произошли от арбалетовидных фибул с крестообразной ножкой VII века. Арбалетовидные фибулы с перекладинами подразделяются на пять типов. Арбалетовидные фибулы с перекладинами VIII–IX в.в. относятся ко II–IV типам. Они менялись по мере изменения тетивы, пружины и ножки фибул. Эти элементы становились шире и длиннее. Тетива упрощалась до элемента декора, а ножка превращалась в несколько перекладин. У фибул II типа вообще нет тетивы. Фибулы этого типа лишь условно можно назвать арбалетовидными фибулами с перекладинами, скорее, это крестообразные фибулы.

Фибулы отливались, ковались; применялась также клёпка и пайка. Для их декорирования применялись различные конусики. Фибулы покрывали пластинками из белого металла – серебра или олова, иногда бронзы; пластинки лудились с обеих сторон. Наиболее просто декорировались фибулы I типа (рис. 22:1). Чаще всего резной линией декорировались лишь края фибулы. Иногда последняя ступень фибул украшалась заклёпками. Часть фибул I типа украшалась чеканными пластинками из белого металла. В декоре пластинок широко применялся мотив рельефного рубчика. Отдельная прямоугольная пластинка у пружины украшалась вставкой из голубого стекла и пластинкой, декорированной мотивом рубчика.

Некоторые фибулы II типа (рис. 23–24) не декорированы. Часто только по краям фибулы вдавливались прямые углублённые линии. Иногда в концах перекладин делались углубления и их группы или отверстия. Часть фибул II типа покрыта пластинками из белого металла, для их декора применялся лишь мотив рельефного рубчика. Пластинка, находящаяся в пружине фибул, украшалась вставкой из голубого стекла.

Перекладины фибул III типа (рис. 25, 26: 1) покрыты пластинками из белого металла, декорированными мотивами рельефного рубчика и окружности. Концы пружины фибулы украшались маленькими конусами и колечками.

Арбалетовидные фибулы с перекладинами IV типа (рис. 26:2–4) обычно не украшаются пластинками. Орнамент фибул отливается вместе с телом фибул. В орнаменте имитируются рельефные помпоны, окружности. Последние более похожи на квадратики, они подражают мотивам на пластинках. Например, литой рельефный рубчик окаймляет края фибулы. Прямоугольные пластинки на пружине декорировались треугольниками, окружностями, "глазками". Пластинки украшались и литой вставкой – имитацией голубого "глазка" на пружине. Тетива фибул украшалась углублёнными вертикальными линиями; очень часто перекладины фибулы покрывались белым металлом – оловом.

Среди арбалетовидных фибул с перекладинами V типа (рис. 28) есть вообще не декорированные или лишь покрытые белым металлом. Некоторые фибулы этого типа декорированы подобно фибулам IV типа.

3.2. Арбалетовидные зооморфные фибулы (рис. 29–37; табл. 6: 1–2). Арбалетовидные зооморфные фибулы VIII–IX в.в. известны на территориях проживания куршей в Литве и Латвии, а также Ламатской земле.

I тип. (рис. 29–30). К этому типу относятся фибулы конца VII–IX в.в., концы тетивы, а также конец дужки, находящейся на пружине, и ножка которых оканчиваются довольно реалистическими остроносими головками ужа или змеи. Эти фибулы украшались изображениями 4 пресмыкающихся. Головки пресмыкающихся похожи на маленькие скульптуры с выразительными глазами и пастью. Головы животных украшены небольшими отростками – “рожками” (по два). Несмотря на высокий уровень реалистичности изображения головок пресмыкающихся, у них немало черт, свойственных геометрическому орнаменту, например, схематизм, обуславливающий обобществление образов изображаемых животных.

II тип. (рис. 31). Это фибулы VIII–IX в.в., в которых геометризованные головки ползущего пресмыкающегося изображены только на ножке и в конце дужки на средней части пружины. На фибулах изображены два пресмыкающихся. Этот тип фибул не является многочисленным. Концы тетивы фибул II типа не оканчиваются пресмыкающимся.

III тип (рис. 32–35:2, 36). Для арбалетовидных зооморфных фибул этого типа характерно, что вместо головки животного в конце дужки фибулы, находящейся на средней части пружины, появляется плоскость в форме трапеции. Головка пресмыкающегося остаётся только на ножке. Эта трапециевидная плоскость иногда орнаментируется, но чаще всего покрывается пластинкой из белого металла и украшается вставкой из голубого стекла. Концы тетивы головками животных не украшаются вообще или украшаются крайне редко. Такая фибула (III типа) была найдена в могильнике Андудай.

IV тип (рис. 37). Это переходный тип от арбалетовидных зооморфных к арбалетовидным фибулам с головками в виде маковых коробочек.

3.3. Арбалетовидные фибулы с головками в виде маковых коробочек (рис. 38–41; табл. 6:3–4). Фибулы этого типа находят в погребениях мужчин VIII–XI в.в. Арбалетовидные фибулы с головками в виде маковых коробочек начали носить со второй половины VII века. Без сомнения, на возникновение и развитие этого типа фибул оказали влияние арбалетовидные зооморфные фибулы. Арбалетовидные фибулы с головками в виде маковых коробочек были особенно распространены в VIII–XI в.в.

I тип. Декор фибул этого типа довольно одинаков. Их чуть расширяющаяся перпендикулярная ножка украшена двумя “отростками”. Конец дужки фибулы на средней части в пружине и концы тетивы украшены довольно реалистическими изображениями пресмыкающихся. Поверхность фибулы рельефна. Самое интересное, что только куршские фибулы декорированы выразительными зооморфными мотивами (**Ia тип** рис. 38). Однако из-за изменившегося соединения тетивы, пружины и маковых коробочек фибулы концы тетивы большинства фибул (табл. 6:2) зооморфными мотивами украсить невозможно (тип I; рис. 39; табл. 6:3–4).

II тип (рис. 40–41). К этому типу относятся массивные, большие фибулы. Их курши очень любили. Фибулы II типа находят в погребениях X–XI в.в.

В декоре арбалетовидных фибул с головками в виде маковых коробочек используются всего лишь несколько первичных геометрических мотивов. Это зарубка, точка, треугольник, X. Из этих первичных мотивов создавались орнаментальные мотивы и орнаментальные композиции. Вид рельефной зарубки значительно отличается от изображения, получаемого при использовании этого мотива на плоскости. Поверхность арбалетовидных фибул с головками в виде маковых коробочек пересекают более или менее широкие продольные канавки или они декорированы полукруглыми ямочками. Иногда арбалетовидные фибулы с головками в виде маковых коробочек украшались продольными рельефными зигзагообразными линиями (Моцкайчай, Клайпедский район). При помощи вертикальной и горизонтальной неорнаментированной плоскости в декоре фибул подчёркивалась симметрия и равносоставленное перекрещение. Центр фибул и движение (ползание пресмыкающихся) подчёркивались сильно выгнутой средней частью дужки, напоминающей горб. На фибулах этого типа пресмыкающееся более ярко выражено только на пружине. Арбалетовидные фибулы с головками в виде маковых коробочек украшаются 4–10 “отростками”.

3.4. Совообразные фибулы (рис. 42–43). Фибулы, напоминающие голову совы с открытыми глазами, находят в погребениях куршей, ламатийцев, латгалей, зиемгалей, жемайтов VII–IX в.в.

I тип (рис. 42). Фибулы этого типа археологи находят на землях южных куршей, латгалей и Ламаты. Фибулы I типа датируются VII–VIII в.в. Головка фибулы оканчивается полукруглой плоскостью с вырезами. Ножка фибулы короткая, плоская, расширяющаяся, углы часто украшаются круглыми плоскостями. Иногда на стыке ножки и средней части имеется ступенька или круглые плоскости. В ранних фибулах отсутствует тетива и пружина.

II тип (рис. 43). К этому типу принадлежат фибулы VIII–IX в.в. В нижней части головок фибул куршские ювелиры добавили довольно широкую дужку. Этим фибулам был придан вид “головы совы”. Пружина фибулы часто оканчивалась колечками или конусными пуговками. Для уравнивания отяжелевшей головы “совы” куршским ювелирам пришлось ещё больше расширить, прибавить к ней дополнительные плоскости. Фибулы II типа стали покрывать пластинками из белого металла и украшать мелкими вставками из голубого стекла. Пластинки чеканились мотивами рельефного рубчика, точки и “ситечка”.

Следует заметить, что совообразные фибулы балтов являются своеобразными тупиковыми изделиями, которые уже в VIII–IX в.в. были перегружены ненужными, не связанными с конструкцией фибул элементами. Поэтому, не находя путей к развитию, фибулы этого типа уже в конце IX в. исчезают.

3.5. Пластинчатые фибулы. Фибулы этого типа находят в погребениях, датируемых VIII/IX–XII в.в. В среднем и позднем железных веках наблюдается интенсивное совершенствование всех типов арбалетовидных фибул. В то же время в позднем железном веке мы видим упрощение форм арбалетовидных фибул. Арбалетовидные фибулы теряют своё изящество, пропорции, некоторые их части становятся функционально ненужными. В позднем железном веке пластинчатые фибулы появляются внезапно. В

балтском материале у них нет прототипов. По-видимому, появление пластинчатых фибул связано с влиянием скандинавской культуры. Некоторые пластинчатые фибулы из Скандинавии и островов Готланд и Эланд своей формой и декором подобны куршским фибулам. В 550/600–700 г.г. пластинчатые фибулы известны в германском мире Западной и Центральной Европы, Южной Скандинавии, на островах Эланд и Готланд. Пластинчатые фибулы, имеющие форму буквы “S”, находят в наследии лангобардов VI в. В археологическом материале франков и аламандцев VI–VIII в.в. обнаружены круглые фибулы и подвески – амулеты, подобные куршским. Орнаментика этих изделий (свастика с зооморфными концами, переплетённые эллипсы, различные переплетения) и их форма подобны балтским. В VI–VIII в.в. всевозможные переплетения, ранее известные из искусства коптов (египетских христиан), позаимствованы германские племена. В VIII–IX в.в. курши и другие балты переняли переплетения, как и форму фибулы. Курши приспособили формы пластинчатых фибул к геометрическому орнаменту и стереотипам мировоззрения, существовавшим в их культуре. Было позаимствовано только то, чему имелись геометрические соответствия, из которых позднее могли быть развиты форма и орнаментика.

Существует мнение, что часть любимых балтскими племенами пластинчатых круглых фибул III–V в.в. является прототипами фибул VIII–IX в.в. Однако пластинчатые фибулы III–V в.в. своим декором существенно отличаются от фибул, которые носили курши в VIII–X в.в. У фибул VIII–X в.в. формы разнообразнее, а декор – совершенно иной. В декоре круглых пластинчатых фибул древнего железного века чувствуется влияние культуры Рима и его провинций. Поздние пластинчатые фибулы изготовлялись на основе традиций культуры германских народов.

3.6. Круглые пластинчатые фибулы. Круглые пластинчатые фибулы в зависимости от характера их орнамента подразделяются на несколько групп.

а) круглые фибулы с переплетающимися эллипсами в центре (рис. 44:1). Места их пересечения обычно декорируются “отростками”. Курши любили украшать точки пересечения эллипсов “глазками”, а сами эллипсы – прямыми углублёнными линиями. Края дужки фибул декорировались зигзагообразными линиями из мелких точек, “глазками”, зарубками. При незначительной модификации мотива эллипсов он начинает напоминать “цветок” (рис. 44:2). При выпрямлении концов эллипсов мотив становится похожим на 2 вертикально и горизонтально пересекающиеся полосы (рис. 44:3–4). Места пересечения этих полосок украшаются конусиками, точками, “глазками”. Дужка фибул – без орнамента или украшена прямыми или наклонными зарубками;

б) круглые фибулы со свастикой в центре. Их можно разделить на два подтипа: фибулы с зооморфным мотивом (головками пресмыкающихся; рис. 45:1–3) на концах свастики и фибулы с неорнаментированными концами свастики (рис. 45:4).

Почти у всех фибул первого подтипа в центре есть небольшой шипок в виде конуса. Фибулы украшены мотивом “глазков”, треугольниками. Головки пресмыкающихся часто скульптуроподобны, довольно реалистичны, хотя попадают и очень схематизированные. Изредка глаза пресмыкающихся помечены “глазками”. Круглые фибулы с неорнаменти-

рованными концами свастики украшаются ямочками, “глазками” и другими мотивами;

в) круглые ажурные фибулы со спицами (рис. 46). Таких фибул найдено немного. Спицы фибул профилированные или прямые, часто не орнаментированные, а лишь покрытые оловянным покрытием;

г) неажурные круглые фибулы (рис. 47). Среди круглых фибул было найдено несколько неажурных. Обычно они орнаментированы “глазками”. Некоторые фибулы плакированы пластинками из белого металла. Пластинки декорированы мотивами рельефных рубчиков и точек. Иногда при изменении направления мотива он превращается в верёвочку. Изредка такие фибулы были украшены вставкой из голубого стекла.

3.7. Овальные пластинчатые фибулы. Эти фибулы подразделяются на два типа:

а) пластинчатые фибулы в форме восьмёрки (рис. 49:2). Таких фибул найдено немного. У завитка восьмёрки фибулы декорируются треугольными выступами (“отростками”), которые, видимо, являются совершенно абстрагированными головками пресмыкающихся. Фибулы декорированы скромно: рядом мелких точек, мотивом “глазков”;

б) плоские фибулы в форме буквы “S” (рис. 49:1,3). Их также найдено немного. На фибуле изображены два переплетённых в “S” пресмыкающихся. Головки пресмыкающихся похожи на небольшие, очень реалистические скульптуры. В головках хорошо смоделирован лоб, глаза, а ползание отлично выражено спиральным орнаментом и углублённой линией, идущей через всю спираль. Фибулы украшены мотивами треугольников, треугольников с 3 точками, маленькими точками, углублёнными линиями, зарубками.

3.8. Кольцевидные фибулы. В куршских могильниках IX–XII в.в. найдены две кольцевидные фибулы. Предполагается, что эти фибулы являются результатом развития подковообразных звёздообразных фибул с соединёнными концами. Дужки кольцевидных фибул покрыты пластинками из белого металла, украшены рельефным рубчиком.

3.9. Четырёхугольные пластинчатые ажурные фибулы. Эти фибулы, в зависимости от их формы и орнамента, подразделяются на 3 подтипа: **а) фибулы, орнаментированные узором перекрёстного переплетения (рис. 50).** Форма этих фибул является очевидным повторением переплетения, известного в германском мире Западной Европы в VII веке. Куршские ювелиры перенесли мотив диагонально расположенных овалов в форму фибулы, создав четвёртый тип балтского плетёного узора (табл. 4:18–19). Форма фибул в точности повторяет упомянутый мотив. В местах пересечения овалов ювелиры оставили ажурное пространство. Курши переняли это переплетение без начала и конца, видимо, потому, что оно соответствовало их мировоззрению или могло быть приспособлено к нему. Они “вырезали” ту часть этого переплетения, которая была им понятна. Во всех четырёхугольных ажурных пластинчатых фибулах зафиксировано число 8. Столько дырочек в любом выбранном переплетении. Это соответствует понятию куршей о мировом пространстве из 4 частей;

б) четырёхугольные фибулы с отверстиями разных форм (рис. 51; табл. 4:20). Эти фибулы состоят из диагональных овалов разных направлений, соединённых полоской, имеющей форму ромба. Это более сложное переплетение – узел – было известно в германском мире Западной Европы

и Скандинавии VII века. Куршские ювелиры преобразовали упомянутое переплетение в плетёный узор IV типа. Форма фибул этого подтипа повторяет основные элементы переплетения;

в) продолговатые ажурные фибулы (рис. 52:2). Таких пластинчатых фибул найдено немного. Продолговатые ажурные фибулы похожи на пластинчатые фибулы формы восьмёрки. От последних они отличаются тем, что являются более выразительно четырёхугольными, больше в размерах, кроме того, в них присутствует горизонтальная линия, делящая фибулу на две части. Кроме типичного геометрического орнамента, фибулы украшались ямочками и “отростками”.

3.10. Крестовидные пластинчатые фибулы. Такие фибулы находят в погребениях IX/X–XII в.в. Они подразделяются на два подтипа:

а) крестовидные фибулы, которые очень похожи на головки крестовидных булавок (обычно IV типа). Фибулы покрыты чеканными пластинками из белого металла. В их декоре применялись те же мотивы, что и для украшения крестовидных булавок. Основной мотив – рельефный рубчик. Иногда фибулы украшались вставками из голубого стекла и конусами или только покрывались белым металлом. Часть рельефного орнамента, имитирующего ряды рубчиков, отливалась вместе с фибулой;

б) Пластинчатые крестовидные фибулы, углы которой заканчиваются листьями клевера (рис. 53). Имеются 8 “отростков”. Фибулы покрывались чеканными пластинками из белого металла. В их декоре применялись мотивы рельефного рубчика, окружности и даже треугольников и переплетённых эллипсов.

3.11. Пластинчатые фибулы разнообразных форм, которых найдено всего по одному экземпляру (рис. 48, 52:1, 3, 54–55).

3.12. Подковообразные фибулы (рис. 56–67). В IX–XII в. в. подковообразные фибулы были одним из самых любимых украшений балтов. Такие фибулы начали носить в конце VII или VIII–IX в.в. Разнообразные подковообразные фибулы были особенно популярны в X–XII в.в. Их находят и в погребениях XIV–XVII в.в. Фибулы были распространены на территории всей Восточной Прибалтики. Их находят в Финляндии, на острове Готланд, в материковой Скандинавии, в Германии, Дании, Польше, средней полосе России.

3.12 А. Подковообразные фибулы с цилиндрическими концами (рис. 56–57). Фибулы этого типа появились в конце VIII–IX в.в. В зависимости от поперечного сечения дужки выделяются 10 подтипов подковообразных фибул с цилиндрическими концами. Наиболее популярными фибулами этого типа были фибулы с круглой дужкой. Многие подковообразные фибулы с цилиндрическими концами не имеют орнамента. Наиболее популярным мотивом декора этих фибул был мотив треугольников, расположенных полосами с целью создания зигзагообразной линии. Иногда эти треугольники повернуты вершинами друг к другу. В зависимости от способа соединения треугольников получались различные орнаментальные композиции. Фибулы так же украшались зарубками разных направлений, окружностями, “глазками”, мотивом X.

3.12 Б. Подковообразные фибулы с четырёхугольными концами (рис. 58–59:1, 60–61:1).

Курши носили множество подковообразных фибул с четырёхугольными концами. В зависимости от формы концов фибул они подразделяются на 5 подгрупп. Среди подтипов фибул с четырёхугольными кон-

цами наиболее известными являются подковообразные фибулы со звездообразными головками (рис. 61:1).

Сечения дужек подковообразных фибул с четырёхугольными концами довольно разнообразны. Часто поперечное сечение их дужек имеет форму ромба или шестиугольника. Поэтому ювелиры для украшения использовали рёбра фибулы (рис. 58–59). Подковообразные фибулы с четырёхугольными концами, оканчивающимися по-разному, орнаментированы орнаментальными мотивами и орнаментальными композициями, созданными из всех 8 первичных мотивов, дополнив их плетёными узорами. Обычно орнаменты расположены на концах фибул или в средней части дужки. Иногда украшаются концы и средняя часть дужки фибул. Подобные фибулы найдены на острове Готланд (рис. 59:2).

3.12 Ц. Подковообразные фибулы с головками в виде маковых коробочек (рис. 61:2–3; 62: 1–2). Подковообразные фибулы этого типа – излюбленное украшение куршей. Иногда в могиле обнаруживали 11–19 фибул с головками в виде маковых коробочек. В зависимости от сечения дужки подковообразные фибулы с головками в виде маковых коробочек подразделяются на 7 подтипов. В декоре фибул применялись первичные геометрические мотивы, за исключением свастики и +. Фибулы декорировались и плетёными узорами. На основе этих мотивов создавались орнаментальные мотивы и орнаментальные композиции. Однако немалая часть фибул этого типа вообще не орнаментирована.

Подковообразные фибулы с головками в виде маковых коробочек находят и на острове Готланд, но там этот тип фибул немногочислен. Готландские фибулы и куршские подковообразные фибулы с головками в виде маковых коробочек визуально схожи (рис. 62).

3.12 Д. Подковообразные фибулы с зооморфными головками (рис. 63–67). Фибулы этого типа появились в начале XI века, но их носили и в XIII–XIV в.в. В зависимости от сечения дужки фибулы подразделяются на 7 типов. Существует несколько форм головок подковообразных фибул с зооморфными концами. Одни зооморфные мотивы изящны и ещё напоминают головы реальных животных, другие – совершенно стилизованы, преобразованы в цветы типа тюльпана или лилии или вообще схематизированы (рис. 63–64, 66). Животные, изображённые на большинстве фибул этого типа, массивны, более или менее напоминают весёлого сказочного дракона (рис. 63:2, 64:1). Они вроде бы менее схематизированы, однако отдалены от реальных прототипов животных. Головы животных украшены группами рубчиков, “глазками”, треугольниками и другими мотивами. Дужки фибул часто тордированы, иногда тордирование является лишь имитацией.

3.12 Е. Подковообразные фибулы с утолщёнными и расширяющимися концами (рис. 67). Наибольшее количество фибул этого типа найдено на территории проживания куршей и жемайтов. В зависимости от сечения дужки подковообразные фибулы этого типа подразделяются на 8 подтипов. Иглы фибул этого типа изогнуты, пята иглы часто расширена. Несмотря на немалое количество фибул этого типа, их декор довольно однообразен. Декор фибул этого типа отличается тем, что здесь украшаются лишь концы фибул. Фибулы с расширенными и утолщёнными концами обычно украшались зарубками различных направлений, “глазками” (рис. 67:1–3). Иногда фибулы этого типа оканчиваются группами углублённых и рельефных рубчиков, поэтому их концы становятся профилированными (рис. 67:4). Исключительно редко фибулы с утолщёнными

и расширенными концами украшались мотивами наподобие букв "S" и "C".

VI. 4. БУЛАВКИ

4.1. Булавки с треугольной головкой и с круглыми пластинками на углах (рис. 68). Такие булавки характерны для погребений куршских женщин конца VIII – начала IX в.в. Форма их головки напоминает треугольник. Головка как бы насаживается на стержень. Вверху, посередине внешней части головки булавки, есть небольшой шипок. Головки булавок покрыты чеканными пластинками из белого металла, декорированы вертикальным рядом из X или сдвоенных X, ограниченным двумя рядами рельефных рубчиков. Пластинки булавок украшены 4 вставками из голубого стекла – два в полукруглых выемках и два – по обеим сторонам орнаментированной полосы;

а) подтип а III типа булавки с треугольной головкой и с круглыми пластинками на углах. В могильнике Андудай найдена уникальная булавка в литовском археологическом материале. Форма головки булавки похожа на головки булавок III типа, но она не плакирована пластинкой из белого металла. Головка булавки декорирована рельефным орнаментом и 3 "отростками" в центре. Середина треугольной головки заколки с внешней стороны украшена 1 крупным шипом. Булавка с рельефным декором более похожа на куршские булавки V типа.

4.2. Булавки с треугольной головкой и с треугольной выемкой в центральной части головки (IV тип) (рис. 69–70). К этому типу относятся булавки, на конце головок которых имеются придатки в форме полукруга или приплюснутого полукруга. Последние часто украшаются поперечными зарубками. Треугольные головки булавок в углах декорируются группами рубчиков. Часто в центре головок этих булавок бывает неглубокое треугольное углубление и небольшой шипок. Головки булавок не покрыты пластинками из белого металла, хотя довольно часто бывают только с покрытием из белого металла;

а) подтип а IV типа булавок с треугольной головкой (рис. 71). Эти булавки отличаются от основного типа наличием полукруглых плоскостей между головкой и стержнем булавки, а также наличием углублений, окружностей, овалов и даже дырочек на головке булавки. Создаётся впечатление, что эти булавки являются переходным звеном между рельефными булавками IV типа и V типа.

4.3. Булавки с треугольной головкой, украшенной рельефным орнаментом (V тип) (рис. 72–75). Выступы головок удлинены и напоминают головку пресмыкающегося. Эти булавки обнаружены лишь в куршской земле Мегува. Их находят в погребениях IX или X в.в. Орнаментика головок булавок основана на контрасте рельефа и плоскости. В центре головки имеется массивный шип. Центральный шип часто окружён розеткой, орнаментированной геометрическими мотивами, которая разделена на 4, 6, 7, 9, 11 или 12 частей. Кроме рельефа, гладкие плоскости головок этих булавок декорируются группами треугольников или ромбов, получаемых при соединении X в переплетении ромбов. Придатки головок булавок напоминают стилизованную головку пресмыкающегося. Иногда придатки головки пресмыкающегося украшаются "отростками", которых может быть два или четыре. Иногда придатки декорируются

геометрическими мотивами: X, маленькими окружностями, углублёнными точками, наклонными рубчиками, мелкими треугольниками, "ситечком". Гладкие плоскости головок булавок украшаются мотивами мелких точек, рубчиков, окружностей. X часто соединяется в переплетении ромбов. Часто декорируются также края головки и стержень булавки.

4.4. Крестовидные булавки с головкой в виде полушария на концах перекрестия (рис. 76). Такие булавки находят в погребениях VIII–IX в.в. Головки булавок у стержня булавки зарублены, поэтому создаётся впечатление, что они надеты на неё. Головки оканчиваются придатками в форме полушария или немного приплюснутого полукруга, которые украшены маленькими треугольниками, углублёнными линиями. Головки булавок покрыты чеканной пластинкой из белого металла, украшенной в центре вставкой из голубого стекла. В декоре пластинок применялся только мотив рельефного рубчика. Края пластинок декорировались 1–2 рядами таких рубчиков. Вставки из голубого стекла были окружены 1–2 рядами этого мотива. Булавки снабжены отверстиями для подвешивания подвесок. Они, как и головки булавок, покрыты пластинками из белого металла. Обычно декор подвесок более сложен, чем декор головок булавок. Декор подвески и головки булавки иногда может быть и стилистически различен (рис. 77).

4.5. Крестовидные булавки VIII–XII в.в. (рис. 78–86). Это булавки с головкой в форме равностороннего креста. Из-за соответствующих пропорций вся булавка похожа на латинский крест. Одними из самых любимых булавок куршей в VIII–XII в.в. были крестовидные булавки. Их носили только женщины. Куршские женщины украшали себя 7 типами крестовидных булавок, но особенно любили II–IV типы. Куршские булавки массивны. Головки булавок покрыты чеканными пластинками из белого металла. Концы и центр креста украшены вставками из голубого стекла, конусами. В украшении пластинок преобладает мотив рельефного рубчика. 2–4 ряда рубчиков расположены по краям сторон креста и вокруг вставок из голубого стекла. Иногда мотивом рубчика вводится дополнительная крестовина, мотив "цветка", состоящий из рельефной точки и рубчика. Стержень булавки в верхней части в поперечном сечении имеет форму ромба или шестиугольника, в нижней части она круглая. Ромбовидная или шестиугольная плоскость стержня булавки часто орнаментируется мелкими рубчиками, треугольниками, окружностями. Для орнамента используется ребро украшения: при расположении одного мотива на ребре обеспечивается стилистическое разнообразие орнамента. Куршские булавки имеют отверстия для подвешивания подвесок петли, которые часто бывают по-разному профилированы, украшены мелкими зарубками, зигзагом. **Подвески, распределители, цепочки.** К булавкам, особенно найденным в богатых погребениях, прикреплены подвески разнообразных форм, иногда объединённые в группы (по 2, 4, 5, 6, 7). Особенно популярными были подвески в форме полумесяца с 3 "отростками" и полукруглые подвески. Подвески, как и головки крестовидных булавок, покрывались пластинками из белого металла и украшались вставками из голубого стекла. Пластинки подвесок декорировались мотивами, которые были несколько разнообразнее и сложнее, чем мотивы декора головок булавок, хотя во всём декоре украшения стремились к единству стиля. Выделяются

подвески, состоящие из 7 частей. Это сложное сочетание подвесок часто присоединяется к крестовидным булавкам II и IV типа. Сочетание подвесок состоит из одной полукруглой подвески, 5 подвесок в форме вертикального прямоугольника и 1 подвески в форме горизонтального прямоугольника. Сочетание подвесок оканчивается полыми цепочками и подвесками в форме семян клёна. Иногда 5 вертикальных подвесок заменяются одной подвеской.

В качестве разделителей подвесок и цепочек используются завитки – улиткообразные или в форме буквы “А”. Их поверхность часто декорируется зарубками (поперечными в форме ёлочки). Концы улиткообразных завитков, скрученные в цилиндр или оканчивающиеся квадратиками, украшаются концентрическими окружностями и углублением в центре. Интересны разделители цепочек, напоминающие пресмыкающихся, свернувшихся в клубок.

Цепочки соединяли подвески в одно целое и завершали их сочетание. Курши любили несколько типов цепочек: лёгкие, обычно полые. Однако встречаются мелкие цепочки с полукруглым поперечным сечением, а также массивные цепочки с полукруглым поперечным сечением, отдельное звено которых похоже на спиральный перстень. Концы лёгких цепочек обычно оканчиваются подвесками в форме семян клёна. Край подвесок чаще всего украшаются 1–2 углублёнными линиями. Массивные цепочки нередко украшаются вертикальными зарубками, оканчивающимися улиткообразным завитком.

4.6. Круглые булавки (рис. 87–88). В могильниках, находящихся в Кяулейкяй и Лаздинкай, были найдены круглые булавки. В каждом погребении было найдено по паре булавок. Такие булавки датируются VIII–IX в.в. Круглые головки булавок имеют выступ или бывают плоскими. Головки булавок плакированы чеканными пластинками из белого металла. В их декоре используется мотив рельефного рубчика.

4.7. Посоховидные булавки и булавки со спиральной головкой. В куршской культуре VIII–IX в.в. булавки обоих этих типов встречаются не очень часто. Обычно эти булавки не украшены или украшены наклонными зарубками.

VI.5. УКРАШЕНИЯ РУК

5.1. Полые браслеты с расширяющимися концами (рис. 89–90). Это типичное украшение куршских женщин VIII–IX в.в. Передняя часть браслетов до сужения украшена геометрическими мотивами. Мотивы расположены в виде 2–3 горизонтальных рядов. Вертикальными рядами декорируются концы браслетов. Наиболее излюбленным был мотив треугольника и созданные на его основе орнаментальные мотивы и орнаментальные композиции. Браслеты украшались зигзагообразными плоскостями из соединённых рядов треугольников. Часто из зарубок формировался треугольник, оканчивающийся окружностью или “глазком”. Иногда вершины треугольников удлиняются 2–3 рядами мелких зарубок. Изредка в середине треугольника бывают 3 точки. Задняя часть браслета у суживающейся части оканчивается мотивами горизонтальной ёлочки, которые соединяются в ромбовидную плоскость.

5.2. Спиральные браслеты (рис. 91–93). Спиральные браслеты VIII–XII в.в. были характерным украшением куршей. Спиральные браслеты куршей этого периода подразделяются на 2 типа. I тип – спиральные браслеты

из бронзовых полосок различных профилей (рис. 91–93). Большинство спиральных браслетов относится к этому типу. В захоронениях куршских женщин находят и массивные спиральные браслеты, поперечное сечение которых имеет форму треугольника (II тип). Они наиболее характерны для северной Литвы.

В браслетах I типа обычно украшаются 2–3 конечных витка, хотя найдены и браслеты, в которых украшены все витки. Концы большинства браслетов сужаются. Были найдены и браслеты, концы которых оканчиваются треугольной или ромбовидной плоскостью. Такой браслет напоминает очень стилизованное пресмыкающееся. Иногда головки пресмыкающихся очень реалистичны: у них 2 глаза, мордочки декорированы “глазами”. Головки пресмыкающихся также украшались мотивами X и двоянного X, маленькими точками, зарубками, треугольниками, внутри которых были вкомпонованы 3 точки. В декоре спирального браслета обычно применялись зарубки, наклонённые вправо или влево. Декор спиральных браслетов отличается тем, что для их украшения использовался метод украшения по спирали.

5.3. Массивные браслеты (рис. 94–96). В VIII–XIII в.в. носили массивные ленточные браслеты. Браслеты этого типа по форме поперечного сечения дуги бывали довольно разнообразного профиля – от полукруга до прямоугольника неправильной формы. Сечение дуги не влияло на орнаментацию браслетов. Массивные ленточные браслеты всегда украшены. Концы браслетов декорированы рядами рубчиков, углублённых зарубок. Общей чертой браслетов этого типа является отсутствие орнамента на задней части дуги. Композиция орнамента с обеих сторон оканчивается разнообразными композициями из треугольников или треугольников с продлённой вершиной. Массивные браслеты любили украшать плетёными узорами (типы I а – в, II). Только в декоре массивных браслетов встречается мотив окружности с 4 радиусами. Значительная часть браслетов украшена углублённой кривой в форме буквы “S”. Буква “S” в браслетах бывает более или менее вытянутой и поэтому похожа на волну. Треугольники, расположенные в виде горизонтальных рядов, являются более редким орнаментальным мотивом, применяемых в декоре массивных браслетов. Массивные браслеты украшались зарубками, треугольниками, X. Эти первичные мотивы при использовании традиционных куршских методов соединения мотивов перерастают в орнаментальные мотивы и орнаментальные композиции.

5.4. Зооморфные браслеты (рис. 97–99; табл. 7). Одними из интереснейших украшений с точки зрения орнаментики являются зооморфные браслеты. В X–XIII в.в. курши особенно любили этот тип браслетов. Наиболее ранние зооморфные браслеты, относящиеся к VI–VIII в.в., были найдены в Груобине. На их декор оказали влияние стили вендельского периода Готланда и, по-видимому, средней Скандинавии. Зооморфные браслеты куршей принадлежат к двум хронологическим периодам: X–XI в.в. и XII–XIII в.в.

Зооморфные браслеты с треугольными плоскими концами (рис. 97; 99:2, 5–8; табл. 7:1). Большинство браслетов, найденных в регионе проживания куршей, были именно такими. Концы этих браслетов оканчиваются стилизованными головками животных, имеющими форму треугольника. Головки животных они напоминают только благодаря большим или меньшим “отросткам” (выступам) – ушкам.

Зооморфные браслеты с суживающимися концами (рис. 98, 99:1, 3–4; табл. 7:2). Поперечное сечение дуги зооморфных браслетов этого типа обычно бывает круглым или полукруглым, но может быть и треугольным. На концах браслетов небольшими “отростками” обозначены уши, “глазками” – глаза животного. Зооморфные браслеты обоих типов декорированы геометрическими мотивами и плетёными узорами. Браслеты, совершенно подобные куршским зооморфным браслетам с прижатыми друг к другу суживающимися концами, были найдены на острове Готланд.

5.5. Ленточные браслеты (табл. 8). Браслеты этого типа находят в погребениях VIII–XIII в.в. Это характерное украшение куршей. Браслеты подразделяются на типы в зависимости от сечения дуги. Их украшение во всём регионе проживания куршей было довольно одинаковым. Браслеты украшались мотивами X, ромба, группами зарубок, плетёными узорами I–II типа. Браслеты, декор и сечение дуги этих куршских браслетов подобны браслетам, которые были найдены на острове Готланд.

5.6. Браслеты с утончающимися концами (рис. 100). Такие браслеты находят в погребениях, датированных VIII–IX в.в. Существуют два типа этих браслетов: с гладкими сужающимися концами (I тип, рис. 100:3) и с многогранными головками на концах (II тип; рис. 100:1–2). Концы браслетов обычно украшались группами вертикальных зарубок. Иногда, используя ребро сечения украшения, группами наклонных зарубок, точками, треугольниками украшалась задняя часть дуги браслетов.

VI. Перстни

Перстни VIII–XII в.в. – это наиболее многочисленная группа находимых украшений. Их у куршей носили мужчины, женщины, дети. Большая часть колец VIII–IX в.в. являются спиральными. Поэтому их трудно отличить от других спиральных изделий, применяемых куршами для различных целей.

6.1. Спиральные перстни (рис. 101: 1–5, 10–12). Многие спиральные перстни не украшены. Чаще всего украшались все витки спирального перстня. Часто украшался каждый второй виток или несколько последних витков. В орнаментике спиральных перстней применялся вышеупомянутый метод украшения по спирали. При таком украшении используется поперечное сечение перстня, которое часто меняется дважды.

6.2. Спиральные перстни с расширенной передней частью (рис. 101:1–5, 7–9). Конечные витки этих перстней обычно украшались вертикальными зарубками. Средняя часть перстня украшалась зигзагообразной линией, которая на ребре сечения переходит в X, средняя часть перстней также часто декорировалась X, соединёнными в переплетение ромбов, мотивами “глазков”, рядами треугольников. Изредка средняя часть перстня украшалась рубчиками разных направлений – так создавался мотив “ситечка”.

6.3. Перстни с расширенной передней частью (рис. 101:6, 102–103). Такие перстни появляются в начале II тысячелетия. Средняя часть перстней этого типа может быть с выпуклым ребром посередине или без него. Перстни украшены обычными геометрическими мотивами: концентрическими окружностями, “глазками”, треугольниками, в

том числе и с рельефными точками внутри них, плетёным узором I типа.

6.4. Перстни с утолщённой передней частью. Концы перстней этого типа, как и концы перстней с расширяющейся передней частью, расположены внахлёстку. Передняя часть перстня значительно утолщена. Декорирована передняя часть перстня. Часто она тордировалась, иногда тордирование лишь имитировалось. Довольно часто промежутки между тордированными плоскостями украшаются тонкой филигранной проволокой. Передняя часть перстня также украшается зарубками разных направлений, группами из зарубок, “глазками”.

7. Круглые подвески (рис. 104–107). Круглые подвески находят в погребениях богатых женщин конца VIII–IX в.в. Круглые подвески являются самостоятельной группой украшений, не принадлежащей сочетаниям подвесок булавок.

Существует два типа подвесок. Они отличаются различным креплением петель. Подвески I типа украшены 5 вставками из голубого стекла (рис. 104), а II типа – 6 вставками (рис. 105). Бронзовые подвески обоих типов покрыты орнаментированной серебряной пластинкой. Середина пластинки украшена равносторонним крестом. В декоре применялось 5 мотивов (рубчик, точка, прямая линия, X, сдвоенный X). Наиболее популярным был мотив рельефного рубчика. Обычно им ограничивались или оканчивались орнаментальные композиции. Часто встречается и точечный мотив. Прямая линия в декоре круглых подвесок сочетается с рубчиком или точкой. В круглых подвесках очень популярен мотив X, а также мотив X, который сдваивается и соединяется в сложный плетёный узор.

VII. УКРАШЕНИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Языческое мировоззрение балтов сформировалось в соответствии с принципом модели мира, выраженной Древом Мира или Жизни. Идея Древа Жизни отражается в устном фольклоре (загадках, в календарных и трудовых песнях), в узорах тканей, комплектах национальной одежды, разнообразных инструментах, украшениях сундуков для приданого. Такая очевидная модель мира в виде Древа Жизни, встречающаяся в литовском этнографическом материале, должна была быть зафиксирована и в археологическом материале, в том числе в форме, орнаментике и способах ношения украшений.

Тожественность нации или племени, кроме других факторов, определяется и орнаментом. При более глубоком рассмотрении семантики балтского геометрического орнамента, формы и конструкции украшений выявляются черты, определяемые и стимулируемые мировоззрением и его фундаментом – Древом Мира или Жизни, его пространствами, состоящими из трёх (вертикального) или из четырёх (горизонтального) частей. Древом Жизни определяются вертикальное (небо, земля, подземное царство) и горизонтальное (север-юг, восток-запад) пространства. Так создаётся не только философская система – это и культурное поле, где могут творить боги, жить люди.

Древо Жизни и его цифровой код. Модель Древа Жизни из трёх и четырёх частей вдохновила людей создать и системы счёта – троичную и четверичную. Они отражены и в украшениях. При создании украшений

люди стремились в их форме и орнаментике воссоздать модели мира. Среди многочисленных украшений, носимых куршами, выделяются изображающие структуры Древа Жизни из трёх или четырёх частей. Вертикальная структура Древа Жизни (из трёх частей) в их украшениях меньше акцентируется. Куршские украшения чаще всего воплощают горизонтальную структуру Древа Жизни (из четырёх частей). Основой пространства Древа Жизни из четырёх частей была четверичная система счёта. Поэтому совершенно понятно пристрастие куршей к цифрам 4 и 8 (рис. 108). Эти цифры акцентируются в форме, конструкции, орнаментике (количестве, группировке мотивов) украшений. Цифры 4 и 8 особенно легко объясняются при делении окружности, когда воображаемое мировое пространство делится при помощи креста на 4 части. При делении окружности на 8 частей вводились дополнительные направления. Идея равностороннего креста, моделируемого различными способами, в декоре куршских украшений очень важна.

Другая яркая тенденция в форме, орнаментике и конструкции украшений связана с пространством Древа Жизни из трёх частей. Эта тенденция также наиболее заметна в украшениях круглой формы. Здесь окружность делится на 6 (3+3), 9 частей. Описываемые два разных пространства в балтской орнаментике не меняются местами, разве что вследствие ошибок при производстве украшений (рис. 109). Для балтской орнаментики довольно характерно и число 7. Им определяется всё Древо Мира или Жизни, а число 12 означало годичный цикл (рис. 110).

Древо Жизни – это универсальный постулат языческих религий. Оно не было присущим лишь балтам. Однако Западная и Центральная Европа уже в первые века после рождения Христа находилась под значительным влиянием древнеримской культуры. При ассимиляции народов и формировании ранних христианских государств языческое мировоззрение было вытеснено или значительно подавлено. Уже в конце V–VI в.в. в Европе создаются государства, официальной религией которых становится христианство.

Карта

1 карта. Куршские могильники VIII/IX–XII в.в.

1 – Андуляй; 2 – Аукшткемай; 3 – Бандужай; 4 – Димитравас; 5 – Генчай I; 6 – Генчай II; 7 – Гинталишке; 8 – Гиркалай; 9 – Годялай; 10 – Греже; 11 – Яздай; 12 – Кашучай; 13 – Кяулейкяй; 14 – Кретинга I; 15 – Лайстай; 16 – Лайвьяй; 17 – Лаздининкай; 18 – Наусодис; 19 – Паланга; 20 – Пришманчяй I; 21 – Рамучяй; 22 – Рудайчяй I; 23 – Сенкай; 24 – Сленгяй; 25 – Ужпялькяй; 26 – Тильтиная Айзвiku; 27 – Кальниняй Алсунгу; 28 – Аткальняй; 29 – Бельтянай Приекулес; 30 – Бункос Ежерс; 31 – Бункос Муїжа; 32 – Дарвдеджяй; 33 – Дарнекай; 34 – Дирияй Дурбес; 35 – Андзиняй Ежерс; 36 – Гравеники; 37 – Груобиня; 38 – Илксумай; 39 – Урбанай Кална; 40 – Капседе; 41 – Апариняй Каздангос; 42 – Роняй Каздангос; 43 – Бруверис Кроту; 44 – Сараяй Либагу; 45 – Маткуле; 46 – Страутиняй Медзес; 47 – Ница; 48 – Пасиллемис; 49 – Груобиня Приедиенос; 50 – Зведряй Пурес; 51 – Груобиня Ремесю; 52 – Гейстаутай Руцавос; 53 – Мазкатужяй Руцавос; 54 – Сауслаукяй Дурбес; 55 – Страдес Муїжа; 56 – Стрикяй Варвес; 57 – Вилкумуїжа Талсу ежерс; 58 – Силмалцемис Ужавос; 59 – Грамздос Упишу

Куршские могильники VIII/IX–XII в. в. в которых были найдены только случайные находки

① – Акмянские; ② – Апуоле; ③ – Ауксудис; ④ – Бабрунгенай; ⑤ – Гинтарай; ⑥ – Гандинга; ⑦ – Яздайчяй; ⑧ – Юодкранте; ⑨ – Имбаре; ⑩ – Курмайчяй; ⑪ – Квецяй; ⑫ – Лаукжемай; ⑬ – Негарба; ⑭ – Первалка; ⑮ – Режяте; ⑯ – Тубаусяй; ⑰ – Вардува (Жемайтчо Калвария); ⑱ – Жибининкай; ⑲ – Грабстес Зуинди; ⑳ – Сисе; ㉑ – Браслиная Валгалес; ㉒ – Вензава Зиру

Список таблиц

1. Куршские могильники VIII/IX–XII в. в.
2. Схема орнаментов бронзовых украшений
3. Схема орнаментов пластинок из белого металла
4. Плетёные узоры
5. Штампы
6. Схема соединения тетивы, пружины и пуговок арбалетовидных, арбалетовидных зооморфных фибул и арбалетовидных фибул с головками в виде маковых коробочек
 - 6.1. а – ось пружины; b – тетива; b₁ – пружина; b₂ – игла; с – концевые пугови; d – дужка; e – ножка; f – иглодержатель
 - 6.2 – 4. а – ось пружины; b – пружина; с – тетива; d – игла; e – концевые пугови; f – дужка; g – ножка; h – иглодержатель; i – держатель тетивы
- 7.1. Браслеты с зооморфными концами (I тип). Образцы орнаментальных композиций
 - а, h, s – Андуляй (иссл. в 1972 г.), погребение 4; b – Андуляй (иссл. в 1972 г.), случайная находка; c, s – Кретинга I, погребение 3; e, g–h, j, n, p, r – Кретинга I, погребение 4; f – Кретинга I, погребение 38; i, u – Кретинга I, погребение 11; k – Кретинга I, погребение 47; e – Кретинга I, погребение 49; m – Кретинга I, случайная находка; t – Кретинга I, погребение 50
 - 7.2. Браслеты с зооморфными концами (II тип). Образцы орнаментальных композиций
 - а, b – Кретинга I, погребение 4; с – Кретинга I, погребение 47; d – Кретинга I, случайная находка; e – Андуляй (иссл. в 1972 г.), погребение 2; f – Кретинга I, погребение 50; g – Кретинга I, погребение 3; h – Андуляй (иссл. в 1972 г.), погребение 2; i – Андуляй (иссл. в 1972 г.), случайная находка
8. Ленточные браслеты. Образцы орнаментальных композиций
 - а, e, k, l – Андуляй (иссл. в 1972 г.), погребение 4; b, d – Кретинга I, погребение 32; с – Кретинга I, погребение 29; f–g – Греже, могильная яма II; j–i – Бруверис Кроту, случайная находка
9. Схема от первичного мотива до мировоззрения

Список иллюстраций

Рис. 1. Крестообразные германские фибулы нач. V в. – 2-ой пол. VI в.
1 – Эндри, полуостров Ютландия, Дания; 2 – Бартом Сирейв, Англия;
3 – Слифорд, Англия
(1 – по Shtelig H.1906, fig. 32; 2, 3 – по Åberg N. 1926, fig. 77, 85)

Рис. 2. Рельефные и зооморфные мотивы северных германцев и куршей. V-VIII в.в.

1 – Øie, Норвегия; 2 – Феванг, Норвегия; 3 – Лаздининкай, (иссл. 1976 г.), погребение No 142.

(1,2 – по Schetelig H. 1906. Fig. 29, 48; 3 – рисунок Виргилиуса Труклицкаса)

Рис. 3. Германские V-VI в.в. и куршские VIII-IX в.в. зооморфные мотивы.

1 – Восточный Шеффорд, Англия; 2 – Лаздининкай, погребение No 36 (иссл. 1976 г.); 3 – Ханге, Норвегия; 4 – Генчай I, погребение No 226; 5 – Генчай I, погребение No 227; 6 – Хондстроп, остров Эланд, Швеция; 7 – Кашучай, погребение No 14 (1 – по Åberg N. 1926. Fig. 52; 3 – по Schetelig H. 1906. Fig. 48; 2, 4-5, 7 – рисунки Виргилиуса Труклицкаса; 6 – по Åberg N. 1923. Fig. 234).

Рис. 4. Крестообразные фибулы северных германцев и арбалетовидные фибулы жемайтов V-VI в.в.

1 – Росп Стейген, Норвегия; 2 – Пагрибис (район Шилале), VDKM 709:26 (1 – по Schetelig H. 1906. Рис. 47; 2 – по Vaitkunskienė L. 1991, pav. 3).

Рис. 5. Крестообразные германские и зооморфные арбалетовидные куршские фибулы V-VIII в.в.

1 – Лаздининкай (иссл. 1976 г.) погребение No 22; 2 – Восточный Шеффорд, Англия; 3 – Хондстроп, остров Эланд, Швеция (1 – рисунок Виргилиуса Труклицкаса; 2 – по Åberg N. 1926, fig. 52; 3 – по Åberg N. 1923, fig. 234)

Рис. 6. Булавки с ажурной треугольной головкой для прикрепления головного убора

1 – Паланга, погребение 357; 2 – Паланга, погребение 151 (реконструкционный рисунок)

(1 – по Žulkus V. 1998. P. 124, pav. 16; 2 – реконструкционный рисунок Виргилиуса Труклицкаса)

Рис. 7. Булавки с головками в форме вытянутого ромба

1 – Лайвйай, погребение No 15; 2 – Лайвйай, погребение No 168; 3 – Лайвйай, погребение 12

(рисунки: 1-2 – Аудроне Рузене; 3 – LLM. 1958. Pav. 469).

Рис. 8. Булавки с колесообразной головкой

1 – Генчай I, погребение No 130; 2-3 – Гинталишке, погребение No 14 и случайная находка; 4 – Лаздининкай (иссл. в 1976 г.), погребение No 18; 5 – Лайвйай, погребение No 155.

(1 – рисунок Эрики Гирчене; 2-3 – по Vaitkunskienė L. 1979, pav. 23: 2-3; 4 – рисунок Аудроне Лайнаукайте, 5 – по LLM. 1958. Pav. 469)

Рис. 9. Булавки с плоской ажурной и нарезной головкой, напоминающей гвоздь

1 – Лайвйай, случайная находка; 2 – Генчай I, погребение No 60; 3 – Генчай I, погребение No 76; 4 – Генчай I, погребение No 93

(1 – по LLM. 1958. Pav. 468; 2-4 – рисунки Эрики Гирчене)

Рис. 10. Булавка для прикрепления головного убора из могильника Лайвйай, погребение No 6

(по Kulikauskas Pr., Kulikauskienė R. 1949-1951 m. š. LII. F. 1. No 8)

Рис. 11. Кольчатая арбалетовидная фибула из могильника Кашучай, погребение No 13

(фотография Антанаса Лукшенаса)

Рис. 12. Кольчатая арбалетовидная фибула из могильника Тубаусйай, KгM, инв. No 113

(рисунок Виргилиуса Труклицкаса)

Рис. 13. Кольчатая арбалетовидная фибула из могильника Генчай I, погребение No 221

(рисунок Эрики Гирчене)

Рис. 14. Кольчатые арбалетовидные фибулы

1 – Лаздининкай, погребение No 26 (иссл. 1976 г.); 2 – Кяулейкяй, LNM AR 4:179; 3 – Генчай I, погребение No 195; 4 – Лайвйай LNM AR 2:2255.

(1 – рисунок Аудроне Лайнаукайте; 2 – по Vaitkunskienė L. 1981, pav. 5:3; 3 – Эрики Гирчене; 4 – рисунок Аудроне Рузене)

Рис. 15. Кольчатая арбалетовидная фибула из могильника Кашучай

(рисунок Виргилиуса Труклицкаса)

Рис. 16. Головной венок, Плунгеский район, местонахождение в точности неизвестно

(по LAB. 1961. Pav. 326)

Рис. 17. Ожерелья из янтарных и стеклянных бусинок и спиралей

1 – Сленгйай, погребение No 28; 2 – Пришманчйай I (иссл. 1984 г.), погребение No 7; 3 – Бандужай, погребение No 22

(1 – по Žulkus V. 1978 š. LII. F. 1. № 671; 2 – по Kulikauskienė R. 1984 š. LII. F. 1. № 1163; 3 – рисунок Бронюса Гражиса)

Рис. 18. Шейные гривны с петлей и крючком и с многогранными головками на концах

1 – Лайвйай, погребение No 173; 2 – Паланга, погребение No 34; 3 – Пришманчйай I (иссл. 1984 г.), погребение No 7

(1, 2 – рисунки Аудроне Рузене; 3 – по Kulikauskienė R. 1984 š. LII. F. 1. № 1163)

Рис. 19. Шейные гривны с круглыми утолщенными концами

1 – Генчай I, погребение No 76; 2 – Лаздининкай (иссл. 1976 г.), погребение No 28; 3 – Лаздининкай (иссл. 1976 г.), погребение No 187

(рисунки: 1 – Эрики Гирчене; 2-3 – Аудроне Лайнаукайте)

Рис. 20. Витые шейные гривны из могильника Паланга

1 – погребение No 252; 2 – погребение No 256

(рисунки Аудроне Рузене)

Рис. 21. Витые шейные гривны из могильника Паланга

1 – погребение No 178; 2 – погребение No 231

(рисунки Аудроне Рузене)

Рис. 22. Арбалетовидные фибулы с перекладинами

1 – Пришманчйай I (иссл. 1986 г.), LNM AR 3:626; 2 – Паланга, погребение No 71

(1 – по Kulikauskienė R. 1986 š. LII. F. 1. 1613; 2 – рисунок Аудроне Рузене)

Рис. 23. Арбалетовидные фибулы с перекладинами

1 – Кашучай, KгM, инв. No 10154/99; 2 – Лайвйай (иссл. 1940 г.), погребение No 48

(рисунки Виргилиуса Труклицкаса)

Рис. 24. Арбалетовидная фибула с перекладинами из могильника Лаздининкай

(фотография Модестаса Эжерскаса)

Рис. 25. Арбалетовидная фибула с перекладинами из могильника Лаздининкай (иссл. 1976 г.), погребение No 54

(рисунок Виргилиуса Труклицкаса)

Рис. 26. Арбалетовидные фибулы с перекладинами

1 – Пришманчйай I (иссл. 1984 г.), погребение No 5; 2 – Андуляй (иссл. 1975 г.), погребение No 1; 3 – Паланга, погребение No 59; 4 – Паланга, погребение No 37.

(1 – по Kulikauskienė R. 1989 š. LII. F. 1. No 1163; рисунки: 2 – Игнаса Яблонскиса; 3–4 – Аудроне Рузене)
Рис. 27. Арбалетовидная фибула из могильника Сленгяй
(по – Žulkus V. 1978 š. LII. F. 1. No 671)
Рис. 28. Арбалетовидная фибула с перекладинами из могильника Ужпялкяй, погребение No 39
(рисунок Виргилиуса Труклицкаса)
Рис. 29. Арбалетовидная зооморфная фибула из могильника Кашучай, погребение No 14
(рисунок Виргилиуса Труклицкаса)
Рис. 30. Арбалетовидная зооморфная фибула из могильника Генчай I, погребение No 226
(фотография Модестаса Эжерскаса)
Рис. 31. Арбалетовидная зооморфная фибула из могильника Генчай I, погребение No 262
(по Stankus J. 1996. Pav. 13)
Рис. 32. Арбалетовидная зооморфная фибула из могильника Лаздининкай (иссл. 1976 г.), погребение No 36
(рисунок Виргилиуса Труклицкаса)
Рис. 33. Арбалетовидная зооморфная фибула из могильника Лаздининкай (иссл. 1976 г.), погребение No 27
(рисунок Виргилиуса Труклицкаса)
рис. 34. Арбалетовидные зооморфные фибулы из могильника Кашучай, погребение No 25
(рисунки Виргилиуса Труклицкаса)
Рис. 35. Арбалетовидные зооморфные фибулы из могильника Лаздининкай
1 – погребение No 27; 2 – погребение No 192 (оба иссл. в 1976 г.)
(рисунки Виргилиуса Труклицкаса)
Рис. 36. Арбалетовидная зооморфная фибула из могильника Генчай I, погребение No 227
(фотография Модестаса Эжерскаса)
Рис. 37. Арбалетовидная зооморфная фибула из могильника Даукшаучай (Клайпедский р-н), LDM. Ap 132 110
(фотография Антанаса Лукшенаса)
Рис. 38. Арбалетовидная фибула с головками в виде маковых коробочек из могильника Кашучай
(рисунок Виргилиуса Труклицкаса)
Рис. 39. Арбалетовидная фибула с головками в виде маковых коробочек из могильника Лаздининкай, погребение No 17
(фотография Антанаса Лукшенаса)
Рис. 40. Арбалетовидные фибулы с головками в виде маковых коробочек из могильника Паланга
1 – LNM AR 396:3070; 2 – погребение No 107; 3 – LNM AR 96:3071
(рисунки Аудроне Рузене)
Рис. 41. Арбалетовидные фибулы с головками в виде маковых коробочек из могильника Паланга
1 – погребение No 38; 2 – погребение No 115
(рисунки Аудроне Рузене)
Рис. 42. Совообразная фибула из могильника Кашучай, КгМ, инв. No 10154/121

(фотография Антанаса Лукшенаса)
Рис. 43. Совообразная фибула из могильника Андуляй, случайная находка (по LAB. 1961. Pav. 240:1)
Рис. 44. Круглые пластинчатые фибулы
1 – Паланга, погребение No 87; 2 – Лайстай (иссл. в 1984 г.), LNM AR 646:39; 3 – Андуляй, случайная находка; 4 – Пришманчай I (иссл. в 1985 г), погребение No 39
(1 – рисунок Аудроне Рузене; 2 – по Varnas A. 1984 š. LII. F. 1 No 1136; 3 – по Gaerte W. 1929. Abb. 254:g; 4 – по Šimėnas V. 1985 š. LII. F. 1. No 1233)
Рис. 45. Круглые пластинчатые фибулы
1 – Андуляй, случайная находка; 2 – Лайвйай, погребение No 10; 3 – Паланга, погребение No 333; 4 – дер. Вилькенас, р-н Шилуте, КгМ инв. No 111
(1 – по Gaerte W. 1929 Abb. 254:c; 2–3 – рисунки Аудроне Рузене; 4 – рисунок Виргилиуса Труклицкаса)
Рис. 46. Круглая пластинчатая фибула из могильника Лаздининкай, КгМ, инв. No 2
(рисунок Виргилиуса Труклицкаса)
Рис. 47. Круглая пластинчатая фибула из могильника Греже, LNM AR 185:1413
(рисунок Аудроне Рузене)
Рис. 48. Круглая пластинчатая фибула из могильника Генчай I, погребение No 172
(фотография Модестаса Эжерскаса)
Рис. 49. Пластинчатые фибулы формы „S“ и восьмёрки
1 – Паланга, погребение No 150; 2 – Аукшткемай, случайная находка; 3 – Паланга, погребение No 152
(1, 3 – рисунки Аудроне Рузене; 2 – по Gaerte W. 1929. Abb 254:a)
Рис. 50. Четырёхугольные пластинчатые ажурные фибулы
1 – Паланга, погребение No 352; 2 – Паланга, погребение No 111; 3 – Андуляй (иссл. в 1972 г.), погребение No 1; 4 – Паланга, погребение No 57
(1–2, 4 – рисунки Аудроне Рузене; 3 – рисунок Игнаса Яблонскиса).
Рис. 51. Четырёхугольная пластинчатая ажурная фибула из могильника Лайвйай, LNM AR 2:2224
(рисунок Аудроне Рузене)
Рис. 52. Пластинчатые фибулы
1 – Паланга, погребение No 23; 2 – Вежайчяй, случайная находка; 3 – Генчай I, погребение No 172
(1 – рисунок Аудроне Рузене; 2 – по Gaerte W. 1929. Abb. 255:c; 3 – рисунок Эрики Гирчене)
Рис. 53. Крестовидные пластинчатые фибулы из могильника Греже, могильной ямы II.
1 – LNM AR 185:526; 2 – LNM AR 185:214
(рисунки Ирены Думшайте)
Рис. 54. Пластинчатая фибула из могильника Аукшткемай, MLIM, инв. No 50748
(по Gaerte W. 1929. Abb. 255:a)
Рис. 55. Пластинчатая фибула из могильника Аукшткемай, случайная находка
(по Gaerte W. 1929. Abb. 255:b)
Рис. 56. Подковообразные фибулы с цилиндрическими концами
1 – Греже, погребение No 19; 2 – Греже, погребение No 9; 3 – Паланга,

LNM AR 396:3672; 4 – Паланга, LNM AR 396:2787; 5 – Греже, погребение 44; 6 – Греже, LNM AR 185:544
(рисунки Аудроне Рузене)
Рис. 57. Подковообразные фибулы с цилиндрическими концами
1 – Паланга, погребение No 118; 2 – Лайвяй, погребение No 174; 3 – Греже, LNM AR 185:1241; 4 – Кретинга I, погребение No 48
(1–3 – рисунки Аудроне Рузене; 4 – рисунок Игнаса Яблонскиса)
Рис. 58. Подковообразные фибулы с многогранными и четырёхугольными концами
1 – Андуляй, KГМ, инв. No 9; 2 – Лайвяй, LNM AR 2:2226; 3 – Паланга, погребение 88; 4 – Паланга, погребение No 141; 5 – Паланга, погребение No 98; 6 – Паланга, погребение No 118
(1 – рисунок Игнаса Яблонскиса; 2–6 – рисунки Аудроне Рузене)
Рис. 59. Подковообразные фибулы с четырёхугольными концами
1 – Лайвяй, KГМ, инв. No 5166; 2 – Аскен, Готланд, SHM с 10183:16
(рисунки Виргилиуса Труклицкаса)
Рис. 60. Подковообразные фибулы с многогранными и четырёхугольными концами
1 – Кретинга I, погребение No 28; 2 – Греже, LNM AR 185:98; 3 – Греже, LNM AR 185:313
(1 – рисунок Игнаса Яблонскиса; 2–3 – рисунки Ирены Думшайте)
Рис. 61. Подковообразные фибулы со звездообразными головками и головками в виде маковых коробочек из могильника Кретинга I
1 – погребение No 8; 2 – погребение No 11; 3 – погребение No 11
(рисунки Игнаса Яблонскиса)
Рис. 62. Подковообразные фибулы с головками в виде маковых коробочек
1 – Гинталишке, погребение No 27; 2 – Гинталишке, погребение No 2; 3 – Готтем, Готланд, SHM, 16703
(1–2 – по Vaitkunskienė L. 1979. Pav. 20:2–3; 3 – рисунок Аудроне Блюене)
Рис. 63. Подковообразные фибулы с зооморфными головками из могильника Греже
1 – могильная яма No II, LNM AR 185:295; 2 – могильная яма No II, LNM AR 185:276; 3 – могильная яма No V, LNM AR 185:593; 4 – могильная яма No IX; LNM AR 185:1027
(рисунки Ирены Думшайте)
Рис. 64. Подковообразные фибулы с зооморфными головками
1 – могильник Страгнай (Клайпедский р-н), LNM AR 38:1260; 2 – Гинталишкес, ŽAM, инв. № 22202
(фотография Антанаса Лукшенаса)
Рис. 65. Подковообразная фибула с зооморфными головками из могильника Отем, Готланд, SHM, 10218
Рис. 66. Подковообразные фибулы с зооморфными головками из могильника Кретинга I
1 – погребение No 29; 2 – случайная находка
(рисунки Игнаса Яблонскиса)
Рис. 67. Подковообразные фибулы с утолщенными и расширенными концами из могильника Греже
1 – LNM AR 185:844; 2 – могильная яма No VI, LNM AR 185:667; 3 – могильная яма No III, LNM AR No 185:545; 4 – символическое погребение, LNM AR 185:1333
(рисунки Аудроне Рузене)

Рис. 68. Булавка с треугольной головкой из могильника Лаздининкай, погребение No 28
(рисунок Аудроне Лайнаускайте)
Рис. 69. Булавки с треугольными головками
1 – Паланга, погребение No 140; 2 – Лайвяй, LNM AR 2:6
(рисунки Аудроне Рузене)
Рис. 70. Булавка с треугольной головкой из могильника Паланга, погребение No 28
(фотография Антанаса Лукшенаса)
Рис. 71. Булавки с треугольными головками из могильника Паланга
1 – погребение No 332; 2 – погребение No 327
(рисунки Аудроне Рузене)
Рис. 72. Булавка с треугольной рельефной головкой из могильника Лаздининкай (иссл. в 1976 г.), погребение No 5
(рисунок Виргилиуса Труклицкаса)
Рис. 73. Булавка с треугольной рельефной головкой из Негарбы
(рисунок Виргилиуса Труклицкаса)
Рис. 74. Булавки с треугольными рельефными головками из могильника Паланга
1 – погребение No 48; 2 – LNM AR 396:3073; 3 – погребение No 95
(рисунки Аудроне Рузене)
Рис. 75. Булавка с треугольной рельефной головкой из могильника Паланга, погребение No 357
(фотография Антанаса Лукшенаса)
Рис. 76. Крестовидные булавки с головками в виде полушария из могильника Лаздининкай (иссл. в 1976 г.)
1 – погребение No 187; 2 – погребение No 26
(рисунки Аудроне Лайнаускайте)
Рис. 77. Подвеска, покрытая чеканной серебряной пластинкой, из могильника Лаздининкай (иссл. в 1976 г.), погребение No 187
(фотография Модестаса Эжерскаса)
Рис. 78. Крестовидная булавка из могильника Лаздининкай (иссл. в 1976 г.), погребение No 56.
(рисунок Аудроне Лайнаускайте)
Рис. 79. Крестовидные булавки
1 – Паланга, погребение No 357; 2 – Лаздининкай (иссл. в 1976 г.), погребение No 5.
(1 – по Žulkus V. 1988. P. 124, pav. 16; 2 – рисунок Виргилиуса Труклицкаса).
Рис. 80. Крестовидная булавка из могильника Паланга, погребение No 311
(рисунок Аудроне Рузене).
Рис. 81. Крестовидные булавки
1 – Паланга, погребение No 304; 2 – Генчай I, погребение No 233.
(1 – рисунок Аудроне Рузене; 2 – рисунок Эрики Гирчене)
Рис. 82. Крестовидная булавка из могильника Кашучай, погребение No 13.
(рисунок Виргилиуса Труклицкаса)
Рис. 83. Крестовидная булавка из могильника Генчай I, погребение No 69
(рисунок Эрики Гирчене)
Рис. 84. Крестовидные булавки из могильника Паланга
1 – погребение No 142; 2 – погребение No 123
(рисунки Аудроне Рузене)

- Рис. 85. Крестовидные булавки
1 – Пришманчай I (иссл. в 1984 г.), погребение No 9; 2 – Лаздининкай (иссл. в 1976 г.), погребение No 115
(1 – рисунок Расы Гурскайте; 2 – рисунок Аудроне Лайнаускайте)
- Рис. 86. Крестовидная булавка из могильника Пришманчай I (иссл. в 1984 г.), погребение No 7).
(рисунок Расы Гурскайте)
- Рис. 87. Булавка с круглой головкой из могильника Сленгяй, погребение No 28
(по Žulkus V. 1978 š. LII. F. I. No 671)
- Рис. 88. Булавки с круглыми головками из могильника Лаздининкай (иссл. в 1976 г.), погребение No 136
(Рисунки Аудроне Лайнаускайте)
- Рис. 89. Полюе браслеты с расширяющимися концами
1 – Генчай I, погребение No 233; 2 – Лаздининкай, погребение No 28; 3 – Лаздининкай, погребение No 23 (2–3 иссл. в 1976 г.)
(1 – рисунок Эрики Гирчене; 2–3 – рисунки Аудроне Лайнаускайте)
- Рис. 90. Полюе браслеты с расширяющимися концами
1 – Пагудоне (Тельшайский р-н), ŽAM, A 2165; 2 – Лайвйай, LNM AR 2:1 (2 – рисунок Аудроне Рузене)
- Рис. 91. Спиральные браслеты
1 – Лайвйай, погребение No 224; 2 – Паланга, погребение No 96
(рисунки Аудроне Рузене)
- Рис. 92. Спиральные браслеты
1 – Андуляй (иссл. в 1972 г.), погребение 1; 2 – Паланга, погребение No 12; 3 – Лайвйай, погребение No 226
(1 – рисунок Игнаса Яблонскиса; 2–3 – рисунки Аудроне Рузене)
- Рис. 93. Спиральные браслеты из могильника Годялай, погребение No 1.
(по – Valatkienė L. 1986 š. LII. F. I. No 1711)
- Рис. 94. Массивные браслеты из могильника Паланга
1 – погребение No 311; 2 – погребение No 310; 3 – погребение No 159; 4–5 – погребение No 30; 6 – погребение No 123; 7 – погребение No 141; 8 – LNM AR 396:3063; 9 – погребение No 31; 10–12 – погребение No 20
(рисунки Аудроне Рузене)
- Рис. 95. Массивный браслет из могильника Паланга, погребение No 357
(фотография Антанаса Лукшенаса)
- Рис. 96. Массивный браслет из могильника Генчай I, КгМ, инв. No 2810
(рисунок Виргилиуса Труклицкаса)
- Рис. 97. Зооморфные браслеты из могильника Лаздининкай
1 – погребение No 48D (иссл. в 1998 г.); 2–4 – погребение No 107; 5 – погребение No 179 (2–5 иссл. в 1976 г.)
(рисунки Виргилиуса Труклицкаса)
- Рис. 98. Зооморфные браслеты из могильника Лаздининкай
1 – погребение No 72; 2, 4 – погребение No 146; 3 – погребение No 107; 5 – погребение No 48D (иссл. в 1998 г.) (1–4 иссл. в 1976 г.)
(рисунки Виргилиуса Труклицкаса)
- Рис. 99. Зооморфные браслеты из могильника Лаздининкай
1 – погребение No 68; 2, 5 – погребение No 177; 3, 8 – погребение No 146; 4 – погребение No 47; 6 – погребение No 89; 7 – погребение No 49 (1–8 иссл. в 1976 г.)
(рисунки Виргилиуса Труклицкаса)

- Рис. 100. Браслеты с утончающимися концами и с многогранными головками на концах
1 – Паланга, погребение No 119; 2–3 – Кашучай, погребение No 30
(1 – рисунок Аудроне Рузене; 2–3 – рисунки Игнаса Яблонскиса)
- Рис. 101. Спиральные перстни и перстни с расширенной передней частью
1 – Лайвйай, погребение No 178; 2 – Паланга, погребение No 116; 3, 5 – Лайвйай, погребение No 181; 4 – Паланга, погребение No 112; 6 – Паланга, LNM AR 396:3026; 7 – Лайвйай, погребение No 43; 8 – Паланга, погребение No 41; 9 – Лайвйай, погребение No 96; 10 – Лайвйай, погребение No 17; 11 – Паланга, LNM AR 396: 2316; 12 – Кретинга I, погребение No 24
(1–11 – рисунки Аудроне Рузене; 12 – рисунок Игнаса Яблонскиса)
- Рис. 102. Перстни с расширяющейся передней частью
1, 3 – Кретинга I, погребение No 24; 2 – Сленгяй, случайная находка
(1, 3 – рисунки Игнаса Яблонскиса; 2 – по Žulkus V. 1997. P. 183, Abb 12:3 No 1978)
- Рис. 103. Перстни с расширяющейся передней частью из могильной ямы могильника Греже II
1 – LNM AR 185:251; 2 – LNM AR 185:495; 3 – LNM AR 185:496; 4 – LNM AR 185:280
(рисунки Ирены Думшайте)
- Рис. 104. Круглая подвеска из могильника Лаздининкай (иссл. в 1976 г.), погребение No 56
(фотографий No 104–107 Антанаса Лукшенаса)
- Рис. 105. Круглая подвеска из могильника Паланга, погребение No 34a
- Рис. 106. Круглая подвеска из могильника Лаздининкай (иссл. в 1976 г.), погребение No 56 (деталь)
- Рис. 107. Круглая подвеска из могильника Лаздининкай (иссл. в 1976 г.) погребение No 174 (деталь)
- Рис. 108. Янтарная пряслица из могильника Лаздининкай (иссл. в 1976 г.), КгМ, инв. No 1058/86
(фотография Антанаса Лукшенаса)
- Рис. 109. Круглая ажурная пластинчатая фибула из могильника Лаздининкай (иссл. в 1991 г.), погребение No 2
(рисунок Паулюса Гасюнаса)
- Рис. 110. Ажурная подвеска из могильника Страгнай
(LLM. 1958. Pav. 142)
- Рис. 111. Круглая ажурная пластинчатая фибула из могильника II Пришманчай, КгМ, инв. No 2239
(фотография Антанаса Лукшенаса)
- Рис. 112. Костел Св. Иоанна. Часовня Св. Анны. Деталь алтаря Св. Виктора.
(фотография Мечисловаса Сакалаускаса)

UDK 7.031.4(474.5) „06“-„11“

BI-73

Bliujienė, Audronė

Vikingų epochos kuršių papuošalų ornamentika: (istorijos mokslo leidinys) /
Audronė Bliujienė. – Vilnius: Diemedis, 1999. – 300 p.: iliustr.
Bibliogr.: p. 203–217.

ISBN 9986-23-063-2

Audronė BLIUJIENĖ

VIKINGŲ EPOCHOS KURŠIŲ PAPUOŠALŲ ORNAMENTIKA

(Istorijos mokslo leidinys)

Knygoje aptariama VII/IX–XII a. kuršių papuošalų ornamentika, jos sistematika ir galimybė ornamentikos pagrindu tipologizuoti papuošalus, taip pat nagrinėjami pagrindiniai baltų pasaulėžiūros bruožai, turėję įtakos papuošalų formai ir ornamentikai. Kuršių kultūra nagrinėjama kaip neatskiriama vikingų epochos Europoje dalis.

Viršelyje žalvarinė lankinė aguoninė segė iš Genčių I kapinyno, kapo 185

Leidėjas:

„**Diemedžio**“ leidykla (neperiodinės spaudos redakcija). SL. Nr. 1583.

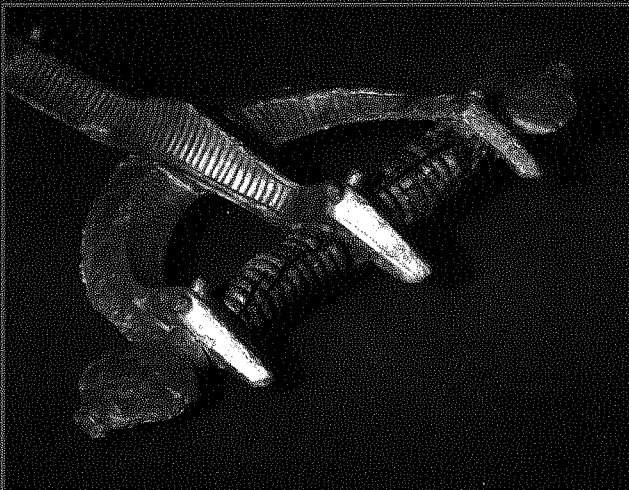
Vyr. redaktorius Danas **Kaukėnas**. Tel. 73 53 44, 29 75 51, faks. 731900.

Pasirašyta spaudai 1999 07 07. 26,125 sąlyginių sp. lankų. Tiražas 1050 egz.

Spausdino AB „Vilspa“, Viršuliškių skg. 80, 2056 Vilnius. Užsakymo Nr. 732.

Kaina sutartinė.

Monografija supažindina su VIII/IX – XII amžiaus kuršių, vienos iš baltų genčių, papuošalų ornamentika, pačiais papuošalais ir pasaulėžiūra. Šiame darbe pagrindinis dėmesys buvo sutelktas į geometrinių motyvų sistematiką, o taip pat galimybę ornamento pagrindu tipologizuoti papuošalus.

Todėl ornamentika nagrinėjama nuo mažiausių ornamento elementų iki sudėtingų ornamentinių struktūrų. Aptariami visi veiksniai galėję įtakoti ornamentiką. Aptarti ir pagrindiniai

pasaulėžiūros bruožai įtakoję papuošalų formas ir dekorą. Kuršių papuošalų ornamentai, kiek leidžia ištirta medžiaga, palyginti su kitų baltų genčių ornamentika. Darbe pateikiama palyginamoji medžiaga iš vakarų ir vidurio Europos bei Skandinavijos. Kuršių kultūra yra nagrinėjama, kaip neatskiriama vikingų epochos kultūros Europoje dalis. Pabrėžtina, kad kuršių kultūra buvo ne tik veikiamą vikingų epochos kultūrinių reiškinių, bet ir žymiai įtakojo įvairių tautų kuriamą Baltijos jūros regiono kultūrinę erdvę. Tai pirmoji knyga Lietuvoje plačiai nagrinėjanti vienos iš baltų genčių ornamentus.